

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
Российской академии наук

На правах рукописи

ПРОКОПЬЕВ Игорь Ростиславович

**Военное реформирование в США в конце XX – начале XXI веков:
теоретическая основа, опыт применения и результаты**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
БАТЮК В.И.

Москва – 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Эволюция военной политики США на рубеже XX – XXI веков	27
1.1. Концептуальные изменения в области военной политики США накануне XXI века: «новый мировой порядок» и десятилетие «избирательного» участия.....	32
1.2. Влияние оборонной трансформации администрации Дж. Буша-мл. на доктринальные установки военной политики США	46
1.3. Новые явления в военной политике и национальной безопасности США в 2010-е гг.	59
1.4. Функциональные аспекты эволюции военно-политических взглядов США в конце XX – начале XXI веков	81
1.5. Выводы	89
Глава 2. Реформирование министерства обороны США в конце XX – начале XXI века	96
2.1. Административное реформирование военной организации США.....	96
2.2. Преобразования хозяйственной деятельности МО США.....	114
2.3. Реформирование военной науки, промышленности и торговли.....	124
2.4. Реформирование социальной сферы военной организации США	137
2.5. Выводы	151
Глава 3. Реформирование вооруженных сил США в конце XX – начале XXI веков	158
3.1. Истоки современных представлений о реформировании ВС США... ..	158
3.2. Реформирование ВС США накануне XXI века	170
3.3. «Трансформация» ВС США и зарубежные боевые кампании в начале XXI века.....	184
3.4. Реформирование ВС США на современном этапе	197
3.5. Выводы	232
Заключение	238
Список сокращений	250
Список источников и литературы	252
Приложение	287

Введение

Актуальность темы исследования. В условиях качественного изменения геополитической ситуации после окончания «холодной войны», повышения конкуренции на международной арене все большее влияние на определение подходов отдельных государств к формированию военной и внешней политики в последние десятилетия оказывает военная организация и входящие в нее институты.

В современном научном дискурсе данные институты принято рассматривать в основном с количественных позиций – т.е. по статистическим показателям (численность личного состава войск (сил), укомплектованность боевой техникой, уровень государственных расходов на оборону и их доля в общефедеральном бюджете и внутреннем валовом продукте и т.д.). Считается, что именно цифры являются определяющими при оценке эффективности военной организации и деятельности вооруженных сил. Однако, практика развития военной организации крупных государств показывает, что указанный подход не является адекватным критерием оценки эффективности. Практика свидетельствует, что оперативный успех, прежде всего боевых действий, далеко не всегда зависит от объемов финансирования или численного превосходства.

Военная организация и вооруженные силы – это сложные динамические системы со множеством внутренних процессов, действие которых требует качественного измерения. Как и любой жизнеспособный государственный институт они развиваются и адаптируются к внешним условиям, что имеет важнейшее значение для их успешного функционирования. При определенных обстоятельствах преобразования, происходящие в этих институтах под влиянием различных факторов и объединенные одной целью, могут стать управляемым процессом, называемым реформированием.

На сегодняшний день в научной литературе вопросам военного реформирования незаслуженно уделяется второстепенное значение в контексте

развития политической системы государства и ее взаимосвязи с системой международных отношений в целом. Считается, что реформирование – сугубо внутренний процесс, который отражается только на самой военной организации. На военное реформирование обычно смотрят дискретно, изучая лишь отдельные его проявления. Более того, зачастую путают с более узкими понятиями. Например, с модернизацией, которая возникает из-за объективной потребности замены устаревших образцов вооружений и военной техники. Или с реформой – программой, предполагающей наличие отдельного документа или их совокупности, в соответствии с которыми выполняются преобразования в отдельных областях деятельности в заданные сроки.

Реформирование же – понятие гораздо более емкое, чем отдельные преобразовательные процессы или набор процессов, протекающих внутри институтов. Оно предполагает, что изменения могут происходить в разных сферах, но взаимосвязаны между собой и направлены на достижение общей цели в рамках всей политической системы государства. Таким образом, можно определить, что военное реформирование – это происходящие на протяжении длительного времени качественные и количественные системные преобразования в теоретических и практических принципах устройства, функционирования и управления институтами и процессами внутри военной организации государства и нацеленные на изменение ее характера в интересах повышения ее эффективности для обеспечения национальных интересов.

Примечательно, что в отдельных случаях военное реформирование не только следует общему вектору развития институтов, но и порой его задает, открывая новые, ранее недоступные возможности, которые позволяют государству успешнее применять не только силовой, но и более совершенный и разнообразный политический инструментарий. В таком контексте системные преобразования военной организации представляют обширное поле для политических исследований.

Особый интерес вопросы военного реформирования вызывают в случае США, которые с конца XX века проводят глубокие преобразования своей военной

организации. На протяжении «холодной войны» США выстраивали свою стратегию безопасности с учетом угрозы выживанию, исходившей от равноценного противника. После Второй мировой войны в американской доктрине национальной безопасности военная сила была основным методом защиты национальных интересов: «Ставка на вооруженную силу <...> стала не просто продолжением, а заменой политики. Военная сила стала не только средством, но и самоцелью американского подхода к международным делам».¹

С окончанием «холодной войны» геополитическая ситуация в мире кардинально поменялась. США остались единственной сверхдержавой, обладающей несравнимым военным потенциалом. Бескровный исход противостояния с Советским Союзом для американского руководства был во многом неожиданным. Во второй половине 1980-х гг. в США предпринимались попытки спрогнозировать развитие конфликта с СССР, но аналитики не рассчитывали на мирную развязку.

С 1990-х гг. система международных отношений оказалась в неопределенном состоянии. С одной стороны у США отсутствовал мощный враг, что открывало новые перспективы, с другой стороны, в поле зрения попадало все больше новых, нетрадиционных угроз, с которыми ранее американским военным не приходилось сталкиваться. В этой ситуации Вашингтону было необходимо упрочить свое положение и создать благоприятные условия безопасности для реализации своих национальных интересов в глобальном масштабе.

В Вашингтоне оказались не готовы к столь кардинальным изменениям, и военная организация надолго погрузилась в состояние концептуального «дрейфа».² Американские лидеры нуждались в новом курсе, на который должна была опереться военная организация, что привело к затяжной теоретической дискуссии о роли и месте военной силы в доктрине обеспечения национальной безопасности.

¹ Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Международные отношения, 1989. С.260.

² US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by H. Sapolsky, E. Gholz and C. Talmadge. - Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. P. 13-14.

Отдельного упоминания в период преобразований последних 30 лет заслуживает министерство обороны США. Оно занимает особое положение в системе государственной власти США, играет ключевую роль в определении основных направлений развития военного строительства и внешней политики и координирует работу подразделений и функции правительства в области национальной обороны.

Этот институт является крупнейшим государственным ведомством с колоссальным военным персоналом и бюрократическим аппаратом (на попечении Пентагона находится более полумиллиона гражданских специалистов и более двух миллионов военнослужащих, члены их семей, военные пенсионеры). Распределяемый бюджет исчисляется сотнями миллиардов долларов и составляет почти половину мировых оборонных расходов. Это ведущее ведомство в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (его доля составляет около половины ежегодных госинвестиций США в науку). Кроме того, данное ведомство находится в особых взаимовыгодных отношениях со своими подрядчиками, являясь единственным заказчиком их продукции на внутреннем рынке, а также ключевым органом в продвижении ВВТ за рубеж.

По мере завершения биполярного противостояния с СССР американская военно-политическая элита стала осознавать – наряду с необходимостью совершенствования теоретической базы военной политики – и необходимость глубокой структурно-функциональной перестройки оборонного ведомства. Десятилетиями, следуя установкам национальной стратегии, МО находилось в постоянной мобилизации для возможной войны с Советским Союзом. Теперь же в новых условиях министерство нуждалось в переходе к функционированию в мирное время. Требовался кардинальный пересмотр принципов, на которых базировалась ведомственная архитектура и методы работы.

Изменения, происходившие в конце XX – начале XXI веков в Пентагоне, приобрели системный характер, и, несмотря на обширный перечень причин, побудивших начало реформирования целого комплекса внутренних процессов, обусловлены общей целью – устранением барьеров, мешающих повышению

эффективности военного строительства и проекции военной мощи в мире. Достижение этой цели проводится за счет поддержания и совершенствования военного потенциала, оптимизации расходов и структуры аппарата, получения прорывных научно-технических достижений, обеспечения доминирующих позиций ВВТ американского производства на зарубежных рынках, реализации грамотной кадровой и социальной политики и т.д.

Понимание военного реформирования в США на современном этапе затруднительно без рассмотрения эволюции идейно-событийного контекста, повлиявшего на организацию, подготовку и комплектование американских вооруженных сил. Их развитие на рубеже XX – XXI веков неразрывно связано с положениями основных концептуальных документов государства и с изменениями в работе оборонного ведомства

Вооруженные силы США – комплексный институт, изучение которого требует рассмотрения преобразовательных процессов не только по отдельным видам и родам войск, но прежде всего как единого целого, для которого характерны общие черты, тенденции и недостатки. ВС являются одним из основных инструментов внешней политики США, что ставит их в особое положение в обеспечении национальных интересов. Как и преобразования в доктринальных документах и процессах внутри МО после окончания «холодной войны», изменения в ВС США обусловлены такими факторами, как смена геополитического, финансово-экономического и технологического контекста. Происходящие с конца XX века в войсках изменения носят системный характер и направлены на выполнение общей цели – повышение эффективности применения объединенной войсковой группировки для достижения оперативного превосходства и стратегической победы в глобальном масштабе.

Ввиду глобального охвата национальных интересов и с учетом колоссальных размеров в сравнении с ВС других стран американская военная организация занимает особое место в инструментарии проведения внешней политики. Поэтому изучение всего комплекса преобразований, произошедших с ней за последние три десятилетия, чрезвычайно важно для понимания поведения

США на международной арене в конце XX – начале XXI веков, оценки эффектов, которые они оказали и продолжают оказывать на процессы в мире.

Военное реформирование напрямую связано с вопросом повышения конкурентоспособности США в мире. От успеха преобразований во многом зависит успех реализации внешне- и военно-политического курса США. Лишь изучив качественные преобразования в данной сфере можно более точно оценить эффективность и выявить количественные и качественные ограничения внешней и военной политики США. Наконец, научное осмысление реформирования военной организации имеет значение для прогнозирования того, как США будут вести себя в мире дальше.

Степень научной разработанности проблемы. Место и роль военной организации и вооруженных сил США в национальном внешне- и военно-политическом инструментарии достижения глобальных целей привлекают постоянное внимание со стороны широкого круга исследователей, включая политологов, историков, экономистов и военных теоретиков. Различные аспекты деятельности этих институтов имеют высокую степень изученности, им посвящена обширная библиография как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе.

Вместе с тем системный анализ вопросов военного реформирования после окончания «холодной войны» только начинает внедряться в освещение этой темы. На сегодняшний день изучение преобразований американской военной организации как в отечественной, так и в зарубежной, в первую очередь, американской политической науке, проведено хотя и широко, но весьма дискретно. Исследователи данной проблемы, как правило, касаются лишь отдельных тематических и функциональных аспектов реформирования, преимущественно в короткие промежутки времени.

В теоретическую основу диссертации легли работы А.А. Громыко³, Ю.П. Давыдова⁴, М.Ю. Дундукова⁵, И.Ю. Жинкиной⁶, П.С. Золотарева⁷, В.А. Кременюка⁸, П.Т. Подлесного⁹, С.М. Рогова¹⁰, С.М. Самуйлова¹¹, В.Ю. Селивановой¹², Н.Л. Семина¹³, А.И. Уткина¹⁴, Т.А. Шаклеиной¹⁵ и др.¹⁶ Их

³ Громыко А.А. Становление нового мирового порядка // США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. №11. С. 78-88.

⁴ Давыдов Ю.П. Стратегические культуры США и Европы // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №3. С. 48-70; Давыдов Ю.П. США: меняющееся видение меняющихся угроз // США-Канада: экономика, политика, культура. 2004. №10. С. 3-22.

⁵ Дундуков М.Ю. Современная система национальной безопасности США: основные тенденции развития // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. №11. С. 113-127.

⁶ Жинкина И.Ю. Военное превосходство США и национальная безопасность // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. №1. С. 89-99; Жинкина И.Ю. Глобальное лидерство США и его влияние на международные отношения // США-Канада: экономика, политика, культура. 1999. №7. С. 39-49; Жинкина И.Ю. Понятие «война» в американской стратегии национальной безопасности: научный доклад. М.: ИСКРАН, 2001. 75 с.

⁷ Золотарев П.С. Глобальные процессы и информатизация военного дела [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009. №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=173>; Золотарев П.С. Некоторые особенности военной политики США и Китая [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2007. №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=58>

⁸ Кременюк В.А. Внешняя политика США на рубеже веков // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. №5. С. 3-15; Кременюк В.А. Война США в Ираке: «второй Вьетнам» // Война в Ираке: американские институты власти и общество, материалы науч. конф., 22 декабря 2005 г. М.: ИСКРАН, 2006; Кременюк В.А. Новая мировая ситуация и ее влияние на политику США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2001. №5. С. 3-15; Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015. 319 с.

⁹ Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США (2001–2002 гг.): коллективная монография / под ред. В.А.Кременюка и П.Т.Подлесного. М.: ИСКРАН, 2002. 105 с.

¹⁰ Рогов С.М. 11 сентября 2001 года: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М.: ИСКРАН, 2001. 89 с.; Рогов С.М. Внешние угрозы, экономический кризис и военная реформа в России / Военная реформа в России: Материалы конференции, проведенной в ИСКРАН 9 декабря 1996 года, М., 1997 г.; Рогов С.М. Пределы американского глобального регулирования / Новый этап развития международных отношений, Часть I: коллективная монография. М.: ИСКРАН, 2008. С. 5-30.; Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. – М.: Международные отношения, 1989. 343 с.

¹¹ Самуйлов С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование, М.: ИСКРАН, 2013. 315 с.; Самуйлов С.М. Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №5. С. 31-50.

¹² Селиванова В.Ю. Реформа системы внутренней безопасности США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. №1. С. 77-88.

¹³ Семина Н.Л. Рокировка «силовиков» // США-Канада: экономика, политика, культура. 2012. №3. С. 115-119.

¹⁴ Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века // США-Канада: экономика, политика, культура. 1999. №7. С. 17-28; Уткин А.И. США в мире после сентября 2001 года, М.: ИСКРАН, 2002. 67 с.

¹⁵ Шаклеина Т.А. Современные американские концепции мирового лидерства, М.: ИСКРАН, 1999. 54 с.; Шаклеина Т.А. Идеологическое обеспечение внешней политики администрации Буша. М.: ИСКРАН, 2003. 38 с.; Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН, 2002. 442 с.; Шаклеина Т.А. Стратегия прогресса или стратегия войны (размышления о состоянии американской внешнеполитической мысли) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №1. С. 3-14; Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 366 с.

¹⁶ Вишневецкий М.Л. О «доктрине американского мирового лидерства» (основные положения доктрины) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2005. №9. С. 68-82; Исаенко А.И. Реформа исполнительной власти в США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. №2. С.99-117; Кузнецова О.И. Оценки внешнеполитических рисков в США (на материалах 1990-х годов) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. №5. С. 33-47; Печатнов В.О. Мировой порядок по-американски и по существу // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. №1. С. 91-97; Солянова М.В. Дискуссия в США по вопросам миропорядка в XXI веке // США-Канада: экономика, политика, культура. 2011. №8. С. 92-103; Суховой Д.А. Концепция использования военной силы в американских политических исследованиях // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. №11. С. 107-116; Трибрат В.В. Содержание и смысл «доктрины Буша» // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008.

основное внимание сосредоточено на общих вопросах преобразований системы национальной безопасности и обороны, изучении современных тенденций американской внешне- и военно-политической мысли, оценке рисков безопасности для США, а также вопросов формирования военной политики и ее соотнесения со стратегией национальной безопасности, миропорядком и понятиями «война» и «лидерство».

За последние 20 лет российские специалисты выпустили ряд фундаментальных работ, которые ложатся в основу любого исследования, относящегося к эволюции военной организации США. Центральное место среди прочих авторов при изучении основных аспектов американского военного строительства в конце XX – начале XXI века занимают труды В.И. Батюка¹⁷ и Г.Б. Корсакова.¹⁸

Не менее важными при раскрытии темы исследования и более глубокого понимания рассмотренных в нем вопросов стали публикации профессора СПбГУ В.Н. Конышева, в частности, монография «Военная стратегия США после

№1. С. 65-79; Хозинская К.В. Институт международной безопасности и место США в его структуре (гипотезы и тенденции) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008. №2. С. 41-56.

¹⁷ Батюк В.И. Американская военная стратегия на Большом Ближнем Востоке [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2011. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=260>; Батюк В.И. Американские силы спецназначения [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2015. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=440>; Батюк В.И. Американское военное присутствие в Европе: реакция России [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009. №1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=127>; Батюк В.И. Африка в американской стратегии локальной войны // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. №12. 71-80; Батюк В.И. Военная политика США: региональные аспекты [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2007. №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=56>; Батюк В.И. Война с негосударственными противниками в американской военной стратегии [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2014. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=407>; Батюк В.И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. №7. С. 21-38; Батюк В.И. После империи // США-Канада: экономика, политика, культура. 2012. №5. С. 101-109; Батюк В.И. Региональные военные командования США: научный доклад. М.: ИСКРАН, 2010. 79 с.; Батюк В.И. Трансформация вооруженных сил НАТО и Россия: вызовы и перспективы // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №5. С. 51-68; Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А. Американская военная политика в XXI веке: региональные аспекты // Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2012. 148 с.; Батюк В.И., Дьякова Н.А. Военная политика США в Евразии: российский ответ // Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2010. 162 с.

¹⁸ Корсаков Г.Б. Направления модернизации вооруженных сил США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008. №1. С. 34-52; Корсаков Г.Б. Новая революция в военном деле и реформирование вооруженных сил США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. №10. С. 16-38; Корсаков Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях в США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. №1. С. 71-88; Корсаков Г.Б. Первостепенная проблема международной безопасности. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2004. №2. С. 63-79; Корсаков Г.Б. Политика США в области неядерных высокотехнологичных вооружений, США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. №5. С. 25-47; Корсаков Г.Б. Реформирование вооруженных сил США. М.: ИМЭМО, 2006. 139 с.; Корсаков Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона // США-Канада: экономика, политика, культура. 2011. №2. С. 22-40.

окончания холодной войны», в которой дается подробная характеристика основных американских теоретических разработок в области обороны и безопасности на рубеже XX – XXI веков¹⁹, а также масштабный труд Л.С. Семейко по данной проблематике.²⁰

Кроме того, заслуживают внимания фундаментальные работы «Вооруженные силы США в XXI веке»²¹ коллектива военных теоретиков В.П. Акуленко, В.М. Прищепова и А.Н. Сидорина, которые дали подробную характеристику состояния и основных направлений применения американских вооруженных сил на рубеже XX – XXI вв., и «Военно-доктринальный базис внешней политики США» Ф.И. Ладыгина и С.В. Афанасьева²², а также труды военных мыслителей С.А. Паршина²³ и С.Л. Печурова²⁴ по проблемам реформирования системы военного управления США и американистов Т.Б. Аничкиной²⁵ и В.Ю. Сизова.²⁶

¹⁹ Конышев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны, СПб.: Наука, 2009. 178 с.; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2011. №1. С. 23-36.

²⁰ Семейко Л.С. Трансформация военно-политического курса США (новые глобальные аспекты), М.: ИСКРАН, 2005. 118 с.

²¹ Сидорин А.Н., Прищепов В.М., Акуленко В.П. Вооруженные силы США в XXI веке: Военно-теоретический труд. М.: Кучково поле; Военная книга, 2013. 800 с.

²² Ладыгин Ф.И., Афанасьев С.В. Военно-доктринальный базис внешней политики США. М.: Кучково поле, 2017. 208 с.

²³ Паршин С.А. Современные тенденции в теории и практике совершенствования оперативного управления вооруженными силами США. М.: Едиториал УРСС, 2009. 80 с.; Паршин С.А., Горбачев Ю.Е., Кожанов Ю.А. Современные тенденции развития теории и практики управления в вооруженных силах США. М.: УРСС, 2009. 272 с.

²⁴ Печуров С.Л. Англосаксонская модель управления в военной сфере: История и современность. М.: КомКнига, 2005. 232 с.; Печуров С.Л. Военные профессионалы в англо-саксонской модели управления вооруженными силами: История и современность. М.: ЛЕНАНД, 2010. 176 с.; Печуров С.Л. Особенности функционирования органов высшего военного руководства США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2010. №7. С. 19-36; Печуров С.Л. Реформирование вооруженных сил США после «холодной войны» // США-Канада: экономика, политика, культура. 2014. №6. С. 19-30.

²⁵ Аничкина Т.Б. Реконфигурация группировок вооруженных сил США: достаточно ли сил для глобального охвата? [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=146>; Аничкина Т.Б. Роль и место региональных командований США в стратегии глобального доминирования [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009. №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=166>; Аничкина Т.Б. Участие США в вооруженных конфликтах в Ираке и Афганистане в 2008 г. [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009. №1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=130>

²⁶ Сизов В.Ю. Глобализация и стратегия США [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009. №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=158>; Сизов В.Ю. Концептуальные основы современной военной политики США [электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2008. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=83>

В отечественной научной литературе, в частности, в работах И.Ф. Бочарова²⁷, Р.И. Зименкова²⁸, Е.А. Роговского²⁹, В.А. Федоровича³⁰, В.Ф. Терехова³¹, Г.Г. Тищенко³², С.А. Толкачева³³, Г.С. Хозина³⁴, Н.А. Хоменко³⁵, В.Е. Ярынича³⁶ и др.³⁷ также получили отражение информационные и космические, ядерные и противоракетные, социальные и хозяйственные аспекты реформирования американской военной организации после окончания «холодной войны». В частности, стоит отметить монографию «США: военная экономика (организация и управление)»³⁸ за авторством В.А. Федоровича, В.Б. Муравника и

²⁷ Бочаров И.Ф. Глобальная ПРО в контексте ядерной политики Вашингтона // США-Канада: экономика, политика, культура. 2010. №10. С. 39-54; Бочаров И.Ф. Реальна ли реформа ядерной политики США? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008. №10. С. 43-57; Бочаров И.Ф. Ядерное оружие в условиях трансформации вооруженных сил США (основные доктринальные положения) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №5. С. 40-54.

²⁸ Зименков Р.И. Проблемы и перспективы США в мировой торговле оружием // США-Канада: экономика, политика, культура. 2012. №6. С. 37-56; Зименков Р.И., Соколова Е.Н. США на мировом рынке вооружений в начале XXI века. М.: Научная книга, 2011. 240 с.

²⁹ Роговский Е.А. Кибербезопасность и кибертерроризм // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. №8. С. 23-41; Роговский Е.А. Министерство обороны США и международная стандартизация // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. №3. С. 55-64.

³⁰ Роговский Е.А., Федорович В.А. «Государево око»: аудит Пентагона // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. №12. С. 53-70.

³¹ Терехов В.Ф. Реструктуризация военно-промышленных комплексов США и Западной Европы // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. №6. С. 32-44.

³² Тищенко Г.Г. Повышение экономической эффективности военного строительства в США, М.: Российский институт стратегических исследований, 2004. 397 с.; Тищенко Г.Г. Новые подходы США к повышению экономической эффективности военного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2011. №2. С.87-102.

³³ Толкачев С.А. Реструктуризация и консолидация оборонной промышленности США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2001. №1. С. 89-105.

³⁴ Хозин Г.С. Космическая стратегия Вашингтона на XXI век // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. №6. С. 3-14.

³⁵ Хоменко Н.А. Военно-техническое сотрудничество России с зарубежными странами и политика США в области поставок вооружений: сравнительный анализ // Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2003. 29 с.

³⁶ Ярынич В.Е. Бюджет Пентагона: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2009. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=141>; Ярынич В.Е. Бюджет Пентагона и «миссия» Америки [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2010. №1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=190>

³⁷ Бедрицкий А.В. «Информационное доминирование» США и асимметричное информационное противоборство // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. №2. С. 91-102; Корсаков Г.Б. Трансформация политики США в области ядерного сдерживания (1991–2001 гг.) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. №3. С. 29-54; Корсаков Г.Б. Эволюция ядерной политики США (2001–2005 гг.) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №6. С. 13-36; Лютов А.А. Положение ветеранов в США //США-Канада: экономика, политика, культура. 2004. №4. С. 121-126; Приходько О.В. Американская ПРО: повторение истории или новая перспектива? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008. №2. С. 3-22; Семейко Л.С. Американская концепция «контроля над эскалацией ядерной войны» // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. №10. С. 85-104; Семейко Л.С. Ядерная стратегия США и контроль над вооружениями // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №4. С. 41-55; Филимонов О.В. Управление социальной сферой в вооруженных силах: опыт США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2010. №6. С. 35-47; Шариков П.А. Эволюция государственной стратегии в сфере информационной безопасности // США-Канада: экономика, политика, культура. 2009. №12. С. 95-108; XXI век: информационно-технологические и космические факторы международной безопасности: научный доклад. М.: ИСКРАН, 2012. 299 с.

³⁸ Федорович В.А., Муравник В.Б., Бочкарев О.И. США: военная экономика (организация и управление). М.: Международные отношения, 2013. 616 с.

О.И. Бочкарёва, а также коллективную монографию «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности»³⁹ под редакцией академика РАН А.А. Кокошина. Контурно изучены преобразования отдельных видов войск, влияние экономического кризиса и борьбы с терроризмом на войска на примере операций в Афганистане, Ираке.⁴⁰ Немалое внимание уделено влиянию американского общественного мнения на использование военной силы в вооруженных конфликтах за рубежом, и, как следствие, проблеме зарубежного военного присутствия США.⁴¹

Изучением отдельных вопросов военного реформирования в США также занималось немало зарубежных политологов и теоретиков. Упоминания заслуживают труды, которые дают общее представление об устройстве и функционировании американских вооруженных сил во второй половине XX века

³⁹ Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. акад. РАН А.А. Кокошина. М.: Издательство Московского университета, 2017. 480 с.

⁴⁰ Батюк В.И. Сухопутные войска США сегодня и завтра // США-Канада: экономика, политика, культура. 2014. №5. С. 105-117; Бочаров И.Ф. Возрастание ведущей стратегической роли американских ВМС // США-Канада: экономика, политика, культура. 2011. №9. С. 37-50; Бочаров И.Ф. Роль морских сил в осуществлении геополитики США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2011. №5. С. 31-47; Васильев В.С. Военный фактор в борьбе с экономическими кризисами // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. №3. С. 3-20; Морозов Ю.В. Американская стратегия в Афганистане после 2014 г.: стабильность или новый виток напряженности в регионе? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. №7. С. 33-53; Сушенцов А.А. Малые войны США. Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000-2010-х годах. М.: Аспект-Пресс, 2014. 272 с.; Теремов О.В. Война в Ираке – составная часть «глобальной войны с терроризмом»? [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2008. №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=96>; Шумилин А.И. Проблема Ирака и противостояние законодательной и исполнительной властей США в 2007 г. [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2008. №1, <http://www.rusus.ru/?act=read&id=69>; Шумилин А.И. Фактор антитерроризма во внешней политике администрации Обамы // США-Канада: экономика, политика, культура. 2009. №7. С. 55-66; Шумилина И.В. Ирак в информационной стратегии администрации Буша // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №8. С. 40-56.

⁴¹ Аничкина Т.Б. АФРИКОМ: новый стратегический подход Вашингтона к Африке // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008. №11. С. 49-63; Володин Д.А. Перестройка американского военного присутствия за рубежом // США-Канада: экономика, политика, культура. 2004. №10. С. 55-72; Кузнецов Д.В. Американское общественное мнение и использование военной силы: период президентства Уильяма Дж. Клинтона (1993–2001 гг.). М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 304 с.; Кузнецов Д.В. Американское общественное мнение и использование военной силы: период президентства Дж. Буша-младшего (2001–2009 гг.). М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 448 с.; Михайлов Г.А. Американские взгляды на проблему ведения боевых действий на ТВД. М.: ИСКРАН, 2000. 89 с.; Самуйлов С.М. Американское общество и война в Ираке // Война в Ираке: американские институты власти и общество: материалы научной конференции, 22 декабря 2005 г. М.: ИСКРАН, 2006.

за авторством преподавателя военного колледжа ВМС США Р. Барнетта⁴² и военных историков Д. Галулы⁴³ и Р. Уэйгли.⁴⁴

Среди иностранных авторов особое место занимает крупный исследователь американской военной организации Х. Сапольски. Масштабный труд «Оборонная политика США» под его редакцией дает наиболее широкое представление о структуре и функциях вооруженных сил США на современном этапе, помогает при оценке процессов внутри министерства обороны, различных аспектов взаимодействия оборонных институтов с частными подрядчиками от военной промышленности и с зарубежными странами.⁴⁵

Ряд иностранных экспертов занимается более детальным изучением вопросов, связанных со стратегией безопасности и обороны, а также отдельных ее элементов, например, ядерной, противоракетной и морской стратегии, в т.ч. на примере США. Наибольшим авторитетом в научном мире пользуются английский историк из Королевского колледжа Лондона Л. Фридман⁴⁶, американец Р. Куглер⁴⁷, австралийский исследователь А. Уоррен⁴⁸, чьи работы наиболее полно отражают общие тенденции развития зарубежной военно-стратегической мысли в специфических отраслях.

Одним из немногих, кто изучает вооруженные силы США в увязке их состояния с сохранением глобального доминирования является ведущий научный сотрудник Брукингского института и автор целого ряда работ по современным аспектам военного строительства США М. О'Хэнлон.⁴⁹ С его трудами отчасти

⁴² Barnett, R. *Asymmetrical Warfare: Today's Challenge to U.S. Military Power*. Washington, DC: Potomac Books, Inc., 2008. 182 p.

⁴³ Galula, D. *Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice*. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2006. 116 p.

⁴⁴ Weigley, R. *The American Way of War: A History of United States Military Strategy and Policy*, Indiana University Press, 1977. 584 p.

⁴⁵ *US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition)* / Ed. by H. Sapolsky, E. Gholz and C. Talmadge. Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. 256 pp.

⁴⁶ Freedman, L. *The Evolution of Nuclear Strategy*. Third Edition. Palgrave Macmillan, 2003. 588 p.; Freedman, L. *Strategy: A History*. Oxford University Press, 2013. 768 p.; Freedman, L. *The Transformation of Strategic Affairs*, Routledge, 2006. 104 p.

⁴⁷ Kugler, R. *New Directions in U.S. National Security Strategy: Defense Plans, and Diplomacy*. Washington, DC: National Defense University Press, 2011. 173 p.

⁴⁸ Warren, A. *Prevention, Pre-emption and the Nuclear Option: From Bush to Obama*. Routledge, 2012. 264 p.

⁴⁹ O'Hanlon, M. *Healing the Wounded Giant: Maintaining Military Preeminence While Cutting the Defense Budget*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2013. 100 p.; O'Hanlon, M. *Technological Change and the Future of*

перекликаются работы правоведа-международника Дж. Мирника, который на примере США исследует вопросы применения военной силы при проведении внешней политики.⁵⁰ А в трудах сотрудника Центра стратегических и международных исследований А. Кордсмана дается критическая оценка эффективности применения вооруженных сил США в ряде зарубежных операций после окончания «холодной войны».⁵¹

Существуют и научные работы, посвященные более сложным, внутривластным процессам, оказывающим влияние на реформирование военной организации США. В частности, это труды профессора Университета штата Канзас Д. Херспринга, который описывает властные взаимоотношения между политиками и военными в исторической динамике от администрации Ф. Рузвельта до администрации Дж. Буша-мл.⁵²

Непосредственно к вопросам военного реформирования в США также обращался ряд других авторов. Для более глубокого понимания рассматриваемых в диссертации изменений в отдельных видах войск в последние несколько десятилетий важными были очерки в коллективных трудах отставных военных Б. Гудмундссона, Р. Дилгера, Д. Макгрегора, Ч. Ричардса и гражданских исследователей Д. Бербаха, Б.-Р. Грина, К. Джексона, О. Лонга, Р. Томса, С. Уэйнера и Б. Фридена.⁵³ Достаточно хорошо с точки зрения военной экономики тенденции реформирования хозяйственных процессов в МО США

Warfare. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2000. 224 p.; O'Hanlon, M. The Future of Land Warfare. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2015. 220 p.; O'Hanlon, M. The Science of War: Defense Budgeting, Military Technology, Logistics, and Combat Outcomes, Princeton University Press, 2009. 280 p.

⁵⁰ Meernik, J. The Political Use of Military Force in US Foreign Policy, Ashgate Publishing Ltd., 2004. 269 p.

⁵¹ Cordesman A. The Lessons and Non-Lessons of the Air and Missile Campaign in Kosovo. Praeger. 2001. 416 p.; Cordesman A. Salvaging American Defense: The Challenge of Strategic Overstretch. Praeger Security International. 2007. 488 p.; Cordesman A. Changing U.S. Security Strategy: The Search for Stability and the "Non-War" against "Non-Terrorism" // A Report to the CSIS Burke Chair in Strategy. CSIS, September 2013. 118 p.; Cordesman A. The War after the War: Strategic Lessons of Iraq and Afghanistan. CSIS. June 2004. 96 p.; Cordesman A. The Ongoing Lessons of Afghanistan: Warfighting, Intelligence, Force Transformation, and Nation Building. CSIS. May 6. 2004. 171 p.

⁵² Herspring, D. The Pentagon and the Presidency: Civil-Military Relations from FDR to George W. Bush, University Press of Kansas, 2005. 490 p.; Herspring, D. Rumsfeld's Wars: The Arrogance of Power, University of Kansas, 2008. 272 p.

⁵³ America's Defense Meltdown: Pentagon Reform for President Obama and the New Congress / Ed. by Winslow T. Wheeler. Stanford, California: Stanford Security Studies, 2009. 244 p.; US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. New York: Routledge, 2012. 202 p.

освещены в трудах Л. Джонса, Т. Кристи, Дж. Маккафери, Дж. Фокса и Д. Хамфри.⁵⁴

Весомый вклад в изучение профильных преобразований на завершающем этапе «холодной войны» внес Дж. Локер⁵⁵, в прошлом высокопоставленное должностное лицо Пентагона и один из разработчиков закона Голдуотера-Николса о реорганизации минобороны США 1986 г. Предметом исследования в его работах, в частности, выступают мотивы, побудившие американских военных и политиков приступить к реформированию, а также дается оценка эффективности упомянутого закона годы спустя после его принятия.

Преподаватель Университета Пердью, шт. Индиана, К. Шимко написал фундаментальный труд в области теории военного реформирования.⁵⁶ В его монографии «Войны в Ираке и американская военная революция» детально изучены аспекты преобразований, относящиеся к внедрению именно технических инноваций в деятельность вооруженных сил США на примере боевых операций в Ираке в 1991 г. и 2003-2008 гг. Влиянием военно-технических достижений на развитие вооруженных сил, в т.ч. американских, занимался и другой крупный военный историк Ф. Кэйган.⁵⁷

Среди научных трудов, вышедших за последние годы, следует упомянуть монографию «Военная трансформация и современные боевые действия» канадского политолога Э. Слоан.⁵⁸ Этот автор представила обобщающую характеристику основных тенденций преобразований в органах военного управления США в свете «трансформации» в 2000-е гг.

⁵⁴ Fox, J.R. Defense Acquisition Reform, 1960 to 2009: An Elusive Goal, Center of Military History, United States Army, 2011. 268 p.; Jones, L., McCaffery, J. Budgeting, Financial Management, and Aquisition Reform in the U.S. Department of Defense, Information Age Publishing, Inc., 2008. 717 p.; Defense Acquisitions and Efforts at Reform / Ed. by Donald G. Humphrey, Nova Science Publishers, Inc., 2011. 251 p.

⁵⁵ Locher, J. Victory on the Potomac: The Goldwater-Nichols Act Unifies the Pentagon, Texas A&M University Press, Revised edition, 2004. 544 p.; Locher, J. Has It Worked? The Goldwater Nichols Reorganization Act // Naval War College Review, Autumn 2001. Vol. LIV, No. 4. P. 95-115.

⁵⁶ Shimko, K. The Iraq Wars and America's Military Revolution, Cambridge University Press, 2010. 249 p.

⁵⁷ Kagan, F. Finding the Target: The Transformation of American Military Policy. New York: Encounter Books, 2007. 432 p.

⁵⁸ Sloan, E. Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2008. 183 p.

Ряд авторов, среди которых наибольшего внимания заслуживают военный теоретик и профессор Высшей школы ВМС США в г.Монтерей, шт. Калифорния, Дж. Аркилла⁵⁹, а также бывшие сотрудники Конгресса и журналисты «пентагоновского» пула Л. Корб и У. Уилер⁶⁰, выступили с субстантивной критикой некоторых важных аспектов реформирования министерства обороны и видов американских войск в первом и втором десятилетиях после окончания «холодной войны». А такие исследователи, как Д. Громли, Э. Ларсон и Т. Уинклер, начали проводить сравнительный анализ оборонных преобразований в США и остальном мире в первом десятилетии после «холодной войны».⁶¹

Объект исследования – военная организация США.

Предмет исследования – реформирование военной организации США как одно из ключевых средств и необходимое условие обеспечения американских национальных интересов в глобальном масштабе после окончания «холодной войны».

Целью исследования стала систематизация изменений, произошедших в военной организации США в последние 30 лет, выявление ключевых факторов, повлиявших на ее преобразование в конце XX – начале XXI веков, и определение на их основе характеристик, благодаря которым военное реформирование способно повысить эффективность реализации внешней и военной политики США.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие **исследовательские задачи**:

- проанализировать и систематизировать современную теоретическую базу военной политики и военного строительства США на примере основополагающих американских доктринальных документов и достижений военной мысли;

⁵⁹ Arquilla, J. Worst Enemy: The Reluctant Transformation of the American Military. Chicago, Illinois: Ivan R. Dee, 2008. 265 p.

⁶⁰ Wheeler, W., Korb, L. Military Reform: A Reference Handbook. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2007. 240 p.

⁶¹ Post-Cold War Defense Reform: Lessons Learned in Europe and the United States / Ed. by István Gyarmati and Theodor Winkler. Washington, DC: Brassey's, Inc., 2002. 434 p.

- показать влияние упомянутых доктринальных документов на проведение военного реформирования в США в обозначенный период;
- оценить влияние событийного контекста на военное строительство США после окончания «холодной войны»;
- комплексно в ретроспективе изучить институциональные и структурные изменения военной организации США;
- показать взаимосвязь вопросов военного реформирования с поддержанием лидирующей позиции США в мире;
- выявить особенности американского военного реформирования, оценить его результаты и сделать на их основе выводы и рекомендации.

Хронологические рамки исследования охватывают период после завершения «холодной войны» по настоящее время (1991-2019 гг.). Отдельное внимание, однако, уделено поиску истоков современных представлений и практических шагов в области военного строительства США, которые были заложены в 70-е и 80-е гг. XX века. Сделано это в целях более полного анализа рассматриваемых вопросов, что позволяет выявить характерные для американских преобразований черты и сделать более точные выводы о ходе и результатах реформирования.

Методологическая основа. При достижении поставленной цели примененный в исследовании научно-методологический аппарат опирался, в первую очередь, на такой инструмент политической науки, как системный подход. Это позволило автору одним из первых как в отечественной, так и в зарубежной литературе взглянуть на военное реформирование в США шире, чем на отдельное событие или процесс, рассмотрев его как сложное системное явление, которое обладает собственными характеристиками.

В рамках выбранной методологии наиболее полному раскрытию главных аспектов предмета исследования способствовал ряд специфических подходов к

изучению данного системного явления. Учитывая сложную природу объекта исследования, автором был выбран междисциплинарный подход к рассматриваемым в работе вопросам на стыке политических наук, военного дела и управления.

Институциональный и структурно-функциональный подходы помогли определить достоинства и недостатки преобразований внутри министерства обороны и вооруженных сил США, а также оценить ход и результаты неотъемлемых составных организационно-хозяйственных и прочих трансформационных процессов в рамках военного реформирования.

Также для решения поставленных задач использовался сравнительно-исторический, или компаративно-ретроспективный подход, благодаря которому удалось проследить динамику эволюции военного и оборонного реформирования в США на непрерывном временном отрезке от истоков до современного состояния. В рамках данного подхода был проведен контент-анализ руководящих документов и достижений военной мысли, с помощью чего удалось подчеркнуть взаимосвязь их положений с вопросами военного реформирования; когнитивное картирование выступлений военно-политического руководства США, а также ивент-анализ конкретных событий (изменение международной обстановки и участие США в боевых операциях за рубежом), что позволило проследить их влияние на реформирование американской военной организации.

Наконец, для составления выводов на основе общих тенденций и частных проявлений рассмотренного в диссертационной работе явления использованы методы научной индукции и дедукции.

Источниковая база исследования. При написании диссертационной работы автор опирался на несколько групп источников.

К *первой группе* относятся основополагающие нормативно-правовые документы, регулирующие развитие военной организации США – Закон о национальной безопасности 1947 г., Закон Голдуотера-Николса о реорганизации министерства обороны США 1986 г. и ежегодные законы об ассигновании расходов на национальную оборону. В исследовании также использована

подзаконная доктринальная база, задающая главные направления совершенствования военного строительства в привязке к американской внешней и военной политике. Это стратегии национальной безопасности, четырехлетние обзоры оборонной политики и стратегии национальной обороны, национальные военные стратегии, ряд тематических документов высшего и оперативно-тактического звена. Содержащаяся в них информация является отражением основных установок для вооруженных сил и важна для анализа значения, которое органы исполнительной и законодательной власти США придают продолжению военного реформирования.

Вторая группа представляет собой публичные выступления, заявления, интервью и статьи американского военного и политического руководства, в т.ч. на регулярных слушаниях в профильных комиссиях Палаты представителей и Сената США. В них отражен официальный взгляд на прошлое и нынешнее состояние военной организации, а также обозначены перспективы совершенствования процессов в министерстве обороны и вооруженных силах.

Отдельного внимания заслуживает мемуарно-биографическая литература. В первую очередь, это воспоминания высших должностных лиц США – бывших президентов, министров обороны и военачальников периода после окончания «холодной войны» – Дж. Буш-младший⁶², Д. Рамсфельд⁶³, Л. Панетта⁶⁴, Р. Гейтс⁶⁵, С. Маккристал.⁶⁶ Эти труды представляют ценность для диссертационного исследования, поскольку дают «взгляд изнутри» на трудности, с которыми сталкивались их авторы, многие из которых были не только активными сторонниками и проводниками преобразований, но и их инициаторами и разработчиками.

⁶² Bush, G.W. Decision Points. New York: Crown Publishers, 2010. 497 p.

⁶³ Rumsfeld, D. Known and Unknown: A Memoir, Sentinel, 2011. 832 p.; Rumsfeld, D. Rumsfeld's Rules: Leadership Lessons in Business, Politics, War, and Life. Broadside Books, 2013. 352 p.; Graham, B. By His Own Rules: The Ambitions, Successes, and Ultimate Failures of Donald Rumsfeld. PublicAffairs, 2009. 832 p.

⁶⁴ Panetta, L. Worthy Fights: A Memoir of Leadership in War and Peace. Penguin Press, 2014. 512 p.

⁶⁵ Gates, R. Duty: Memoirs of a Secretary at War. Knopf Borzoi Book, 2014. 618 p.; Gates R. A Passion for Leadership: Lessons on Change and Reform from Fifty Years of Public Service. Knopf Borzoi Books, 2016. 239 p.

⁶⁶ McChrystal, S. My Share of the Task: A Memoir. Portfolio; Penguin, 2014. 456 p.

Сюда же можно отнести информационно-справочные сообщения, аналитические и статистические материалы, включая обзоры, доклады и бюджетную документацию, размещенные на электронных ресурсах министерства обороны и комитета начальников штабов, их отдельных управлений, в т.ч. центра оборонно-технической информации, единой электронной библиотеки, генерального инспектора и контролера, а также видов войск.

Кроме того, к данной группе можно причислить сообщения на электронном ресурсе государственных закупок США⁶⁷, благодаря которым удалось выявить и проанализировать основные приоритеты закупок военной продукции и услуг, а также состояние и перспективы развития научно-технических и опытно-конструкторских исследований в области вооружений и военной техники.

Важная часть этой группы – доклады Управления правительственной отчетности и Исследовательской службы Конгресса США, которые позволяют оценить эффективность внедрения инициатив в области реформирования, а также специальные экспертные доклады, которые, как это видно из исследования, принимаются во внимание военным руководством США при корректировке военного строительства.

Третью группу источников составили информационно-аналитические и справочные материалы специализированных периодических изданий военной направленности: журналы издательской группы «Инсайд дефенс» (*Inside the Pentagon, Inside the Navy, Inside the Air Force, Inside the Army и Inside Missile Defense*); публикации издательского дома «Джейнс» (*IHS Jane's Defence Weekly и IHS Jane's International Defence Review*); профильные журналы «Дефенс ньюз» (*Defense News*), «Джойнт форсез кюортерли» (*Joint Forces Quarterly*), «Эвиэйшн уик энд спэйс технолоджи» (*Aviation week and space technology*), «Старз энд страйпс» (*Stars and Stripes*) и вестник военного колледжа ВМС «Просидингз» (*Proceedings*); а также ряд электронных ресурсов, включая «Дефенс индастри дэйли»⁶⁸, «Дефенс Уан»⁶⁹, «Брейкинг дефенс»⁷⁰ и др.

⁶⁷ Federal Business Opportunities [Электронный ресурс] URL: <https://www.fbo.gov>

⁶⁸ Defense Industry Daily [Электронный ресурс] URL: <https://www.defenseindustrydaily.com>

К этой группе также относятся статьи по вопросам американской военной организации в таких средствах массовой информации, как «Уошингтон пост» (*The Washington Post*), «Уошингтон таймс» (*The Washington Times*), «Нью-Йорк таймс» (*The New York Times*), «Хилл» (*The Hill*), «Политико» (*Politico*), «Форин полиси» (*Foreign Policy*), «Красная Звезда», «Независимое военное обозрение» и др.

Наконец, к *четвертой группе* источников относится информация, полученная автором во время посещения ведущих аналитических центров в г.Вашингтоне, США. Среди них Фонд им.Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*), Брукингский институт (*Brookings Institute*), Центр стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies*), Атлантический совет (*Atlantic Council*), Фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*), Институт мира (*U.S. Institute of Peace*), Центр новой американской безопасности (*Center for New American Security*), Фонд «Новая Америка» (*New America Foundation*), Центр стратегических и бюджетных оценок (*Center for Strategic and Budgetary Assessments*), Центр им.Вильсона (*Wilson Center*), Центр им.Стимсона (*Stimson Center*), Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*), Альянс в поддержку развития противоракетной обороны (*Missile Defense Advocacy Alliance*), Университеты им. Джорджа Вашингтона и Джонса Хопкинса. В частности, на тематических мероприятиях по вопросам военного строительства и реформирования военной организации США с участием руководящего состава минобороны и видов войск, а также ведущих профильных американских экспертов была возможность обменяться мнениями с участниками дискуссии, узнать их соображения по различным аспектам современного военного реформирования в США.

Научная новизна. Благодаря примененной в диссертационной работе методологии и изучению обширного списка источников как на русском, так и на английском языке, автор первым в отечественной историографии провел всесторонний и непрерывный анализ основных аспектов современных

⁶⁹ DefenseOne.com [Электронный ресурс] URL: <http://www.defenseone.com>

⁷⁰ BreakingDefense.com [Электронный ресурс] URL: <http://www.breakingdefense.com>

преобразований военной организации США с момента их зарождения до наших дней. На примере военной организации США в конце XX – начале XXI веков построена отдельная типология военного реформирования, выявлены его основные характеристики и категории.

Впервые в российской американистике военное реформирование рассматривается как сложное системное явление, обладающее дуалистичной природой. С одной стороны, это объективный процесс, возникающий в результате реакции военной организации государства на целый спектр внешних и внутренних изменения (динамических факторов). С другой стороны, это состояние. Автор комплексно оценил эволюцию теоретико-документальной базы США в сфере военной политики и на ее основании доказывает связь доктринальных установок, которые стоят перед войсками, с вопросами военного реформирования, приобретающего «перманентный» характер.

Степень достоверности работы определяется использованием корректного научно-методологического аппарата. Автор собрал обширный, содержательный материал, всесторонне изучил работы отечественных и зарубежных исследователей по заявленной теме. Затрагиваемые проблемы рассмотрены в исторической динамике. Выводы соответствуют цели и задачам, поставленным во введении диссертации. Выдвинутые в исследовании положения развернуто доказаны.

Теоретическая и практическая значимость исследования, в первую очередь, обусловлена необходимостью лучшего понимания мотивов и факторов военного реформирования в США для изучения вектора военной политики Вашингтона и построения перспектив развития американских вооруженных сил и их влияния на поддержание позиций США в мире.

В теоретической плоскости проведенное исследование дает целостную картину преобразований оборонной организации и военного строительства и позволяет говорить о существовании «американской модели» и постепенном формировании в США т.н. «культуры реформирования». Представляется, что дальнейшая научная разработка данных проблем, включая сопоставление с

опытом проведения аналогичных изменений в других странах, позволит подтвердить уникальный характер «американской модели», но также найти общие закономерности и сформулировать единые принципы военного реформирования. На их основе можно будет по-новому взглянуть на общее понятие «реформирования», разработать подходящий научно-методологический аппарат, благодаря которому будет возможно повысить точность оценки эффективности внедрения изменений и спрогнозировать вероятные направления их дальнейшего развития.

Все это может послужить ценным вкладом в политическую науку и организационную теорию в виде уточнения такой дисциплины, как знание о реформировании. Опыт, рассмотренный в исследовании, в свою очередь, может найти применение в других областях, помимо военной, – например, в области национальной и международной безопасности (реформирование международных институтов, органов исполнительной власти, включая внешнеполитические ведомства и специальные службы), государственного хозяйства (финансовая, банковская реформы и пр.), социально-экономической сфере (реформирование системы здравоохранения, пенсионного обеспечения и пр.) и т.д.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при формулировании подходов российских государственных органов, ответственных за проведение внешней и военной политики, на международной арене, в том числе к взаимодействию с США в свете особой роли военного инструментария в глобальной политике Вашингтона. Помимо этого, рекомендации, которые возможно сделать на основе изучения уроков «американской модели» военного реформирования, могут стать особенно актуальными в свете проведения преобразовательных процессов внутри органов управления и процессов в Министерстве обороны и Вооруженных силах Российской Федерации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на завершение биполярного противостояния и отсутствие угрозы выживанию Америке после «холодной войны» военная сила осталась опорой для продвижения национальных интересов США в глобальном масштабе.

2. На протяжении последних трех десятилетий США продолжали совершенствовать свои военно-политические взгляды на участие в мировых делах и сформировали единую вертикально-интегрированную систему стратегического планирования и определения приоритетов развития военной организации в средне- и долгосрочной перспективе.

3. Одна из основных задач военного реформирования в США – обеспечить долгосрочную жизнеспособность и устойчивость военной организации, приспособить ее к непрерывно меняющимся геополитическим и экономическим условиям, подготовить к ответам на самый широкий набор вызовов и угроз.

4. Участие в боевых действиях в конце XX – начале XXI веков стало одним из главных двигателей военного реформирования в США на современном этапе. Конфликты – это своеобразные «лаборатории», в которых можно проверить боевые возможности, наглядный пример того, что необходимо улучшить в деятельности военной организации. Вместе с тем, следовавшие после операций в период после «холодной войны» достижения давались американским вооруженным силам зачастую весьма высокой ценой – во многом по вине политиков, не просчитывавших последствий принимаемых ими решений.

5. Вместе с тем в совершенствовании своей военной организации США регулярно учитывают как собственные достижения, так и, что важнее, ошибки негативного опыта боевых действий, кроме того, энергично заимствуют передовые практики, методики и технологии из бизнеса, гражданских отраслей экономики, внимательно изучают зарубежный опыт.

6. Интеллектуальная предрасположенность и открытость к внедрению изменений, а также высокая степень развитости институтов и отлаженность процессов повлияли на формирование в США «культуры военного реформирования».

7. К началу XXI века в США сформировалась отдельная модель реформирования военной организации. Это – многоуровневое системное явление, которое находится в непрерывном движении.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения исследования были опубликованы в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК Минобробразования России, включая журналы «Россия и Америка в XXI веке» и «Международная жизнь», а также в научном журнале «США & Канада: экономика, политика, культура» (общий объем ~ 4,5 п.л.). Результаты исследования и выводы были также представлены в рамках научно-практической конференции «Огарковские чтения» 2019 г.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения с рекомендациями, списка сокращений, списка источников и литературы, приложения.

Глава 1. Эволюция военной политики США на рубеже XX – XXI веков

Рассмотрение вопросов военного реформирования в США в конце XX – начале XXI вв. возможно лишь в контексте всестороннего анализа всех составляющих данного явления, а именно: доктринального (достижения военной мысли, отраженные в концептуальных документах) и функционального (институциональные сдвиги в методах работы оборонного ведомства и в структуре и деятельности вооруженных сил) измерений. Взаимосвязь этих элементов настолько важна, что оценка новаций, предпринятых на практике, невозможна без понимания теоретических наработок как первостепенного фактора, влияющего на совершенствование механизма разработки, принятия и применения военно-политических решений.

Дискуссия о причинах и последствиях корректировки ключевых доктринальных документов в сфере военной политики США идет уже не первый год. Объясняется это тем, что в новых геополитических условиях после окончания «холодной войны» архитектура американской безопасности, сформированная по результатам Второй мировой войны для решения глобальных вызовов в рамках специфического событийного контекста, перестала быть актуальной. Эта архитектура включает институты, структуры и процессы, которые влияют на выработку решений, финансирование, планирование и управление, а также законодательный надзор за деятельностью в сфере национальной безопасности и обороны.

Настоящая глава посвящена всесторонней оценке формирования и развития доктринальной базы американской военной политики через призму основополагающих директивных документов в сфере безопасности после окончания «холодной войны». Среди них стратегии национальной безопасности, стратегии национальной обороны и четырехлетние обзоры в области оборонной

политики, национальные военные стратегии, а также директивные документы по некоторым функциональным аспектам.

Появление рассматриваемых документов обусловлено различными факторами, среди которых меняющаяся международная обстановка, опыт управления и взгляды их авторов на внешнюю и военную политику США, на место и роль страны в мире и т.д. Более того, практика показывает, что реализация доктрин не всегда совпадала с их содержанием. Однако за годы эволюции между стратегиями, концепциями и доктринами образовалась устойчивая функциональная и смысловая связь – национальная военная стратегия следует установкам стратегии национальной обороны. Та, в свою очередь, реализует положения стратегии национальной безопасности, касающиеся министерства обороны и вооруженных сил. Такое переплетение требует смотреть на эти документы как на единую систему, сложившуюся в результате длительного эволюционного процесса.

Вопросы применения военной силы занимают одно из ключевых мест в стратегии обеспечения национальной безопасности США. Подготовка *стратегии национальной безопасности* является прерогативой президента США и Совета национальной безопасности (СНБ) и касается деятельности всего правительства. Документ определяет приоритетные цели государства и соединяет их с необходимыми ресурсами и подходами к реализации в единый план действий для достижения задач в конкретном международном контексте. В силу того, что это всеобъемлющий документ, содержащий директивные установки по широкому кругу проблем, решением которых должны заниматься разнообразные министерства и ведомства США, для целей настоящей работы рассмотрены только положения, касающиеся вопросов военной организации.

В последние 30 лет представления о роли этого инструмента защиты интересов и достижения целей государства претерпели кардинальные изменения, отражающие попытки американской правящей элиты адаптироваться к качественным сдвигам в международных отношениях и мировой экономике и разницу в концептуальных подходах руководства страны к месту и роли США в

мире. На протяжении «холодной войны» ввиду устойчивого характера модели биполярного мироустройства у Вашингтона отсутствовала острая необходимость в регулярном обновлении стратегических целей и задач, которые сводились к политике сдерживания СССР как единственного противника, способного равноценно противостоять США во всех сферах.⁷¹ Поэтому в течение почти полувека кардинально не менялись и официальные взгляды на использование ВС.

Рубежным событием для американской военной мысли и военного реформирования можно считать Закон Голдуотера-Николса о реорганизации министерства обороны 1986 г.^{72,73} В нем предписывалось направлять в Конгресс регулярные доклады о стратегии национальной безопасности, которые отражают важнейшие интересы, цели и задачи США в глобальном масштабе, внешнеполитический курс, оценку международных обязательств и оборонные возможности для сдерживания агрессии и реализации этой стратегии.

Требование о подобных публикациях было предусмотрено еще в Законе о национальной безопасности 1947 г., который в общих чертах предписывал периодически представлять на рассмотрение президенту рекомендации относительно целей, обязательств и рисков для США и их военной мощи с точки зрения интересов безопасности. Но такие директивы стали составлять только при администрации Р. Рейгана, во времена которой, их считали не более чем пояснительными записками к бюджету Пентагона в обоснование материально-технических потребностей при реализации общего стратегического курса.⁷⁴

С окончанием «холодной войны» доклад, который задумывался как форма отчетности перед законодателями, постепенно приобретает новое значение. Американцы начинают задумываться о своем месте и роли США в контексте новой геополитической обстановки, пытаются спрогнозировать характер угроз и предвосхитить их возникновение, вписывая стратегию национальной

⁷¹ Dale, C. National Security Strategy: Legislative Mandates, Execution to Date, and Considerations for Congress // Congressional Research Service Report for Congress RL34505. Washington, DC, December 15, 2008.

⁷² Ibidem.

⁷³ Snider, D., Nagl, J. National Security Strategy: Documenting Strategic Vision // U.S. Army War College Guide to Strategy / Edited by J. Cerami and J. Holcomb, Jr. U.S. Army War College, 2001. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/army-usawc/strategy/index.htm> (дата обращения: 08.07.2016)

⁷⁴ Ibid., P.130.

безопасности в доктринальную базу военной политики в качестве основного ориентира. В итоге, в руках исполнительной власти появился документ, с помощью которого до общественности можно довести стратегическое видение США, отразить элементы национальной мощи, которые должны быть использованы для решения конкретных задач, прописать руководство министерствам и ведомствам для использования во внутренних процессах.⁷⁵

Идеи, заложенные в стратегии национальной безопасности, развивает *четырёхлетний обзор в области обороны*. Этот относительно молодой концептуальный инструмент – директивная основа оборонной стратегии США. Законодательные требования о его регулярной публикации появились в середине 1990-х гг. и окончательно закрепились в начале 2000-х гг.⁷⁶ Его подготовкой занимается МО. В обзоре отражается видение руководства Пентагона в средне- и долгосрочной перспективе. Документ должен содержать элементы оборонной стратегии, региональные приоритеты, рекомендации по структуре ВС, приспособленной для достижения поставленных целей с минимальным риском, оборонные интересы безопасности и угрозы в их адрес, состояние боеготовности, взаимоотношения с союзниками, степень участия в операциях и способы выхода из них, кадровую политику и тыловое обеспечение, распределение ролей внутри видов и родов войск, тыловое и материально-техническое обеспечение боевых действий, технологическое влияние на развитие ВС.

Изначально предполагалось, что *стратегия национальной обороны* будет составной частью обзора, однако в 2000-е гг. администрация Дж. Буша-мл. решила разнообразить набор документов и дважды выпускала отдельную директиву с таким названием. Администрация Б. Обамы формально вернула это положение в четырёхлетний обзор, однако продолжила публиковать основные приоритеты оборонной стратегии отдельно – в виде стратегических оборонных директив. Администрация Д. Трампа вернулась к практике Дж. Буша-мл.

⁷⁵ См. например: Collins, J. *Military Strategy: Principles, Practices, and Historical Perspectives*. Dulles, VA: Potomac Books, Inc, 2001. 350 p.

⁷⁶ Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part I, Chapter 2, paragraph 118: National Defense Authorization Act (NDAA) for FY1997, NDAA for FY2000, NDAA for FY2002, NDAA for FY2003.

В годы «холодной войны» требование о регулярном предоставлении отчета о состоянии и перспективах МО и ВС США было четко зафиксировано в законе.⁷⁷ Оборонная стратегия в том или ином виде печаталась в сопровождавшем ежегодный бюджетный запрос докладе министра обороны президенту и Конгрессу (публиковались с 1948 по 2005 гг.) и вплоть до распада биполярной системы сводилась к военному сопровождению политики сдерживания – к т.н. инструментарию сдерживания, который опирался на мощные ядерные силы, передовое присутствие обычных ВС по всему миру, а также коллективный (блоковый) подход к обеспечению безопасности.

Национальная военная стратегия иерархично встроена в общую концептуальную систему с учетом идей, зафиксированных в стратегии национальной безопасности и оборонно-стратегических документах, и является руководящим документом, отражающим взгляды председателя КНШ, начальников видовых штабов и руководителей боевых командований на местах. Данная директива после окончания «холодной войны» выходила sporadически, а ее публикация на постоянной основе была закреплена законодательно лишь в 2000-е гг.⁷⁸ Ориентирована на практическое применение ВС – т.е. участие в боевых действиях. Влияет на развитие документов более низкого порядка (оперативные концепции, полевые уставы и директивы МО), и содержит ряд общих элементов военного строительства, которые отражают руководящие принципы планирования и проведения боевых операций: военные интересы безопасности и угрозы в их адрес, региональные приоритеты, задачи и характеристики ВС, контуры оперативного применения, оценка боевых возможностей и ресурсные потребности, а также взаимодействие с союзниками и партнерами непосредственно на поле боя.

⁷⁷ Public Law 253, Title II, Section 203: The National Security Act of 1947, July 26, 1947.

⁷⁸ Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part I, Chapter 5, Paragraph 153, as amended by the NDAA for FY2004, November 24, 2003, P.L. 108-136, Paragraph 903.

1.1. Концептуальные изменения в области военной политики США накануне XXI века: «новый мировой порядок» и десятилетие «избирательного» участия

Рассмотренные ниже доктринальные документы фиксировали качественно разные подходы к обеспечению национальной безопасности, отличаясь по форме и содержанию. Однако они стали фундаментом реформирования теоретической базы функционирования военной организации США на годы вперед. Заложенная в них структура, понятийный аппарат и инструментарий повлияли на формирование взглядов последующих администраций США к написанию доктринальных документов после 11 сентября 2001 г.

К началу 1990-х гг. находившиеся у власти с 1981 г. республиканцы приобрели ценный опыт в военно-политической сфере и были готовы его применить. Оценивая наметившиеся геополитические сдвиги, *администрация Дж. Буша-старшего* предприняла попытку сформировать «новый мировой порядок», в рамках которого должен установиться устойчивый «демократический мир» на основе общих ценностей американского образца⁷⁹, что нашло отражение в трех единообразных редакциях стратегии нацбезопасности.^{80,81,82} В них констатировалось, что «холодная война» окончена фактической победой Запада. Советский Союз больше не представлял угрозы выживанию Америки, которая отныне становилась единственной державой с глобальным охватом интересов и влиянием во всех сферах. Впервые после Второй мировой войны у США появилась возможность беспрепятственного продвижения своей повестки через гегемонию, или мировое господство, с опорой на военное присутствие во всех регионах мира.

⁷⁹ Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. с.167-185. Первый термин позаимствован из политической истории XX в., второй – у теоретиков политической мысли М.Дойла и Б.Рассета.

⁸⁰ National Security Strategy of the United States, The White House, Washington, DC, March 1, 1990. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1990.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁸¹ National Security Strategy of the United States, The White House, Washington, DC, August 1, 1991. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1991.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁸² National Security Strategy of the United States, The White House, Washington, DC, January 1, 1993. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1993.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

При этом эрозия биполярности рассматривалась не только положительно, но и как вероятный источник нестабильности. Создание «силового вакуума» в результате распада враждебного военно-политического блока и отсутствие угрозы мировой войны ставили американских военных в ситуацию «стратегической неопределенности». Повысить предсказуемость и защищенность предполагалось за счет укрепления альянсов и партнерств, развития режимов контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ, наращивания разведывательных возможностей и военной открытости, внедрения достижений «революции в военном деле» и реагирования на угрозы на раннем этапе их возникновения.

Отмечалось, что новые формы приобрел и характер потенциальных конфликтов. Вероятность мировой ядерной войны сменилась угрозой крупных межгосударственных региональных кризисов и конфликтов малой интенсивности. Это требовало от ВС США перейти от политики сдерживания к доктрине «коллективного взаимодействия», т.е. разделения ответственности между союзниками и партнерами с ударением на привлечение сил и средств НАТО, и обосновывало необходимость глобального присутствия. Очередность региональных приоритетов США выглядела следующим образом: Европа, Дальний Восток и Тихоокеанский регион, пост-советское пространство, Ближний Восток и Южная Азия, Латинская Америка, Африка.

Военным ставились новые, нетрадиционные задачи, в т.ч. борьба с терроризмом, наркоторговлей и участие в контрповстанческих операциях, что предусматривало использование инновационных методов и средств ведения боя. Например, «легкие» десантные подразделения СВ, экспедиционные бригады КМП, селективное применение ВВС и ВМС, реорганизация системы переброски войск, задействование сил специальных операций (предполагалось усилить их языковую и культурологическую подготовку, снабдить особыми технологиями, приспособить под них ведение общей разведки).

Однако в целом США по инерции опирались на концепцию применения ВС, разработанную на заключительном этапе «холодной войны». Свою роль в ее формулировании сыграли конфликтные ситуации, с которыми столкнулся

Вашингтон на рубеже 1980-х–1990-х гг. Опираясь на неоднозначный опыт операций в Гренаде и Ливане, американцы артикулировали сначала т.н. доктрину Вайнбергера (по имени озвучившего ее положения министра обороны в администрации Р. Рейгана)⁸³, которую затем с учетом операций в Панаме и Персидском заливе доработал председатель КНШ К. Пауэлл.⁸⁴

Суть «доктрины Вайнбергера-Пауэлла» – применение ВС возможно лишь при условии, что существует угроза жизненно важным интересам США, поставлены четкие задачи, просчитаны все риски, издержки и последствия, исчерпаны все политические возможности урегулирования кризиса, обеспечена широкая общественная поддержка и есть варианты выхода из войны. Со времен войны во Вьетнаме и до появления этой концепции в США отсутствовало единое видение применения ВС. В итоге объединенная доктрина, поначалу получившая лишь неформальное закрепление, стала определяющей военной концепцией на 1990-е гг. и предполагала участие в войнах с применением «превосходящих сил».

Геостратегическая обстановка на рубеже десятилетий требовала глубоких сокращений личного состава, вынуждая МО реорганизовать административно-хозяйственные процессы и укрепить военно-промышленную базу. При этом войскам предписывалось быть способными сдержать и разгромить любого противника на выгодных для Вашингтона условиях, а также совершенствовать качество подготовки и оснащения, чтобы сохранить военное превосходство не только на земле, в воздухе, в море, но и в космическом пространстве, где предполагалось обеспечить свободу орбитального доступа в мирное время и иметь возможность отказать в доступе противникам в случае конфликта.

Смена подходов к оборонной стратегии была озвучена Дж. Бушем-ст. в одном из публичных выступлений и совпала с началом войны в Персидском заливе.⁸⁵ Однако документально видение оформилось лишь перед самым уходом

⁸³ Weinberger, C. The Uses of Military Power // remarks prepared for delivery by the Honorable Caspar W. Weinberger, Secretary of Defense, to the National Press Club, Washington, D.C., November 28, 1984.

⁸⁴ Powell, C. U.S. Forces: Challenges Ahead // Foreign Affairs, Winter 1992. Vol. 71, Issue 5, pp.32-45.

⁸⁵ Bush G. H.W. Remarks at the Aspen Institute Symposium in Aspen, Colorado. August 2, 1990. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18731> (дата обращения: 05.03.2019)

его администрации – в виде т.н. «региональной оборонной стратегии» для адаптации боевых возможностей к условиям «стратегической неопределенности».⁸⁶ Эта директива задавала ориентиры развития военной политики и ВС на десятилетие вперед. В русле стратегий нацбезопасности фокус смещался с единой глобальной военной угрозы к нейтрализации множества вызовов в различных регионах мира.

Минимизация риска мировой ядерной войны предполагала участие как в крупных межгосударственных региональных кризисах (в т.ч. с участием стран, обладающих ОМУ), так и в конфликтах малой интенсивности. Вашингтон не должен был допустить, чтобы в регионах, жизненно важных для национальных интересов, возобладали недемократические государства, настроенные враждебно по отношению к США. Географические приоритеты были расставлены в соответствии со стратегией национальной безопасности и выглядели следующим образом: Европа (с фокусом на бывшие страны соцлагеря), Восточная Азия и Тихоокеанский регион, Ближний Восток (с акцентом на Персидский залив) и Южная Азия, Латинская Америка, Африка южнее Сахары. Такая линия позволяла ликвидировать стратегический вакуум и предотвратить появление новой военной силы, способной противостоять американцам в глобальном масштабе.

Соответственно МО надлежало заранее готовиться к непредвиденным угрозам и активно участвовать в формировании будущих условий безопасности с опорой на применение ВС, чтобы сохранить американское лидерство в мире. Если в годы «холодной войны» США приходилось отвечать на все события в самых отдаленных уголках мира, то теперь они получили возможность выборочного решения проблем, которые угрожают их интересам.

Военным поручалось снижать источники нестабильности в регионах и ограничивать насилие, сдерживать или подавить крупномасштабное нападение на США при помощи СЯС и ПРО, обеспечить передовое базирование обычных ВС за рубежом, быстро реагировать на региональные конфликты, сохраняя

⁸⁶ Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. Washington, DC, January 1993.

«возвратный потенциал» для быстрого восстановления боеспособности. Кроме того, ВС должны были укреплять и расширять союзы. Опыт операции в Кувейте доказал эффективность коалиционных действий под американским управлением. Стратегия рассматривала многосторонние механизмы не как альтернативу, а как дополнение к лидерству США.

В соответствии с целями «региональной оборонной стратегии» новая военная организация отныне должна была обеспечивать безопасность при меньшем финансировании. Предстояло существенно снизить численность, сократить расходы, избыточную инфраструктуру и в будущем закупать меньше вооружений при условии поддержания высокой боеготовности и сохранения технологического превосходства за счет внедрения достижений военно-технической революции. Предполагалось, что за счет новых военных технологий возрастет качество техники, что позволит сократить количество закупаемых образцов ВВТ. В свою очередь, это потребует совершенствования методов подготовки ВС. Кроме того, как показал боевой опыт в Персидском заливе, было необходимо совершенствовать концепции применения ВС с упором на объединенные коалиционные и межвидовые операции.

Американский историк Э. Ларсон отмечает, что дискуссия о *национальной военной стратегии* велась на протяжении всего срока администрации Дж. Буша-ст.⁸⁷ и получила документальное оформление лишь в 1992 г.⁸⁸ Как и в случае с «региональной оборонной стратегией» республиканцев, документ был попыткой отразить видение на десятилетнюю перспективу. Окончание «холодной войны» и снижение риска глобальных боевых действий заставило военно-политическое руководство США проработать детальный план предстоящих сокращения состава и структуры ВС и переопределения их задач. В результате бюджетных прений в Конгрессе было решено к 1995 г. урезать численность войск и смету на 25%, сократить инфраструктуру, ряд крупных программ ВВТ.

⁸⁷ Post-Cold War Defense Reform: Lessons Learned in Europe and the United States / Ed. by István Gyarmati and Theodor Winkler. Washington, DC: Brassey's, Inc., 2002. P.248.

⁸⁸ National Military Strategy of the United States. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, January 1992.

В документе отражались новые подходы к оценке угроз, что влияло на формирование ВС. Поскольку спрогнозировать события становилось все сложнее, предлагалось отталкиваться от обеспечения возможностей, необходимых для отражения любого спектра угроз. В основу легла концепция «минимальных сил», достаточных для обеспечения в ключевых регионах меньшими усилиями задач стратегического сдерживания и обороны, передового базирования, кризисного реагирования и сохранения «возвратного потенциала» ВС. Численность должна была стать меньше, чем в 1980-е гг., а структура предполагала опору на ядерные силы, мощную группировку в Атлантике и на Тихом океане, а также отдельный контингент для проведения зарубежных операций (ударные подразделения СВ, ВВС, ВМС, спецназ и вспомогательная космическая группировка).

По мере сокращения ВС предполагалось сохранять высокий уровень их боеготовности и повышать «объединенность», обеспечить стратегическую мобильность для переброски крупного контингента, опираться на коллективные механизмы безопасности при проведении крупномасштабных операций, усилить контроль над вооружениями в мире, добиться военного (прежде всего морского и воздушного) и технологического превосходства на поле боя, стратегической гибкости и возможности силовой проекции за счет привлечения резервных подразделений в кризисных ситуациях. Улучшение управленческих процессов в МО должно было исправить дисбалансы финансирования и высвободить дополнительные ресурсы для инвестиций в новые военные НИОКР.

Несмотря на интеллектуальный размах, администрации Дж. Буша-ст. в силу чрезвычайно короткого пребывания у власти не удалось полностью реализовать свое видение. Однако изданные директивы, как показывает ход военного реформирования в США, заложили основы применения американской военной силы на годы вперед.

Сменившие в 1993 г. в Белом доме республиканцев *демократы во главе с У. Клинтоном* не имели богатого опыта решения международных проблем военного характера, однако четко уловили изменения геополитического ландшафта. Ранее сформированное убеждение, что у США больше нет

экзистенциально опасного врага, заякорило новую администрацию в непоколебимости статуса единственной сверхдержавы и позволило сосредоточить внимание на внутренней политике и экономике. По выражению президента, необходимо было «построить мост в XXI век», получив от этого максимум преимуществ для нации.⁸⁹ Окончание «холодной войны» сыграло на руку администрации У. Клинтона, которая воспользовалась историческим моментом, чтобы обеспечить стране непрерывный экономический рост в течение десяти лет, профицит бюджета и создание миллионов рабочих мест.⁹⁰

Вместе с тем ставка на внутреннее развитие имела обратный эффект для ВС. Демократы полагали, что снизить риски будет возможно за счет «точечного» военного участия в мировых делах, реагируя на угрозы с помощью более широкого, чем силовой, инструментария. Доктринальная конструкция, зафиксированная в семи редакциях стратегии нацбезопасности, каждая из которых развивала и расширяла положения предыдущей, получила название стратегии «избирательного участия» и «расширения».^{91,92,93,94,95,96,97} В экспертной же среде подход прозвали «адхократией», или действием по обстоятельствам.⁹⁸

В директивах отмечалось, что в условиях переходного периода от «холодной войны» к «демократическому миру» необходимо готовиться к вызовам грядущей эпохи. Основной целью на это время становилось сохранение

⁸⁹ Democratic National Convention Remarks by President Bill Clinton, Chicago, August 29, 1996.

⁹⁰ Troy, G. A Bill Clinton balance sheet: Peace, prosperity, pluralism, and progress. The Brookings Institution, December 3, 2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/2015/12/03/a-bill-clinton-balance-sheet-peace-prosperity-pluralism-and-progress> (дата обращения: 18.05.2018).

⁹¹ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, The White House, Washington, DC, July 1, 1994. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1994.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁹² A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, The White House, Washington, DC, February 1, 1995. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1995.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁹³ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, The White House, Washington, DC, February 1, 1996. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1996.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁹⁴ A National Security Strategy For A New Century, The White House, Washington, DC, May 1, 1997. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1997.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁹⁵ A National Security Strategy For A New Century, The White House, Washington, DC, October 1, 1998. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1998.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁹⁶ A National Security Strategy For A New Century, The White House, Washington, DC, December 1, 1999. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2000.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁹⁷ A National Security Strategy for a Global Age, The White House, Washington, DC, December 1, 2000. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2001.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

⁹⁸ Burk, J. The Institutional Presidency: Organizing and Managing the White House from FDR to Clinton. Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, 2000. P.180.

глобального американского лидерства путем «формирования международной среды», в которой ничто не будет угрожать американским национальным интересам и ценностям. Из этого ставилась задача стремиться к тому, чтобы ни в одном регионе мира не было доминирующей враждебной силы. Такой подход содержал зачатки концепции «превентивных действий», что нашло отражение в виде необходимости сдерживать и предотвращать угрозы с помощью инструментария повышения предсказуемости, взятого из документов предыдущей администрации. Региональные приоритеты остались прежними, получив детальное описание угроз, исходящих от ряда стран, и реакции на них.

Динамика международных событий убедила администрацию У.Клинтонa, что поступательного продвижения невоенными методами недостаточно. В Вашингтоне пришли к выводу, что масштаб и характер угроз, с которыми мировое сообщество не способно справляться, требовали активного американского участия. Но и сами США не были в состоянии бороться со всеми угрозами одновременно – им необходимо было сконцентрироваться только на тех, которые могут иметь самые негативные последствия для своих интересов и ценностей. В связи с этим применение силы предполагалось только с опорой на многостороннее решение проблем – с привлечением международных институтов, союзников и партнеров. Этот подход лег в основу расширения НАТО и проведения коалиционных операций – зачастую вне системы ООН, которую американцы использовали только там, где им это было выгодно.

Как и в документах предыдущей администрации, в новых директивах зафиксированы элементы оборонной стратегии. ВС отводилось второстепенное значение в обеспечении национальной безопасности по сравнению с дипломатией, однако они должны были оставаться самыми боеспособными, обеспечивая статус США как единственной страны, которая может вести боевые действия по всему миру и во всех оперативных пространствах, включая информационную среду. Помимо подробного освещения военно-космической политики, в стратегиях администрации У. Клинтонa вводится понятие обеспечения «кибербезопасности», или отражения киберугроз – вплоть до

крупных информационных атак против правительства, экономики и объектов критической инфраструктуры. В условиях стирания границ между внутренней и внешней политикой повышалась необходимость защиты внутренней территории США, в т.ч. за счет развертывания противоракетной обороны.

Концептуально от военных требовалось достижение победы в двух проходящих одновременно крупных региональных войнах, чем объяснялась необходимость поддержания крупной группировки войск. Вместе с тем предполагалось, что в перспективе все больший вызов будут представлять операции меньших размеров, где США столкнутся с растущим противодействием нетрадиционного характера, в т.ч. в рамках боевых действий в городах.

Среди таких операций американским теоретикам, в первую очередь, виделось гуманитарное содействие, многонациональные усилия по поддержанию мира, борьба с терроризмом, наркотрафиком и организованной преступностью, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, установление бесполетных зон и точечные ракетно-бомбовые удары. Такой взгляд составил основу доктрины гуманитарных интервенций, более известной как «доктрина Клинтона», которая формулировалась на протяжении всего срока администрации У. Клинтона, однако так и не получила документального оформления, и лишь поверхностно отражена в концептуальных документах и официальных выступлениях военно-политического руководства США. Она предполагала, например, помощь жертвам стихийных бедствий, эвакуацию гражданского персонала США из кризисных зон, восстановление порядка во время гражданских войн за рубежом и т.д.

Эффективное участие в конфликтах предполагало более широкое использование ССО, космических и информационных средств, наращивание стратегической мобильности, разведывательных возможностей, оперативного межвидового взаимодействия, применение инструментов непрямого военного участия, включая укрепление оборонных потенциалов других стран. Требовалась и фундаментальная модернизация и «трансформация» войск с использованием достижений «революции в военном деле» – путем внедрения технологических, доктринальных, оперативных и организационных нововведений.

Свое документальное видение оборонной стратегии администрация У. Клинтона представила даже раньше своей первой стратегии нацбезопасности – спустя всего десять месяцев после публикации «региональной оборонной стратегии» республиканцев. Новая директива – *«Всеобъемлющий анализ военного строительства»* – заимствовала основные положения предыдущего документа и содержала рекомендации по оборонному курсу, которые вошли в стратегию нацбезопасности.⁹⁹

В частности, повторялись республиканские пункты о необходимости формирования условий безопасности с акцентом на многостороннее оборонное сотрудничество, выполнение союзнических обязательств в виде зарубежного военного присутствия и предотвращение угроз до их появления. Продолжалась линия на глубокие сокращения личного состава и структуры, финансирования, избыточной инфраструктуры и закупочных программ ВС при сохранении их высокой боеготовности, качества подготовки и технологического превосходства. Оптимизация обосновывалась скованными экономическими возможностями, которые позволяют США лишь выборочную модернизацию отдельных систем ВВТ с упором на унификацию образцов вооружений для различных платформ.

Именно этот документ заложил основы «доктрины Клинтона». В нем, в частности, отмечалось, что решение нетрадиционных конфликтов меньшего размера может потребовать военного и гуманитарного вмешательства/интервенции со стороны США. Имелись в виду многосторонние миротворческие операции, этнические и религиозные конфликты, борьба с терроризмом, повстанческие войны, противодействие государственным переворотам и наркоторговле.

В рамках противодействия региональным угрозам ВС должны были готовиться к одновременному участию и победе в двух крупных региональных конфликтах. В случае их возникновения войскам предписывалось нарастить присутствие в регионе, остановить вторжение и разгромить врага, а затем

⁹⁹ Report on the Bottom-Up Review. Washington, DC: Department of Defense, October 1993. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA359953> (дата обращения: 24.08.2018)

обеспечить стабилизацию после окончания боевых действий. Важной задачей стало противодействие с помощью развитого инструментария нераспространения и возмездия приобретению враждебными государствами ОМУ и его возможному применению против американцев и их союзников.

Документ также содержал элементы военной стратегии, предусматривал подробную структуру ВС в среднесрочной перспективе с учетом сокращений. Детально описывалось совместное и отдельное применение видов ВС, их численность, тактика при проведении различных операций, потребности в ВВТ, логистике и прочих вспомогательных возможностях. Уделялось особое внимание технической модернизации.

В 1997 г. администрация У. Клинтона опубликовала качественно новый документ, который впоследствии регулярно обновляли последующие администрации, – *четырёхлетний обзор в области обороны* – видение оборонной стратегии на 20 лет вперед.¹⁰⁰ В отличие от предыдущих аналогов публикация этого обзора предусматривалась законом подобно стратегии нацбезопасности. Директива базировалась на положениях предшествующих концептуальных документов и по сути была их упорядоченным вариантом с более развитым понятийным аппаратом, инструментарием и незначительными добавлениями.

Уточнялась международная ситуация и региональные вызовы с фокусом на Ближний Восток, Восточную Азию и постсоветское пространство, в приоритетном порядке артикулировалась необходимость обеспечения территориальной обороны, декларировалось выборочное применение ВС за рубежом, содержались прогнозы развития военно-политической обстановки в мире. Вводилась категория асимметричных угроз, которые были следствием того, что вероятные противники будут пытаться избегать прямого столкновения с вооруженными силами США и вести подрывные действия.

Признавалось, что в обозримом будущем у США вряд ли появится новый глобальный военный соперник или региональные силы (отдельные государства

¹⁰⁰ The Report of the Quadrennial Defense Review. Washington, DC: Secretary of Defense, May 1997. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf> (дата обращения: 24.08.2018)

или их коалиции), способные бросить вызов американской военной мощи. Предполагалось, что Америка будет пользоваться статусом единственной сверхдержавы, по крайней мере, до 2015 г. – при условии непрекращающегося военно-политического участия в мировых делах и сохранения силового превосходства над любым противником. За этим горизонтом стратегии, однако, не исключали появления равноценного соперника в лице России или Китая.

В рамках реформирования дальнейшее сокращение ВС предполагало снижение численности без изменения структуры, установление единого уровня ежегодных расходов на национальную оборону на несколько лет, закрытие военных баз, подробный модернизационный план, основанный на инвестициях в военные НИОКР и внедрении технологических достижений «революции в военном деле», что должно было повысить эффективность проведения операций за счет совершенствования систем командования, управления, связи, автоматизации, разведки, наблюдения и рекогносцировки. Для каждого вида ВС была представлена отдельная программа трансформации, одним из элементов которой стала заимствованная у ВМС США концепция ведения «сетевых войн».

Одновременно закреплялось положение о реформировании хозяйственных процессов в МО, в связи с чем создавалось отдельное подразделение в оборонном ведомстве – Рабочая группа по оборонной реформе. Особое внимание обращалось на заимствование частных деловых практик, оптимизацию процедуры закупок вооружений, составления бюджета и программ, решение социальных проблем гражданского и военного персонала.

За восемь лет администрация У. Клинтона подготовила две национальные военные стратегии, ориентированные на выполнение целей, отраженных в документах более высокого порядка. Директива 1995 г., озаглавленная «стратегией гибкого и селективного участия»¹⁰¹ в противовес «глобальному участию» предыдущих десятилетий, предполагала выборочное применение ВС для продвижения стабильности и отражения агрессии против США.

¹⁰¹ National Military Strategy of the United States of America: A Strategy of Flexible and Selective Engagement. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, February 1995. (дата обращения: 07.01.2019)

Несмотря на сокращения ВС должны были оставаться сильными и универсальными в применении. В задачу военным ставилось обеспечение безопасности в мирное время (межвоенные контакты, гуманитарные операции, борьба с наркотрафиком и терроризмом, а также поддержание мира), сдерживание и предотвращение конфликтов (с опорой на ядерные силы, региональные альянсы, кризисное реагирование, контроль над вооружениями, санкции и принуждение к миру) и победа в войнах с опорой на зарубежное присутствие за счет постоянных и ротационных контингентов в различных регионах и на силовую проекцию, основанную на авиационных и морских транспортных возможностях и резервных силах.

Документ существенно доработал «доктрину Вайнбергера-Пауэлла», уточнив условия использования ВС: выработка четких задач и применение совместно с союзниками необходимых решительных объединенных сил на заданных ТВД, обеспечение победы в параллельной информационной войне, противодействие распространению ОМУ, подготовка к возможному возникновению второго крупного регионального конфликта после начала первого, мобилизация резервных подразделений в критических ситуациях и планирование на период после их завершения. При этом подробно описывались функции каждого из видов ВС в рамках объединенных операций и характеристики, которыми должны обладать войска: качественная подготовка, высокая боеготовность, модернизация, улучшение технических возможностей и поддержание баланса внутри ВС.

В 1997 г. КНШ представил обновленную редакцию военной стратегии, которая развивала инструментальное видение применения ВС в соответствии с установками стратегии нацбезопасности, четырехлетнего обзора в области обороны и ряда новых оперативных концепций.¹⁰² Войска должны были помогать в формировании международных условий, реагировать на полный спектр

¹⁰² National Military Strategy of the United States of America. Shape, Respond, Prepare Now: A Military Strategy for a New Era. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, September 1997.

кризисных ситуаций и готовиться к неопределенному будущему, а также начать комплексную модернизацию для повышения эффективности.

Помимо участия в крупных региональных конфликтах прописывалась возможность одновременного участия ВС в нескольких операциях меньшего масштаба и достижение военного превосходства в информационной среде. Четко прослеживается отход от концепции минимально достаточных сил к «всеобщим силам», которые будут базироваться преимущественно на территории США, в случае кризисов направляться за рубеж и опираться на хорошо подготовленный персонал, глобальные средства управления, командования и разведки, стратегическую переброску и контроль морского и воздушного пространства.

Предполагалось, что наряду с трансформацией вооруженные силы будут на практике следовать закрепленным в отдельном документе установкам совместного применения видов с отработкой оперативных концепций, опирающихся на доминирование во всех пространствах, применение высокоточных вооружений, многоуровневую оборону и развитое материально-техническое обеспечение.¹⁰³ К инструментарию ВС также добавились обеспечение многоуровневой защиты войск, специальные и информационные операции и зачатки концепции проникновения в труднодоступные зоны боевых действий, получившей развитие при Б. Обаме.

Перед самым уходом, в декабре 2000 г., администрация У. Клинтона опубликовала редакцию стратегии нацбезопасности, ставшую предостережением будущему военно-политическому руководству.¹⁰⁴ В документе подчеркивалось, что в обозримом будущем растущую опасность будет представлять новый тип асимметричных угроз, которые военные называли «непредсказуемым фактором». Широкий доступ государственных и негосударственных субъектов к критически важным технологиям в перспективе повышал вероятность нападения на гражданские цели на территории США – в обход прямого столкновения с

¹⁰³ Joint Vision 2010. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, July 1996. URL: <http://www.dtic.mil/jv2010/jv2010.pdf> (дата обращения: 27.11.2018)

¹⁰⁴ A National Security Strategy for a Global Age, The White House, Washington, DC, December 1, 2000. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2001.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

войсками. В этой связи военная мощь не гарантировала защиту от такой опасности, и требовались принципиально иные инструменты и методы обеспечения безопасности. Последовавшие события подтвердили неготовность Вашингтона к подобным сценариям.

1.2. Влияние оборонной трансформации администрации Дж. Буша-мл. на доктринальные установки военной политики США

С приходом в 2001 г. в Белый дом нового руководства подход к обеспечению национальной безопасности радикально изменился. Одной из основных причин, в значительной мере повлиявших на формирование стратегического курса США в этот период были идеологические взгляды администрации Дж. Буша-мл., которая в значительной мере состояла из республиканцев крайне правых взглядов, или неоконсерваторов.¹⁰⁵ 11 сентября 2001 г. на американскую территорию было совершено крупнейшее в истории террористическое нападение, которое стало не просто сильнейшим политико-психологическим потрясением для страны, но и мощным катализатором развития подходов руководства США к силовому обеспечению нацбезопасности.

В 2002 г. на фоне первых боевых успехов в Афганистане Вашингтон обнародовал обновленную стратегию национальной безопасности.¹⁰⁶ По сравнению с предшествующими редакциями, новая директива обладала более компактной структурой и содержала более совершенный понятийный аппарат. Идеи, зафиксированные в данном документе, отражали особую парадигму – демократический глобализм. В директиве отмечалось, что победу в «холодной войне» одержали «силы свободы». Их поддержание оставалось жизненно важным и для победы над новыми врагами, в связи с чем США стремились установить международный баланс сил, который поощряет свободу, защищает и расширяет

¹⁰⁵ Батюк В.И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции // США, Канада: экономика, политика, культура. 2007. №7. С. 21-38.

¹⁰⁶ The National Security Strategy of the United States, The White House, Washington, DC, September 17, 2002. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

«демократический мир». Подход, известный как «доктрина Буша», основывался на продвижении в мировом масштабе американских ценностей всеми доступными способами и обеспечении превосходства в одностороннем порядке с опорой на применение военной силы на опережение.

За десять лет с момента прекращения биполярного противостояния международная обстановка претерпела глубокую трансформацию и требовала от США активных действий. В директиве отмечалось, что после окончания «холодной войны» мощь и влияние США на международные процессы были настолько несравнимы с потенциалом любой другой страны, что налагали особую ответственность за достижение «демократического мира». Впервые после распада СССР страна вновь находилась в состоянии глобальной войны, однако, не с политическим режимом, который обладает войсками и представляет угрозу выживанию, а с терроризмом – разбросанными по всему миру негосударственными сетевыми структурами, которые способны нанести ущерб без значительных военных инвестиций. «Терроризм» определялся как преднамеренное политически мотивированное насилие, направленное против невинных людей. Однако в отличие от предыдущих администраций, полагавших, что это явление имеет сугубо государственные корни, авторы новой стратегии подчеркивали его более сложную природу.

Такая борьба имела идеологическую основу («свобода против страха»), однако радикально отличалась от любой другой войны. В документе говорилось, что новое противостояние будет идти неопределенно продолжительное время на множестве фронтов против весьма призрачного врага и потребует, среди прочего, международных усилий, в первую очередь, со стороны НАТО, поскольку в терминах статьи V Североатлантического договора нападение на США воспринималось как нападение на весь альянс.

Авторы стратегии отмечали, что в 1990-е гг. США удалось сохранить мир в стратегически важных регионах. Угроза крупных межгосударственных конфликтов отошла на второй план. Основную опасность теперь представляли террористы и сочувствующие им «государства-изгои», которые стремились

получить доступ к ОМУ. Эти субъекты международных отношений появились как результат окончания «холодной войны» и обладали общими характеристиками – репрессивный политический режим, неуважение международного права и общечеловеческих ценностей, спонсирование терроризма, ненависть к США, но главное – стремление приобрести ОМУ. Признавалось, что эти угрозы хотя и несравнимы с потенциалом, которым обладал СССР, однако существенно осложняли условия международной безопасности. Для их подавления необходимо было задействовать широкий инструментарий военных и невоенных методов. Стратегия содержала подробный механизм борьбы с терроризмом и распространением. Главная задача – подорвать и физически уничтожить террористические организации, не допустив попадания к ним ОМУ, а также «маргинализировать» терроризм как идеологию.

Исходя из этих соображений, документ отражал важное изменение в стратегическом сознании американской политической элиты. Сдерживание, основанное на возмездии, признавалось неэффективным против новых врагов, что вынуждало США перейти от реагирования на угрозы пост-фактум к активным действиям. Угрозы необходимо было уничтожать до их материализации. На помощь американцы взяли международно-правовую концепцию упреждения, которая предусматривает в целях самообороны опережающее применение силы в случае неминуемой угрозы. И доработали ее, расширив с помощью выборочного применения «превентивных действий» для предотвращения ущерба.¹⁰⁷

В этих условиях военное командование должно было обратить особое внимание на новые методы ведения боя и готовиться к операциям, сходным по характеру с войной в Афганистане. Новые конфликты, которые будут протекать на дальних театрах военных действий, требовали проведения быстрых и точных операций с участием всех видов войск, использованием информационно-космической группировки и прочих средств удаленного обнаружения, а также высокоточных дальнобойных вооружений.

¹⁰⁷ Warren, A. Prevention, Pre-emption and the Nuclear Option. Routledge, NY, 2012. P.126-128.

С этой целью войска предполагалось всесторонне «трансформировать», внедрив инновационные средства и методы ведения боя, включая укрепление совместных операций, расширение разведывательных возможностей, изменение процессов внутри военной организации США. Более того, повышение мобильности, ударной мощи, гибкости и управляемости войск на территории США позволяло американцам без оглядки на союзников руководствоваться в военной политике исключительно собственными интересами.¹⁰⁸

К моменту публикации второй «стратегии» «неоконов» в 2006 г. США участвовали уже в двух масштабных боевых операциях (Афганистан и Ирак), всецело фокусируя внимание на передовых рубежах продвижения демократии в мире и борьбы с терроризмом.¹⁰⁹ Новая директива впитала базовые положения «доктрины Буша» и подробно раскрывала основные аспекты предыдущего документа под влиянием эволюции событий, угроз и взглядов администрации Дж. Буша-мл. Стратегия 2006 г. внесла лишь незначительные уточнения и на деле была расширенным и дополненным переизданием первой директивы, содержала доклад о состоянии международной обстановки, исполнении и перспективах линии, обозначенной 2002 г. Общая структура документа осталась прежней, однако значительно детализированы ее разделы.

Выстраивалась новая схема взаимоотношений с крупными центрами силы в мире. Основной фокус внимания на «Большом Ближнем Востоке»; далее – Европа с опорой на географическое и функциональное расширение НАТО; взаимодействие с Россией, продвижение демократии и обеспечение доступа к энергоресурсам в Центральной Азии; наконец, Дальний Восток и Китай, Западное полушарие и Африка. США не только вели войну с террористическими организациями, но и стремились оказать давление на страны т.н. «оси зла» (Иран, КНДР, Сирия) и «форпосты тирании» (Белоруссия, Зимбабве, Куба, Мьянма) – термин предложила в 2005 г. госсекретарь К. Райс – которые, по мнению авторов

¹⁰⁸ Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А. Американская военная политика к XXI веку: региональные аспекты. Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2012. С.12.

¹⁰⁹ The National Security Strategy of the United States, The White House, Washington, DC, March 16, 2006. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

директивы, угрожали расширению свободы и непосредственно США, чем во многом объяснялось и вторжение в Ирак. Победа, как и в «холодной войне», должна была быть не столько военной, сколько идейной.

Постулировалось, что продвижение свободы было гарантией выживания демократии в США, а, значит, единственным путем обеспечить национальную безопасность. «Демократизация» считалась наиболее эффективным способом укрепить международную стабильность. Ее достижение военными методами при этом требовало разделения ресурсной ответственности с союзниками, партнерами и ведущими международными и региональными организациями при проведении операций по восстановлению мира – разумеется, под четким руководством Вашингтона, который по-прежнему хотел «опережать угрозу», чтобы влиять на глобальные события и формировать условия в мире.

Директива вобрала в себя элементы военной стратегии и содержала перечень угроз (терроризм, распространение ОМУ, крупные региональные конфликты) и вызовов, которым давалась новая классификация (традиционные, которые исходят от государств с обычными вооруженными силами; нетрадиционные, которые исходят от государств и негосударственных структур и направлены на подрыв американских военных преимуществ и региональной стабильности, например, терроризм, повстанческая война, преступность, пиратство, наркоторговля; катастрофические, например, применение ОМУ против США, а также крупные стихийные бедствия и эпидемии; и дестабилизирующие, которые исходят от государственных и негосударственных структур, обладающих технологиями, бросающими вызов военным преимуществам США – биотехнологии, операции в космическом и киберпространстве, энергетическое оружие направленного действия).

Меры по их нейтрализации предполагали предотвращение и урегулирование кризисов через продвижение демократии и опору на ключевых региональных игроков, военное вмешательство для остановки кровопролития и последующая стабилизация и восстановление; отдельную стратегию по силовому противодействию распространению; доработанные механизмы уничтожения

террористов. В частности, предполагалось осуществлять «целенаправленное, или точечное сдерживание» за счет расширения возможностей сил спецопераций и дополнительных инвестиций в обычные средства ведения боя.

Кроме того, подтверждалась необходимость продолжения военной «трансформации», которую вписывали в процесс более широкого реформирования институтов национальной безопасности для более четкой реакции на широкий спектр долгосрочных угроз и критических ситуаций.

Наряду с идеологическими переменами приход «неоконсерваторов» в Белый дом ознаменовался и сменой подхода к формулированию оборонной стратегии, которая получила документальное закрепление в четырех доктринах, представленных в течение пребывания администрации Дж. Буша-мл. у власти.

Четырехлетний обзор 2001 г., опубликованный сразу после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, на заре кампании в Афганистане и за несколько месяцев до выхода стратегии нацбезопасности, стал фундаментом, определившим видение новой администрации в терминах применения военной силы.¹¹⁰ Документ был стратегией военного времени и предполагал приспособление ВС к новым условиям. Содержал подробное описание представлений о роли США в мире, глобальные геополитические и военно-технические тенденции и текущее состояние ВС. Отмечался быстрый рост источников напряженности, непредсказуемость возникновения конфликтов, повышение роли негосударственных субъектов в войнах, выход боевых действий в новые оперативные пространства.

Во главу ставилось обеспечение внутренней безопасности от внешних угроз и «трансформация» ВС. В связи с этим предполагалось исключить появление военных соперников, сдерживать агрессию в регионах. Новая модель участия в боевых действиях предполагала быстрый разгром противников в крупных пересекающихся конфликтах и достижение решительной победы в одном из них с

¹¹⁰ Quadrennial Defense Review Report. Washington, DC: Department of Defense, September 30, 2001. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf> (дата обращения: 05.11.2018)

последующей сменой режима или оккупацией и одновременное проведение ряда операций меньшего масштаба.

ВС должны были научиться управлять комплексными рисками, осуществляя планирование на основе оценки технических возможностей противников (подход основан на оценке способов ведения боя вместо оценки того, с кем и когда придется воевать, поскольку спрогнозировать угрозы становилось все труднее), поддерживать региональный баланс сил (большой конфликтный потенциал возникал в Азии, говорилось о «дуге нестабильности» от Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии, она характеризовалась наличием множества хорошо вооруженных армий и государств, стремящихся к упадку), разрабатывать широкий набор технических возможностей и углублять военное реформирование.

Вместо сокращения состава и структуры ВС планировалось повысить их эффективность с помощью «трансформации», которая определялась как масштабное внедрение технических достижений «революции в военном деле», сопровождавшееся разработкой новых оперативных концепций, переподготовкой личного состава, проведением организационных изменений ВС и административно-хозяйственной реформы МО. Предполагалось сосредоточиться на балансе подготовки передовых и вспомогательных частей, создать регионально ориентированные подразделения со знанием иностранных языков и культурных особенностей, совершенствовать проведение совместных операций, повсеместно переходить на ведение «сетевых войн» с широким применением и улучшением информационных и космических средств, длительно находиться на отдаленных ТВД в условиях отказа в доступе на поле боя, преодолевая все линии обороны противника, обеспечить глобальный охват средств боевого управления и разведки для понимания оперативной обстановки, выявления и ликвидации любых угроз.

Первый за долгие годы масштабный боевой опыт в Афганистане и Ираке подтолкнул американцев скорректировать изначальный подход к оборонной политике. В развитие опубликованных ранее директивных документов в 2005 г. Пентагон выпустил отдельный, более сжатый и доработанный вариант —

стратегию национальной обороны, в которой окружающий мир определялся состоянием стратегической неопределенности.¹¹¹ Отмечалось, что ход событий после 11 сентября 2001 г. подтвердил правильность выбранного оборонного курса (опора на военные силы при продвижении демократии), и то, что США находились в состоянии «глобальной войны с терроризмом», требовало модификации оборонного инструментария.

Признавалось, что военное превосходство США основано лишь на ведении традиционных боевых действий. Изменения же в мире требуют приспособления к комбинации асимметричных вызовов. Враг определялся как сложная сеть идеологически ориентированных экстремистских субъектов. Опыт наземных кампаний показал, что далеко не все союзники готовы поддержать действия Вашингтона, и США придется самостоятельно участвовать в длительных конфликтах.

Центральной концепцией директивы стало обеспечение активной эшелонированной обороны – заблаговременное противодействие и сдерживание конфликтного потенциала на безопасном удалении от США. Формирование условий безопасности уступало место прямому использованию военной силы за рубежом. Инструментарий отныне предполагал повсеместные превентивные меры для перехвата стратегической инициативы и обеспечения свободы действий в глобальном масштабе, быстрое развертывание ВС, проведение всего комплекса боевых операций, включая стабилизационные, против нерегулярных подразделений. Одним из ключевых элементов стало создание средств противоракетной обороны.

Систематизировалось географическое измерение оборонной стратегии – предполагалось действовать в четырех передовых регионах базирования (Европа, Северо-Восточная Азия, восточноазиатская прибрежная зона, Ближний Восток/Южная Азия).

¹¹¹ The National Defense Strategy of the United States. Washington, DC: Department of Defense, March 2005.

Все это требовало пересмотра подхода к военному реформированию. Постоянное совершенствование угроз и адаптация противников требовала придать этому процессу перманентный характер. Первоочередной задачей стала настройка ВС на эффективное выполнение нетрадиционных задач и повышение их гибкости. В приоритет возводилось проведение «сетевцентричных операций». Информационно-коммуникационные технологии открывали возможности интеграции рассредоточенных по полю боя, но объединенных сил. В связи с этим вводилось понятие «киберпространство», поскольку информационные операции должны были стать ключевой задачей ВС – общий успех боевых действий теперь во многом зависел от них.

Опубликованный в 2006 г., позже планируемого срока, четырехлетний обзор подводил промежуточные итоги военной политики «неоконсерваторов», детализировал положения предыдущего обзора и стратегии нацобороны с проекцией на более далекую перспективу.¹¹² Повышенное внимание уделялось контрраспространению ОМУ и влиянию на страны, находящиеся на стратегическом перепутье, в частности, на Китай.

Инструментарий сдерживания приобрел индивидуализируемый характер, а превентивность получила возможность молниеносного удара по целям во всем мире. Характер войн предполагал длительное нахождение в множестве мест по всему миру и проведение прямых и тайных операций, а также комплексное восстановление после боевых действий.

«Трансформация» ускорялась и предполагала построение т.н. «равнодействующих сил» – заимствование разработанной после войны во Вьетнаме концепции баланса применения в боевых операциях регулярных и резервных подразделений. В 2000-е гг. ее неотъемлемой частью также стали гражданский персонал Пентагона и оборонные подрядчики. Для большей эффективности в бою необходимо было повысить межведомственное взаимодействие с подразделениями других федеральных структур, уплотнить

¹¹² Quadrennial Defense Review Report. Washington, DC: Department of Defense, February 6, 2006. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf> (дата обращения: 05.11.2018)

работу с зарубежными партнерами. Предусматривалось, что силы специального назначения будут на острие боевых действий, а регулярные формирования обеспечат подготовку сил безопасности в других странах. Уточнялись задачи отдельных видов и родов войск и механизмы их применения со ставкой на повышение языковой и культурологической подготовки, ведение непрерывной разведки и тесное взаимодействие со спецслужбами, ведение боя в городских условиях, уменьшение времени реакции и проведение экспедиционных операций, широкое применение беспилотных средств боя, развитие объединенных программ ВВТ с оглядкой на потребности боевых командований и переход с вертикально-интегрированной модели реализации на горизонтально выстроенную.

Стратегия национальной обороны 2008 г. стала заключительным директивным документом уходящей администрации Дж. Буша-мл., подводила итоги проделанной работы, но в практическом плане почти не имела значения, поскольку пришедшие на смену демократы начали менять стратегический курс.¹¹³

Вместе с тем в документе отражены важные тенденции, с которыми предстояло считаться последующей администрации. В частности, это формирование поведения международной системы, повышение роли союзников и партнеров в обеспечении военной безопасности в мире и необходимость участия в длительных войнах с рассредоточенными по всему миру негосударственными сетевыми субъектами при сохранении возможности глобального стратегического доступа и свободы действий и, как следствие, необходимости сохранения оперативной и функциональной «объединенности» применения ВС. В географическом плане война с терроризмом вышла за рамки Ирака и Афганистана, требовалось обратить внимание на растущую оборонную мощь Китая и России, а также рассмотреть в качестве перспективной региональной площадки Арктику.

С опорой на контекст, заложенный стратегией национальной безопасности и четырехлетним обзором, в 2004 г. «неоконсерваторы» представили свою

¹¹³ National Defense Strategy. Washington, DC: Department of Defense, June 2008.

национальную военную стратегию, которая была написана под влиянием выявленных несоответствий между новыми целями и возможностями ВС в начале XXI века.¹¹⁴ На момент публикации этого документа администрация Дж. Буша-мл. еще не напечатала отдельную стратегию национальной обороны, однако из директивы видно, что в КНШ были хорошо осведомлены о ходе ее подготовки.

В соответствии с обозначенными в вышестоящих директивах приоритетами «трансформации» и борьбы с терроризмом, а также в связи с необходимостью противодействовать более широкому набору угроз и врагов на более сложных ТВД и зафиксированной в оборонной стратегии схемой участия в конфликтах «1-4-2-1» (1 – Оборона территории США; 4 – передовое сдерживание конфликтов с/на территории четырех стратегических регионов; 2 – участие в двух одновременных масштабных региональных конфликтах; 1 – решительная победа в одном из них), новый документ содержал ряд практических предложений по применению ВС для защиты территории США от внешних угроз, предотвращения конфликтов и скрытных нападений и превосходства над любым противником.

В инструментарии военных появлялось четыре новые оперативные концепции, направленные на повышение объединенного применения войск и ускорение перманентной реформы. Это 1) оборона внутренней территории США, 2) стратегическое сдерживание, проведение 3) крупных боевых и 4) стабилизационных операций.

Первая концепция должна была помочь ВС защитить США от нападения за счет нейтрализации угроз как можно ближе к источнику их возникновения и предполагала обеспечить доминирование в ключевых пространствах (суша, воздух, море, космос) для поддержания свободы действий и доступа в глобальном масштабе. Вторая концепция опиралась на инструменты упреждения с акцентом на превентивные действия в отношении потенциально опасных противников,

¹¹⁴ The National Military Strategy of the United States of America. A Strategy for Today; A Vision for Tomorrow. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, 2004. URL: <http://archive.defense.gov/news/Mar2005/d20050318nms.pdf> (дата обращения: 07.01.2019)

чтобы заставить их отказаться от своих разрушительных намерений, и разрешить конфликты. Третья концепция описывала пути подавления вражеских войск во всех средах (включая информационную) и, при необходимости, свержения недружественных правящих режимов. Наконец, четвертая концепция, тесно связанная со всеми остальными, была необходима для поддержания или восстановления порядка, продвижения мира, демократии и безопасности в зонах боевых действий, а также проведения мероприятий после их завершения.

Несмотря на то, что каждая из оперативных концепций предполагала решение конкретных специализированных задач, фокусируясь на достижении отдельных элементов военной стратегии, планировалось, что для общего успеха все эти установки необходимо применять едино. В частности, ВС ставилась задача быстрого перехода от выполнения одних операций к участию в других, а также их одновременное осуществление. Тем самым стратегия развивала концепцию предыдущей администрации об управлении любой ситуацией или возможности разгромить любого противника во множестве войсковых операций.

По этим причинам перспективные объединенные ВС должны были получить институциональное закрепление на уровне боевых командований в виде постоянных штабов объединенных сил и целевых объединенных групп, опираться на информационные системы взаимодействия, непрерывную разведывательную поддержку и обновленную повестку зарубежного присутствия, а также обладать рядом характеристик, которые позволяли бы им достичь желаемого результата: гибкость и умение приспосабливаться (способность быстро разворачивать и поддерживать возможности в различных по географии и боевым условиям регионах мира), решительность (Основанная на всестороннем получении информации о поле боя для опережения действий противника), интеграция (межвидовое решение задач на стратегическом, тактическом и оперативном уровне), одновременность (синхронизация времени и действий видов войск с другими государственными структурами, частным сектором, неправительственными организациями и зарубежными партнерами; не исключает односторонних военных действий, однако направлена на единство усилий),

экспедиционность (возможность быстрого развертывания на глобальном поле боя), децентрализация (эффективное решение задач на уровне рассредоточенных подразделений более низкого порядка), высокая поражающая способность (способность уничтожить любого противника при любых условиях).

Специального рассмотрения заслуживает такая характеристика ВС, как «сетевизация», или способность вести «сетцентричную войну». Заимствованная из директив 1990-х гг. и ставшая важнейшей составляющей военной стратегии США при администрации Дж. Буша-мл., концепция предполагала обеспечение победы над преимущественно негосударственными субъектами (террористические и преступные группировки), организованными не по вертикали (иерархично, как регулярные войска), а по горизонтали (в виде сетевых структур). Предполагалось, что это позволит добиться качественного оперативного преимущества и уйти от излишней неповоротливости ВС, улучшив обмен информацией между отдельными подразделениями и внутри них, получив более точную картину происходящего и повысив управляемость.¹¹⁵

В развитие национальной военной стратегии с учетом опыта боевых действий в Ираке и Афганистане были также созданы оперативные концепции проведения нетрадиционных, контрповстанческих операций и боевых действий в городских условиях.^{116,117,118}

Несмотря на проделанную интеллектуальную работу, администрации не только не удалось решить накопившихся проблем, но и зайти в стратегический тупик. К концу второго срока Дж.Буша-мл. стало очевидно, что стратегический курс «неоконсерваторов» создал больше проблем, чем решений, и нуждался в корректировке.

¹¹⁵ The Implementation of Network-Centric Warfare, Department of Defense, Office of Force Transformation, Washington, D.C., January 2005.

¹¹⁶ Counterinsurgency, Field Manual, FM 3-24. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, December 2006.

¹¹⁷ Irregular Warfare (IW), Joint Operating Concept (JOC), Version 1.0. Washington, DC: Department of Defense, 11 September 2007.

¹¹⁸ Joint Urban Operations, Joint Integrating Concept, Version 1.0. Washington, DC: Department of Defense: 23 July 2007.

1.3. Новые явления в военной политике и национальной безопасности США в 2010-е гг.

С очередным приходом в Белый дом демократов было ожидаемо, что подходы к формированию стратегии безопасности поменяются. Команда нового президента не имела большого опыта в военно-политических делах. При этом в наследие ей досталось множество проблем, к которым надо было приспособливаться. К концу 2000-х гг. США находились в новом «переходном периоде». Они «завязли» в двух зарубежных военных кампаниях, что вызывало стойкое неприятие к контрповстанческим и стабилизационным операциям среди высшего военно-политического руководства, желавшего поскорее выйти из конфликтов. Параллельно, в США ощущались негативные эффекты от мирового экономического кризиса.

С учетом этого, администрация Б. Обамы стала ориентироваться на возвращение авторитета в мире и восстановление экономического потенциала после рецессии, снижение военной активности и отход от политики участия в комплексных войнах далеко за пределами своей территории.¹¹⁹ Такое видение нашло отражение в стратегии национальной безопасности 2010 г., получившей название стратегии «национального обновления и глобального лидерства».¹²⁰

В США исходили из того, что ускорение и повышение взаимозависимости процессов влияло на состоянии международной и американской безопасности. Количество вызовов для Америки несмотря на военные достижения продолжало расти. Традиционные угрозы уступили место широкому спектру асимметричных. Все большую опасность стал представлять конфликтный потенциал, порождаемый «недееспособными» государствами в различных регионах, а также вероятность крупномасштабного нападения на американскую критическую инфраструктуру и информационные сети. На этом фоне военно-стратегический

¹¹⁹ US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Eugene Gholtz and Caitlin Talmadge. Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. P.16.

¹²⁰ National Security Strategy, The White House, Washington, DC, May 27, 2010. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

фокус Вашингтона смещался в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), оттесняя на вторые позиции «Большой Ближний Восток» и Европу.

Новые условия требовали иных подходов. В Белом доме признавали, что США не были способны решать все мировые проблемы в одиночку, это становилось возможным только коллективными усилиями. Используя доктринальные наработки предыдущих администраций, планировалось продвигать разделение ответственности за безопасность в мире и формировать международный порядок, способный реагировать на вызовы самостоятельно – с минимальным участием, но под надзором США. В критических ситуациях американцы сохраняли за собой право односторонних силовых действий.

Для реализации этого видения стратегия предусматривала применение широкого инструментария. На вооружение взяли концепцию «всеобъемлющего участия», которая означала коллективное предотвращение проблем путем укрепления и модернизации американоцентричных международных институтов и союзов и продвижения международных норм, порой отличных от универсально признанных, привлечения ведущих центров влияния, расширения партнерских отношений в ключевых регионах, поддержки «справедливого мира» непрямыми инструментами, включая помощь оппозиционным силам в государствах-противниках США.

Войскам в это время предписывалось восстановить боевые возможности, или «равновесие», после Афганистана и Ирака таким образом, чтобы быть способными поддерживать превосходство во всех оперативных пространствах, и готовиться к участию в широком спектре конфликтов. Стратегия поручала им, в первую очередь, устанавливать новые партнерские связи по всему миру, чтобы лучше сдерживать и подавлять агрессию в будущем. В целом, признавалось, что в перспективе роль военной силы будет снижаться, и по мере совершенствования технических, боевых и доктринальных возможностей и укрепления союзов будет расти применение более эффективных альтернатив влияния на враждебные государства – санкций и изоляции.

Во второй редакции стратегии нацбезопасности, изданной в 2015 г., на фоне очередных геополитических сдвигов, несмотря на то, что на словах приоритет в достижении целей по-прежнему отдавался дипломатии и прочим невоенным методам, военная сила признавалась «краеугольным камнем американской безопасности», позволявшим Америке сохранить лидирующее положение на мировой арене.¹²¹ Как прежде, Вашингтон избирательно подходил к применению военной силы, полагая, что оно допустимо только когда под угрозой выживание американского народа или безопасность ближайших союзников. В случаях, не задевавших ключевых интересов напрямую, эффективнее мобилизовать дружественные государства и упомянутый невоенный инструментарий.

Это побуждало США углублять перекройку под свое видение международной архитектуры коллективной безопасности за счет структурно-функциональной адаптации существующих многонациональных институтов, особенно НАТО, наращивать военную и материальную помощь странам, ведущим на своей территории борьбу с терроризмом, расширять дистанционные операции с применением ударной беспилотной авиации. Такой подход допускал действия вне международно-правового мандата ООН, авторитет которой американцы все чаще ставили под сомнение.

В этих условиях ВС США определяли цель – защищать долгосрочные интересы государства, обеспечивая «рычаг» для американской дипломатии, сдерживать и, при необходимости, разгромить любого вероятного противника на нескольких ТВД. Выполнять широкий набор функций, отражая ракетные, кибернетические и террористические угрозы, а также сглаживая последствия возможного военного нападения на США или природных бедствий. Помимо этого, их задача в глобальном масштабе – поддержание региональной стабильности, контртеррористические и гуманитарные операции, работа с союзниками и партнерами.

¹²¹ National Security Strategy, The White House, Washington, DC, February 6, 2015. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2015.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

С приходом команды демократов, несмотря на смену стратегического курса и декларативную ориентацию на снижение роли ВС в обеспечении безопасности, оборонная стратегия поначалу претерпела лишь незначительные изменения. Американцы по-прежнему участвовали в двух крупных наземных операциях, боролись с терроризмом и пытались решить широкий набор других военных проблем. Очередной четырехлетний обзор в области обороны, опубликованный в 2010 г., был обширным документом, опиравшимся на положения предыдущих директив, и скорее содержал новые инструменты, чем рецепты.¹²²

При администрации Б. Обамы значительно возросла интенсивность реформирования ВС и МО – это стало центральным пунктом оборонной стратегии, от которого зависели все остальные положения документа. «Трансформация» военного времени сменилась «восстановлением равновесия» ВС во время перехода к менее масштабным и длительным зарубежным операциям. Предполагалось, что США постепенно будут уходить из Ирака, однако еще на какое-то время задержатся в Афганистане. Подход, требовавший одновременного ведения крупных наземных войн и подготовки к широкому спектру новых комбинированных угроз, был доработан и отразился на концептуальной и структурной составляющей военного строительства.

В мире отмечалась по-прежнему непредсказуемая обстановка и ускорение темпов глобальных изменений. Помимо традиционных военных угроз, прописанных в предыдущих документах, все большее влияние на оборонную повестку стали оказывать растущие потребности мирового сообщества в ресурсах, быстрая урбанизация прибрежных районов, культурно-демографические трения в отдельных регионах, климатические изменения и угрозы эпидемий, а также распадающиеся государства. Требовалось более глубокое понимание мотивов, процессов и возможностей разнообразных противников.

¹²² Quadrennial Defense Review Report. Washington, DC: Department of Defense, February 2010. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2010.pdf> (дата обращения: 24.08.2019)

Сдерживание и предотвращение региональных конфликтов стало многоинструментальным подходом и требовало одновременного снижения роли американских ВС при повышении ответственности других государств с помощью разнообразных механизмов: продажа вооружений, ускорение передачи ВВТ, кредиты, укрепление региональных и страновых сил обеспечения безопасности, подготовка и обучение иностранных партнеров, включая ВС и командный уровень, военные обмены и совместные учения.

В связи с этим выстраивалась новая модель географических приоритетов с опорой на ключевых союзников в отдельных регионах: Северо-Восточная Азия (Япония, Южная Корея), Южная Азия (Индия), Юго-Восточная Азия (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Сингапур), Ближний Восток (Израиль и крупные арабские страны), Западное полушарие (Канада, Мексика, Бразилия), Европа (НАТО).

Фиксировался отход от традиционной схемы одновременного участия в двух крупных региональных конфликтах в сторону более сложных сценариев применения ВС для преобладания в широком спектре одновременных операций на нескольких ТВД. В частности, наряду с боевыми действиями в Ираке и Афганистане предполагалось ориентировать войска на 1) одну масштабную стабилизационную операцию против технически изощренного регионального агрессора и восстановление после катастрофы на территории США, 2) участие в двух крупных региональных конфликтах и одновременное приведение в повышенную боеготовность остальных ВС с ориентацией на отработку совместного применения, 3) одну крупную стабилизационную операцию, одну длительную операцию по сдерживанию на другом ТВД и контрпропагандистскую операцию меньшего размера.

Концепция «объединенности» стала всеохватывающей и многоуровневой и предполагала 1) единство усилий между США и их союзниками, 2) участие широкого круга американских ведомств в формировании и реализации оборонной стратегии, 3) тесное взаимодействие СВ, ВВС и ВМС, их оснащение средствами преодоления трудных боевых условий, повышение роли сил специальных операций, опора на мощные космические и кибервозможности, противоракетные

системы, более широкий инструментарий нераспространения, обширную и устойчивую инфраструктуру.

Численность ВС должна была остаться неизменной, однако корректировалась их компоновка. Боевые операции должны были проводиться силами спецопераций при поддержке разведывательных средств и сил партнеров. Регулярные части ВС США должны были заниматься вспомогательным обеспечением. В отдаленном будущем предполагалось продолжить сокращения ВС в связи с тем, что не предполагался рост оборонного бюджета.

Борьба с распространением выходила за рамки ОМУ, предусматривая также противодействие новейшим достижениям в обычных вооружениях и концепциям, которые обеспечивали бы отказ в доступе ВС США на поле боя («гибридные» боевые действия», средства РЭБ и кибероружие, противокосмические системы, высокоточные вооружения большой дальности и беспилотные авиасистемы, ударные подводные платформы, системы ПВО/ПРО и т.д.).

Документ содержал обширный симметричный инструментарий преодоления этих условий, включая проникающие и заградительные средства в рамках внедрения оперативной концепции совместного применения ВВС и ВМС, развития высокоточных ударных и разведывательных пилотируемых и беспилотных морских и авиасистем большой дальности, космической группировки, средств «электронной войны». Закладывались предпосылки для отдельных концептуальных документов в новых областях применения ВС.

Опыт войн в Ираке и Афганистане обнажил множество проблем, которые требовали новаторского подхода. Реформирование МО предполагало перекройку системы закупок (повышение стоимостной эффективности и скорости внедрения ВВТ, укрепление ВПК), реформу системы экспортного контроля, повышение энергоэффективности и ориентацию на окружающую среду и усиленную работу с человеческим капиталом (социальная поддержка ветеранов войн и их семей, психологическая и физическая помощь, страхование и пенсионное обеспечение, кадровая реформа, удержание и привлечение квалифицированного личного состава, изменение программ военной подготовки и образования с акцентом на

страноведение и языкознание, воспитание нового поколения лидеров, привлечение гражданских специалистов к боевым операциям).

Существенные изменения произошли с публикацией в 2012 г. отдельного «Руководства по оборонной стратегии», которое было первым за десятилетие директивным документом, рассчитанным не на военное время, а на новый переходный период.¹²³ Директива была короткой и суммировала новые региональные приоритеты ВС США.

Активная фаза боевых действий в Ираке была окончена, основные войска выведены, в среднесрочной перспективе то же самое ожидало Афганистан. В Азии все более серьезные вызовы представляла военная и экономическая мощь Китая. Хотя США и ликвидировали лидеров террористических организаций, угроза терроризма продолжала расползаться по Ближневосточному региону. Нестабильности добавлял и процесс «Арабской весны». С учетом всего этого необходимо было перестраивать ВС на мирную обстановку и делать соответствующие организационно-структурные выводы.

Предполагалось провести «стратегический разворот» в сторону АТР, что считалась залогом стабильности в этом обширном квазирегионе. Продолжать точечную борьбу с террористическими организациями и попаданием в их руки ОМУ по всему миру (в первую очередь, на Ближнем Востоке и в Южной Азии). На фоне непростой экономической ситуации в США было важно обеспечивать безопасность меньшими средствами и, как следствие, уменьшать бюджетные сметы на оборонные нужды. Предлагалось гарантировать доступ к глобальным благам и сосредоточиться на отражении крупных кибернападений.

Несмотря на широкий набор потенциальных операций и необходимость участия в нетрадиционных боевых действиях, в будущем больше не планировалось проводить длительные, масштабные стабилизационные операции. Уточнялся сетевой подход к сдерживанию и участию в боевых действиях в

¹²³ Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century. Washington, DC: Department of Defense; The White House, January 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 13.05.2018)

глобальном масштабе «по-настоящему взаимозависимых объединенных ВС». Внедрялась концепция «обратимости ресурсов», в соответствии с которой военные должны исходить из принципа достаточности, сохранения возможности дополнительной мобилизации в критических ситуациях, сокращать численность и расходы МО, поддерживать научно-промышленную базу. Требовалось пересмотреть баланс между регулярными и резервными подразделениями.

Представленный два года спустя четырехлетний обзор продвигал программу перебалансировки ВС и МО в течение десятилетия в соответствии с рекомендациями стратегических директив 2012 г. и с учетом сложных экономических реалий после завершения крупных зарубежных операций.¹²⁴ В свете законодательного закрепления глубоких финансовых сокращений предполагалась бюджетная оптимизация и сокращение численности ВС, ограничение закупок и пересмотр программ ВВТ. В расчет принимался инновационный подход формирования оборонной стратегии.

Спектр конфликтов варьировался от «гибридных» с участием негосударственных субъектов до высокотехнологичных с участием региональных держав. Уточнялись региональные приоритеты и расширялся круг опорных партнеров – в порядке очередности: АТР, Ближний Восток, Европа, Африка, Латинская Америка. Содержалась проекция численности «равнодействующих сил» после снижения в среднесрочной перспективе и перераспределялись задачи отдельных видов войск. Заявлено о необходимости дополнительного закрытия избыточной объектовой инфраструктуры. Упомянуто о более широком включении в ряды ВС женщин и представителей сексуальных меньшинств. Ставилась задача решить проблемы сексуального насилия в войсках, а также оказать психологическую помощь участниками боевых действий.

Опубликованная в 2011 г. национальная военная стратегия демократов имела иерархичную привязку к внешней политике и дипломатическим инструментам обеспечения американского лидерства в мире, показывая тем

¹²⁴ Quadrennial Defense Review 2014, Department of Defense, Washington, DC, March 2014. <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2014.pdf> (дата обращения: 24.08.2019)

самым отход от примата применения военной силы.¹²⁵ Во главу новой директивы, игравшей вспомогательную роль в продвижении национальных интересов, руководство КНШ ставило расширенную трактовку понятия «объединенность», предполагавшую не только принцип единого войскового построения и функционирования, но и действия с другими американскими ведомствами и союзниками США.

В документе признавалось, что новый геополитический контекст («многоузловой мир») несет в себе множество негативных тенденций (глобализационные, региональные, демографические, экономические, технологические и т.д.) и представляет опасность не только для США, но и их партнеров. В связи с этим в военные задачи входила 1) борьба с насильственным экстремизмом, 2) сдерживание и подавление агрессии, 3) укрепление международной и региональной безопасности и 4) формирование будущих сил. По сути, это были прежние задачи, которые, однако, получили новый инструментарий в соответствии с видением администрации Б. Обамы.

В силу того, что интересы США тесно переплетены с интересами широкого круга союзников и партнеров, формирование окружающей безопасности предполагалось проводить за счет ставки на ключевых партнеров и игроков в отдельных регионах в соответствии с географическими приоритетами, прописанными в оборонной стратегии, и с опорой на прикладной инструментарий в дополнение к традиционному – в частности, сотрудничество в сфере безопасности, гуманитарное содействие, совместную борьбу с наркотрафиком и преступностью, межвоенные контакты и ряд прочих программ. Поэтому применение ВС предполагалось лишь в увязке с зарубежными партнерами.

Для победы над экстремистами, распространяющими свое влияние по всему миру, требовалось повышение координации усилий с союзниками по НАТО, ключевыми региональными игроками (Афганистан и Пакистан), а также подключение новых партнеров и постепенная передача военных полномочий в

¹²⁵ The National Military Strategy of the United States of America. Redefining America's Military Leadership, 2011. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/2011-National-Military-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.09.2018)

сферу их компетенции при усилении невоенных методов борьбы с терроризмом. Примерно такой же подход касался и борьбы с распространением ОМУ, которая должна была смещаться в сторону повышения ответственности международных институтов и союзников.

Ключевым в проведении мероприятий по сдерживанию конфликтов было понимание того, что войны провоцируют финансово-экономическую нестабильность в мире, а, значит, гораздо дешевле кризисы предотвращать (причем одновременно во всех средах), а не пытаться урегулировать пост-фактум. При относительном снижении роли ЯО в американской военно-стратегической повестке США продолжали опираться на свой стратегический арсенал и противоракетные средства по всему миру. Обычные средства сдерживания предполагали не только ВС, но и комплексную мощь всего государства. При этом успех все больше возлагали на грамотную организацию взаимодействия обычных вооружений с космическими и киберсредствами.

При сохранении высокого уровня боеготовности и продолжении технической и концептуальной модернизации каждому виду войск надлежало соответствовать определенной модели и обладать набором характеристик. СВ должны были проводить весь спектр операций с помощью универсальных целевых и сетевых формирований, действующих на ротационной основе. ВМС – комбинировать небольшие и крупные многозадачные подразделения и платформы. ВВС – обеспечивать беспрепятственный доступ в аэрокосмическом пространстве с упором на средства глобального удара, быструю переброску, ведение РНР из космоса и на ТВД, обеспечение устойчивой связи и управления, проецирование мощи в труднодоступные зоны. Киберсилы – заниматься построением и обороной информационной инфраструктуры ВС. Подтверждалась концепция ответного удара ядерных сил и повышенная гибкость подразделений сил спецопераций.

Особое внимание в стратегии уделено необходимости противодействия стратегиям отказа в доступе на поле боя, которые мешали США добраться до конкретных регионов и действовать на их территории. Положение получило

развитие в отдельном документе – оперативной концепции обеспечения единого доступа ВС во все пространства.¹²⁶ В соответствии с ней концепция «объединенности» военных сил и действий разворачивалась на цели бесперебойной связи США с «глобальными благами».

Новая редакция национальной военной стратегии от 2015 г., как и в 2011 г., фиксировала, что геополитический контекст несет в себе множество негативных тенденций, которые представляют опасность для США и их партнеров.¹²⁷ Это отражалось на характере будущих конфликтов, которые становятся более интенсивными, высоко технологичными и продолжительными. Как следствие, управлять ими становится все сложнее.

Документ содержал ряд важных дополнений. В связи с качественными изменениями в глобальной военно-стратегической обстановке (усиление мирового беспорядка, необходимость одновременного противодействия множеству вызовов и угроз) иначе расставлены приоритеты ВС. В глаза бросается явный идеологический окрас, придаваемый ситуации в мире, в чем прослеживается аналогия с доктринальными установками времен администрации Дж. Буша-мл.

Авторы стратегии разделяли мировое сообщество надвое. В большинстве – возглавляемая США группа государств, поддерживающих устоявшиеся институты и процессы, направленные на предотвращение конфликтов, уважение суверенитета и продвижение прав человека. В оппозиции им стоит ряд государств-«ревизионистов» (Россия, Иран, КНДР и Китай), которые стремятся пересмотреть ключевые аспекты международного порядка, действуют, угрожая американским интересам национальной безопасности, и представляют серьезное беспокойство для мирового сообщества.

¹²⁶ Joint Operational Access Concept (JOAC), Version 1.0. Washington, DC: Department of Defense, 17 January 2012. URL: https://archive.defense.gov/pubs/pdfs/JOAC_Jan%202012_Signed.pdf (дата обращения: 29.11.2019)

¹²⁷ The National Military Strategy of the United States of America: The United States Military's Contribution to National Security. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, June 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения: 14.03.2016)

В шорт-листе, конечно, не страны «оси зла», как при Дж. Буше-мл. (как говорится в стратегии, они «не ищут военной конфронтации с США»), но они не являются и союзниками. Представляется, что основной мотивацией к появлению столь подробного списка раздражителей было желание военных подчеркнуть, что угрозы безопасности США исходят не от абстрактных агрессоров, как это было в предыдущих документах, а от конкретных государств. Тем самым Пентагону намного легче оправдать необходимость поддержания высокого уровня расходов на оборону – особенно в свете непростой бюджетной ситуации.

Задачи, которые ставятся перед ВС США остались прежними, став лишь более артикулированными. Однако изменилась их приоритетность. На передний план вышли государственные субъекты международных отношений. В обозримом будущем МО предписано уделять повышенное внимание сдерживанию агрессии против США или их союзников, противодействию во всех оперативных средах и возможному решительному разгрому государств-противников. Это будет возможно за счет поддержания мощных СЯС, проведения зарубежных операций и сохранения передового глобального присутствия с помощью устойчивой транспортно-логистической инфраструктуры, разветвленной архитектуры связи и разведки, повышения взаимодействия с союзниками и партнерами, а также укрепления боеготовности за счет подготовки и оснащения личного состава.

В особенности это актуально ввиду распространения баллистических ракет и высокоточных ударных технологий, беспилотных систем, космических и кибервозможностей и ОМУ – всего, что направлено на противодействие США. И хотя войны с другими странами, по документу, маловероятны, они могут быть более непредсказуемым, дорогими и неконтролируемыми, чем считалось прежде.

Участие в конфликтах с негосударственными вооруженными формированиями – в первую очередь с экстремистскими организациями террористической направленности вроде Аль-Каиды и ИГИЛ (но в иерархии задач ВС борьба с ними все же спустилась на второе место) – гораздо вероятнее. Необходимо подавлять их возможности по планированию и проведению операций, пресекать сотрудничество с организованной преступностью, ослаблять

каналы поддержки, устранять руководство, перекрывать потоки финансов, оружия и людских ресурсов, противодействовать пропаганде, освобождать захваченные территории и окончательно разгромить. Делать это предполагается с привлечением региональных партнеров.

Примечательно, что в рамках обозначенных задач чуть ли не впервые в официальных публичных документах США стратегия вводит термин «гибридных» конфликтов. К ним относятся действия, когда государственные и негосударственные участники совместно стремятся достичь военных целей с применением смешанных методов, средств и ресурсов. Их цель – создать неопределенность на поле боя, затруднить процесс принятия решений для противника, замедлить координацию ответных действий, перехватить стратегическую инициативу и в итоге парализовать неприятеля. Мол, это весьма новое поле боя, для противодействия которому еще надо поучиться, проводя соответствующие совместные учения с ближайшими союзниками.

Еще одной задачей, поставленной в стратегии, является укрепление глобальной сети союзников и партнеров. Региональные приоритеты расставлены с упором, в первую очередь, на действия в АТР, далее следует Европа и Ближний Восток. На последних местах – Латинская Америка и Африка.

Важным элементом достижения поставленных задач является ведение интегрированных операций в глобальном масштабе. На этом фоне повышается значение стратегической гибкости, внедрения инноваций и объединения усилий ВС США. Причем дается расширенная трактовка понятия «объединенных», или интегрированных действий, которая предполагает не только принцип межвидового войскового функционирования, как раньше, но также тесное взаимодействие с прочими американскими ведомствами и сотрудничество с союзниками и партнерами за рубежом.

Сделать это предполагалось за счет выполнения ряда условий, среди которых перехват и использование стратегической инициативы, проявление стратегической гибкости в формировании ВС, выстраивание партнерских отношений, одновременное функционирование в нескольких оперативных средах,

снижение нежелательных последствий боевых действий и т.д., в связи с чем в тексте выстраивается и соответствующая иерархия приоритетов. В порядке убывания: поддержание стратарсенала; оборона нацтерритории; разгром противника; глобальное присутствие; борьба с терроризмом; противодействие ОМУ; отказ противнику в достижении целей; кризисное реагирование и ограниченные войсковые операции совместно с союзниками; укрепление безопасности других стран и военное сотрудничество; стабилизационные и контрповстанческие операции; поддержка гражданских властей; гуманитарное содействие и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций.

«Построение будущих сил» стало ключевым условием для достижения обозначенных выше задач. В данном разделе, в отличие от предыдущей стратегии, делался гораздо больший упор на инновационные подходы при комплектовании и подготовке личного состава, оптимизации внутриведомственных процессов и модернизации программ вооружений.

В первую очередь, предполагалось воспитать новое поколение военачальников, которые должны обладать рядом таких качеств, как понимание сложной оперативной обстановки, способность предугадать и быстро приспособиться к внезапным обстоятельствам, восприимчивость изменений и внедрение нового, позитивная мотивация подчиненных и создание доверительной атмосферы на службе, культивация основанного на общих ценностях климата в коллективе, критический взгляд на вещи и стратегическое мышление.

По задумке военных, такие руководители способны качественно изменить организационную культуру в войсках за счет повсеместного применения новейших достижений науки и техники, а также интеграции социокультурных изменений в ряды ВС. Помимо этого, необходима качественно иная, гибкая система поощрения личного состава, привлечение гражданских специалистов и технологий на военную службу, интеграция женщин и решение накопившихся проблем службы (сексуальное насилие, немотивированная агрессия, суициды, злоупотребление алкоголем и наркотиками и т.д.).

Также было необходимо повысить эффективность внутренних процессов, сделав их более таргетированными, для достижения стратегических целей военной политики (в частности, речь идет об уже упомянутых глобальных интегрированных операциях, которые предполагают усиление межвидовой, внутриведомственной и международной кооперации ВС США).

Пентагон даже пересмотрел оперативные планы в сторону повышения их гибкости, изобретательности и возможности большей интеграции между различными боевыми командованиями. ВС продолжили модернизацию и замещение старой техники с целью усилить сдерживающие эффекты для противников и обеспечить долгосрочную жизнеспособность усилий по проведению операция во всех оперативных пространствах. Кроме того, проводилась совместная (с другими ведомствами и государствами) работа (планирование, определение требований и исполнение) по усилению коллективных возможностей в достижении обозначенных задач.

Документ также требовал улучшения стратегической гибкости в глобальном масштабе – способности быстро аккумулировать крупные войсковые соединения в любой точке мира – с помощью инновационного оперативного планирования, обновленной военной повестки, новейших процессов управления войсками, а также путем адаптации и обновления международных соглашений, которые гарантируют США доступ к всеобщим благам.

Кроме того, предполагалось продвижение давней идеи повышения экономической эффективности военной организации в условиях ограниченных финансовых ресурсов после окончания крупных зарубежных операций. Достичь этого планировалось за счет поддержания военно-промышленной базы и экономии в рамках поэтапной инициативы «улучшения покупательной способности» вооружений и военной техники.

Наконец, стратегия предусматривала поддержку на высоком уровне качественных преимуществ ВС США, для чего также требовались новаторское мышление и восприятие перемен. Заново определены перспективные стандарты, применимые к будущим единым системам, которые могут использоваться

различными видами войск, с участием других ведомств, зарубежных партнеров и представителей коммерческого сектора.

Речь идет, например, о внутрипентагоновской электронной сети, развитии глобально интегрированной логистической архитектуры и построении объединенной сети разведывательных средств. Эти и ряд прочих возможностей стали основой повышения взаимодействия в будущем.

Кроме того, войска продолжили инвестиции в новейшие технологические решения, среди которых космическая группировка слежения и предупреждения, разведывательные платформы, стратегический транспорт, высокоточное оружие большой дальности, противоракетные технологии, подводные системы, средства удаленного управления, технологии для специальных подразделений, кибертехнологии, новые средства командования и оперативного управления для поддержки проведения рассредоточенных операций.

Однако действительность расставила все по местам. После вывода основного воинского контингента из Ирака и Афганистана при Б.Обаме предполагалось, что ВС, вновь вошедшие в фазу сокращения, пройдут глубокую модернизацию, которая позволит им – во многом благодаря военно-техническим инновациям – меньшими силами доминировать в любом оперативном пространстве и участвовать в более широком спектре операций. Приоритетное финансирование обещали сохранить только на развитие СЯС, космические, разведывательные и киберсредства. На практике такой подход еще больше вывел войска из равновесия, усилив трения между МО и Белым домом, решение которых досталось следующей администрации США.

Опубликованная в декабре 2017 г. стратегия национальной безопасности *администрации Д. Трампа* содержит критику не только доктринальных установок обамовских демократов, но и всего стратегического курса США последних двух десятилетий.¹²⁸ В представлении новых республиканцев нынешняя геополитическая ситуация требует срочного качественного пересмотра

¹²⁸ National Security Strategy of the United States of America, The White House, December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 18.10.2019)

подходов к обеспечению безопасности и достижению выгодного американцам глобального баланса сил.

Современный мир рассматривается в качестве опасной арены непрерывного соперничества, где проблемы тесно переплетены и носят долгосрочный характер. В этих условиях говорится о том, что США должны вернуть себе лидерство, в основе которого опора на собственные силы и интересы (формула «Америка прежде всего»), действовать инициативно, с позиций «принципиального реализма». Такой подход, однако, не исключает, и даже поощряет разделение ответственности и расходов с союзниками при противодействии общим угрозам.

Констатируется, что, несмотря на победу в «холодной войне», Америка не смогла в полной мере воспользоваться преимуществами единственной сверхдержавы. С начала 1990-х гг. США «наивно» полагали, что обеспечили военное превосходство, и скорое достижение «демократического мира» неотвратимо. Распространение либерализма и демократии так и не привело к фундаментальным переменам характера международных отношений. Расчет на то, что конкуренция уступит место мирному взаимодействию, не оправдался.

В Белом доме исходят из того, что когда Америка перестает лидировать, «пустоту» заполняют другие страны в ущерб интересам США. Жалуются, что долгое время Вашингтон «дрейфовал», пытаясь найти свое место в мире, в итоге упустил преимущества в ключевых сферах, чем воспользовались соперники, которые сегодня все активнее пытаются изменить мир в свою пользу, препятствуя геополитическим интересам США.

Признается, что вместо того, чтобы укреплять военные возможности, США сокращали численность ВС, ошибочно убедив себя в том, что все войны будут протекать быстро, на значительном удалении и с минимальными потерями. В итоге замедлились разработка и поставки в войска передовых образцов ВВТ. Проблемы с бюджетом способствовали дальнейшей эрозии американского военного доминирования. Кроме того, войска по-прежнему не поспевают за темпом развития технологий и угроз, да и технические инновации, как оказалось, не способны компенсировать глубокие сокращения личного состава.

Вдобавок, говорится в документе, государства-конкуренты не оставляют попыток подорвать американские ценности и интересы, совершенствуют свои обычные и ядерные силы. Даже относительно слабые страны благодаря доступу к передовым технологиям могут представлять прямую угрозу. Некоторые противники и вовсе сумели лучше американцев адаптировать инструменты достижения целей и своими «враждебными действиями» успешно бросают вызов США и союзникам, «исподтишка» препятствуя реализации их курса.

Мириться с таким положением дел в Вашингтоне не намерены. Там хотят вернуть себе военное превосходство, которое в сочетании с другими элементами национальной мощи позволит сформировать международную среду таким образом, чтобы ни в одном регионе не было другой доминирующей державы. В этой связи впервые со времен «холодной войны» в доктринальный оборот возвращается возможность противостояния между великими державами в духе Р. Рейгана, требующая от американцев подготовки к «большой» войне.

Военная сила при Д. Трампе – важнейший компонент обеспечения национальной безопасности. При этом США должны руководствоваться новыми принципами, чтобы «сохранить мир посредством силы» – демонстрации своего потенциала, закрепив передовое присутствие мобильных в глобальном масштабе ВС. Пентагону поручено проработать новые концепции и создать возможности для победы в условиях отсутствия гарантированного преимущества на любых ТВД. В долгосрочной перспективе, основываясь на опыте кампаний последних лет, сохранить навыки ведения «нерегулярных» боевых действий для продолжения борьбы с терроризмом.

В ответ на кратные сокращения стратарсенала и снижение его роли в обеспечении безопасности в последние десятилетия США намерены значительно инвестировать в модернизацию стратегической «триады» и сопутствующей инфраструктуры. Расширительно трактуется и понятие «сдерживание», которое, в силу радикального изменения ситуации в мире и появления у противников возможностей нанести по США «стратегический удар» без применения ядерного оружия, должно вестись во всех оперативных пространствах.

Все это предусматривает новый взгляд на функционирование и оснащение военной организации. В планах администрации Д. Трампа увеличить численность личного состава, повысить его боеготовность на случай масштабной войны и продолжительного участия и победы в широком наборе других операций. Требуется укрепить оперативно-боевую подготовку, наладить материально-техническое обеспечение и ускорить переброску к месту проведения операций. Кроме того, наладить более эффективное и менее затратное производство и приобретение ВВТ с применением передовых коммерческих технологий, включая достижения в области вычислительной техники и средств автономного боя.

Спустя несколько месяцев после публикации стратегии нацбезопасности администрация Д. Трампа, в 2018 г., сообщила, что разработала обновленную стратегию нацобороны¹²⁹, а затем и национальную военную стратегию.¹³⁰ Впервые с окончания «холодной войны» в публичном доступе были размещены лишь их краткие выжимки. Наметившаяся тенденция к засекречиванию доктринальных документов мотивирована необходимостью обеспечения оперативной непредсказуемости при сохранении ясности общего стратегического курса на сдерживание противников, упомянутых в стратегии нацбезопасности, — они не должны знать, как будет совершенствоваться военное строительство и военная организация США. Несмотря на это анализ имеющихся выдержек из этих документов позволяет составить впечатление о новых приоритетах.

Ключевая цель — переориентировать ВС на борьбу в условиях долгосрочного стратегического соперничества. Поле боя — во всех оперативных пространствах, конфликты будут протекать более динамично, в том числе в невоенной плоскости. Новые коммерческие технологии стремительно меняют современное общество и неминуемо отразятся на характере войны. Признается растущая роль в военном деле новейших вычислительных средств, методов

¹²⁹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

¹³⁰ Description of the National Military Strategy 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf (дата обращения: 20.12.2019)

аналитики больших данных, искусственного интеллекта, робототехники, биотехнологий, гиперзвукового и лазерного оружия – ключевых для победы в будущих войнах.

США стремятся четче спрогнозировать характер конфликтов будущего и скорее к нему подготовиться, обеспечив себе стратегическую гибкость и свободу действий. Инициативное формирование стратегической среды потребует перехода к новой модели оперативного задействования ВС в глобальном масштабе (*Global Operating Model*) в зависимости от типа выполняемых задач.

Военный инструментарий вписывается в меры дипломатического, информационного, финансово-экономического, разведывательного и правоохранительного воздействия – по сути, «гибридной» войны. Войскам ставятся следующие цели: оборона территории США от нападения, сохранение военного присутствия в отдельных регионах и в глобальном масштабе в целом, сдерживание, привлечение военных к работе в межведомственном формате для обеспечения национальных интересов, поддержание баланса сил в ключевых районах мира, разделение ответственности за оборону с союзниками, борьба с распространением ОМУ, противодействие терроризму, обеспечение свободы доступа в пространства общего пользования (космос и киберсреда).

Одна из главных задач – наращивание боеготовности ВС – потребует увеличения расходов для подготовки к более активному участию, прежде всего, в крупных конфликтах. ВС США должны одновременно усиливать присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе, укреплять трансатлантическую связку с европейскими союзниками по НАТО для сдерживания России, создавать устойчивые коалиции на Ближнем Востоке, углублять сотрудничество в Западном полушарии, поддерживать связи на Африканском континенте. Параллельно – противодействовать терроризму и распространению ОМУ, а также обеспечивать защиту от стратегического нападения с помощью ядерных и неядерных средств на территорию США, добившись информационного превосходства.

Предусмотрена масштабная программа модернизации – больше, чем предполагали предшественники (в сфере СЯС, космических и кибервооружений,

ПРО, архитектуры командования и управления, средств ведения войны в труднодоступных условиях, автономных систем, способов повышения мобильности/рассредоточения и устойчивости войск, совершенствования материально-технического обеспечения).

Продолжат менять видовую структуру ВС. Признается, что необходима смена парадигмы мышления и организационной культуры в МО США таким образом, чтобы военные смогли быть лучше соперников по ряду направлений – мыслить творчески, действовать маневреннее, устанавливать более прочные союзнические связи, внедрять инновации быстрее.

Будут разработаны и новые оперативные концепции применения ВС с упором на более рискованные, смелые действия. В частности, КНШ поручено подготовить Сводную концепцию объединенных операций. Продолжатся инвестиции в человеческий капитал – ставка на улучшение качества военного образования, подбор личного состава и гражданского персонала, подготовку руководящих кадров среднего и высшего звена.

Еще одна задача – укрепление союзов и расширение партнерских связей в сфере безопасности. Предусматривается повышение оперативной совместимости с зарубежными войсками для проведения совместных боевых операций на основе единых концепций, принципов построения сил, стандартов ВВТ, связи и обмена данными.

Однако наибольший интерес представляет задача по дальнейшему реформированию военной организации. Заложены установки на преобразования по всему спектру процессов внутри военной организации. Предполагается дальнейшая консолидация бюрократического аппарата в интересах повышения эффективности органов управления МО и отдельных видов ВС. Отказ от заикленности на целевых показателях в пользу своевременного учета потребностей ВС на местах. Программы ВВТ должны осуществляться быстрее, непрерывно адаптироваться по ходу смены обстановки и учитывать необходимость постоянного обновления.

Потребуется более инновационные подходы к разработке ВВТ. Надо подсократить цепочку реализации оборонных программ, шире заимствовать частную деловую практику. Усовершенствовать механизмы финансовой отчетности, чтобы снизить расходы на оперативную деятельность министерства обороны, повысить эффективность системы закупок/заказов военных товаров и услуг, оптимизировать контрактование в сфере материально-технического обеспечения, информационных технологий и вспомогательных услуг. Свежим взглядом посмотрят на систему управления персоналом, военного здравоохранения, финансов и т.д. Задумываются о новом раунде сокращения избыточной объектовой инфраструктуры ВС США.

В плане заказов новой техники обещают повысить участие самих военных, а также разведсообщества в корректировке определяемых требований к создаваемым системам вооружений. Ставка на создание прототипов и углубленные испытания. Больше будут брать из гражданской промышленности, чтобы можно было быстро и недорого заменить устаревающие узлы. Разумеется, не забывают и про военно-промышленный комплекс. Обещают дать возможность получить заказы предприятиям малого бизнеса, а также активнее привлекать интеллектуально-производственные возможности зарубежных партнеров.

Несмотря на декларируемый «отход от практики предшественников», Администрация Д. Трампа, по сути, в своей стратегии нацобороны продолжает прежний курс на дальнейшую адаптацию ВС США к меняющемуся геополитическому, экономическому и технологическому контексту и на более глубокое реформирование административно-хозяйственной деятельности МО по прежним лекалам (местами даже используя прежнюю терминологию) в среднесрочной перспективе.

1.4. Функциональные аспекты эволюции военно-политических взглядов США в конце XX – начале XXI веков

Анализ многочисленных американских специализированных директивных документов в области ядерной, космической и информационной политики позволяет сделать несколько общих выводов о военной политике США в этих сферах и выявить ряд общих тенденций после окончания «холодной войны».

Ядерная политика США после окончания «холодной войны». По мере завершения «холодной войны» американские стратеги начали переосмысление места и роли ядерного оружия (ЯО) в военной политике США. Постепенный отход от политики сдерживания и ее инструментария, основанного, в первую очередь, на угрозе применения ЯО, нашел контурное отражение в упомянутых выше доктринальных документах, однако более подробно был раскрыт в ряде директив более низкого уровня, которые имели решающее значение не только при определении американской ядерной политики, но и при формулировании военной политики в целом.

Среди них основными можно назвать президентские директивы и ряд обзоров в области ядерной политики, доктрины КНШ в сфере совместного применения ЯО, в т.ч. на ТВД, а также ряд более конкретных ядерных планов (единый интегрированный план применения ЯО, позднее переименованный в оперативный план, рассматривает различные сценарии и варианты поражения объектов противника с помощью ЯО).¹³¹ Эти документы отражали статус ЯО в

¹³¹ Cerniello, C. Clinton Issues New Guidelines on U.S. Nuclear Weapons Doctrine // Arms Control Today, November/December 1997. URL: http://www.armscontrol.org/act/1997_11-12/pdd (дата обращения: 30.04.2016); Concept Plan (CONPLAN) 8022 (Global Strike). Washington, DC, August 2003. URL: <http://www.nukestrat.com/us/stratcom/CONPLAN8022brief.pdf> (дата обращения: 30.04.2016); Deterrence Operations Joint Operating Concept, Version 2.0. Washington, DC: Department of Defense, December 2006. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/concepts/joint_concepts/joc_deterrence.pdf (дата обращения: 30.04.2016); Doctrine for Joint Nuclear Operations (Joint Publication 3-12). Washington, DC, 15 December 1995. URL: <http://www.wslfweb.org/docs/doctrine/nukeops.pdf> (дата обращения: 30.04.2016); Doctrine for Joint Nuclear Operations (Joint Publication 3-12). Washington, DC, 29 April 1993. URL: https://fas.org/nuke/guide/usa/doctrine/dod/jp3_12.pdf (дата обращения: 30.04.2016); Doctrine for Joint Nuclear Operations, (Joint Publication 3-12), Final Coordination (2). Washington, DC, 15 March 2005. URL: http://www.wslfweb.org/docs/doctrine/3_12fc2.pdf (дата обращения: 30.04.2016); Doctrine for Joint Theater Nuclear Operations (Joint Publication 3-12.1). Washington, DC, 9 February 1996. URL: <http://www.wslfweb.org/docs/doctrine/theaternukeops.pdf> (дата обращения: 30.04.2016); Nuclear Posture Review [Excerpts] / Excerpts of Classified Nuclear Posture Review Submitted to Congress of 31 December 2001, Washington, DC, 8 January 2002. URL: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf (дата обращения: 30.04.2016);

стратегии национальной безопасности, состав и структуру СЯС, варианты оперативного планирования, подходы к управлению и командованию, а также к физической защите ядерных объектов и стратегических сил и их модернизации.

На завершающем этапе биполярного противостояния ядерная доктрина США предусматривала возможность ведения затяжной атомной войны с глобальным соперником и обеспечение победы в ней путем уничтожения широкого спектра целей на территории советского блока (крупные населенные пункты, административные и промышленные центры, системы коммуникаций и жизнеобеспечения и военные объекты.).¹³²

Первые попытки пересмотра ядерной политики в сторону диверсификации применения ЯО в меняющихся геополитических условиях начались при администрации Дж.Буша-ст., которая в несколько раз сократила список целей на территории бывшего СССР и соцлагеря и расширила географический охват нацеливания на объекты в странах третьего мира. В отличие от СССР как гаранта стабильности и сохранности ядерного арсенала, Россия рассматривалась американцами как *слабая* ядерная держава. Беспокойство вызывали возможные несанкционированные пуски стратегических ракет, захваты объектов и распространение материалов и знаний об ОМУ. Поэтому на протяжении всех 1990-х гг. США предпринимали усилия по уменьшению подобной угрозы, что нашло отражение в программе «Нанна-Лугара». Последующие администрации лишь продолжали тенденцию на снижение роли ядерного сдерживания и расширение его инструментария, добавляя новые категории целей и сценарии применения ЯО (ОМУ и средства их доставки, объекты производства и логистического обеспечения, наземные, ПВО и морские ВС с сопутствующей

Nuclear Posture Review 2010. Washington, DC, 2010; The Nuclear Posture Review. Washington, DC: Office of the Assistant Secretary of Defense for Public Affairs, U.S. Department of Defense, 1994. URL: <http://oldsite.nautilus.org/archives/nukestrat/USA/Npr/dodnprslides092294.pdf> (дата обращения: 30.04.2016); The Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 22.02.2018)

¹³² National Security Decision Directive 13. Washington, DC: White House, December 1981. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-13.pdf> (дата обращения: 30.04.2016)

инфраструктурой и объектами управления, а также негосударственные субъекты (их объекты и оперативные центры) и подземная инфраструктура).¹³³

С учетом роста значения негосударственных субъектов в современных конфликтах терялся привычный смысл ЯО как показателя политического влияния и эффективного военного инструмента предотвращения войны между крупными державами. Соответственно США начали переориентировать ядерную доктрину на более широкий набор ситуаций и такие задачи, как противодействие возможному попаданию всего спектра ОМУ, включая химическое и биологическое оружие (а не только ядерное, как это было ранее) в руки «государств-изгоев» и террористических организаций. В Пентагоне исходили из того, что в отличие от крупных держав новые противники невосприимчивы к классическому сдерживанию и могут вести себя нерационально. В этой связи ядерное оружие прекращало быть исключительной мерой и стало необходимым инструментом противодействия конкретным целям, уничтожить которые невозможно обычными средствами. Такой подход существенно снижал вероятный порог применения ЯО.¹³⁴

В силу того, что расползание ОМУ стало представлять одну из самых больших угроз для безопасности США, ядерная политика получила как никогда тесную увязку с проблемой нераспространения и предполагала качественно новый инструментарий его обеспечения. Вместо традиционных мер дипломатии, сдерживания и контроля над вооружениями, рассчитанных на предупреждение распространения среди других государств, новый подход рассматривал распространение как свершившийся факт и предполагал применение ВС для уничтожения программ создания ОМУ широкого круга субъектов (включая террористические организации) – т.н. контрраспространение.

В этих рамках с 1990-х гг. использование ЯО было возможно в отношении держав-обладателей ОМУ, их неядерных союзников, а также стран, не участвующих в ДНЯО. В 2000-е гг. ядерная политика вобрала в себя концепцию

¹³³ Warren, A. Prevention, Pre-emption and the Nuclear Option: From Bush to Obama, Routledge, 2012. pp.93-183.

¹³⁴ Freedman, L. The Evolution of Nuclear Strategy. London: Palgrave Macmillan, 2003. P. 433

упреждения ОМУ-нападения, однако при администрации Б.Обамы США декларативно вернулись к необходимости применения ЯО только в чрезвычайных ситуациях и только для целей ядерного сдерживания, и вновь подтвердили негативные гарантии безопасности участникам ДНЯО, соблюдающим свои договорные обязательства. В оперативном же смысле за годы эволюции ядерной доктрины перешла от концепции первого и ответно-встречного ядерного удара к ответному удару.

Претерпело изменения отношение к техническим элементам ядерной доктрины с акцентом на повышение «объединенности» их применения и разворачивания с задач «холодной войны» на новое время. Если на протяжении 1990-х гг. документы подтверждали необходимость поддержания классической триады наземных, воздушных и морских ядерных средств, то в 2000-е гг. триада получила расширенное толкование, сочетая наступательные (ядерные и обычные ударные средства) и оборонительные (активные и пассивные противоракетные системы) возможности, а также развитую инфраструктуры (ядерный оружейный комплекс и системы командования, управления и разведки). Таким образом, на фоне приоритетности совершенствования обычных вооружений на сегодняшний день ЯО стало лишь одним из инструментов достижения целей национальной безопасности, и наметилось размывание границ между стратегическими и нестратегическими ядерными и обычными системами, что отчетливо проявилось в концепции «молниеносного глобального удара».

Показательным является изменение отношения США к сокращению ядерных вооружений после окончания «холодной войны». Как и обычные вооружения, в 1990-е гг. ЯО подверглось общей тенденции пересмотра состава и структуры, что отразилось не только в упомянутых документах, но и в ряде односторонних разоруженческих инициатив (снижение по ТЯО, мораторий на ядерные испытания и т.д.) и двусторонних договоренностей с Россией. Однако, если в 1990-е гг. необходимость сокращения СЯС и желание разоружаться диктовала изменения в ядерной политике, то продолжение сокращений в 2000-е гг. стало следствием изменения ядерной политики с опорой на «принцип

достаточности» и отражало нежелание дальнейшего ограничения своих СЯС какими-либо международными обязательствами. Администрация Дж. Буша-мл. в силу изменений в своей ядерной политике (появление «новой триады») не была заинтересована в ликвидации стратегических вооружений, что повлияло на выход из Договора по ПРО 1972 г., и складирование ядерных боезарядов, или сохранение т.н. «возвратного потенциала». Однако администрация Б.Обамы при сохранении этих положений на словах пообещала вернуться к движению в сторону выполнения обязательств по ДНЯО о всеобщем и полном ядерном разоружении.

Несмотря на декларативное стремление к «глобальному ядерному нулю», документы отражают долгосрочное стремление США поддерживать свой арсенал, пока ЯО есть у других стран. Влияние на пересмотр ядерной политики в этой связи оказало изменение представлений о характере конфликтов и средствах ведения боя. К началу 1990-х гг. системы вооружения входили в этап «революции в военной деле», предполагавший повышение точности при понижении побочного ущерба, что для атомного оружия означало потенциальное снижение роли в общей структуре ВС (по сути, ядерное оружие само было продуктом т.н. первой волны «революции в военном деле», начавшейся на рубеже 1940-х – 1950-х гг. и предполагавшей увеличение поражающего ущерба вооружений для компенсации отставания от соцлагеря в обычных вооружениях).¹³⁵

Задачи ЯО стали частью более широкого процесса реформирования ВС США, которое должно сделать их более приспособленными для ведения войн нового типа.¹³⁶ В 1990-е гг. американцы занимались продлением предельного срока службы своих СЯС, разработанных в 1970-е – 1980-е гг. В 2000-е гг. они нацелились на повышение надежности и расширение функционала ядерных боеприпасов, а с 2010-х гг. ведут активную модернизацию, инвестируя в эти цели немалые средства.

¹³⁵ Ibid. P. 433-435.

¹³⁶ Корсаков Г.Б. Эволюция ядерной политики США (2001-2006 гг.) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №6. С.14.

Неотъемлемой частью ядерной доктрины оставались и стратегические оборонительные системы. После того, как отпала необходимость сдерживать СССР, США переключились на более управляемые риски со стороны небольших государств, не способных противостоять США в обычном бою и которые стремились к минималистичным формам ядерного сдерживания.¹³⁷ Противоракетная концепция Дж. Буша-ст. (GPALS) была весьма скромной по сравнению со «Стратегической оборонной инициативой» Р. Рейгана. При У. Клинтоне предполагалось ограниченное применение ПРО – США не хотели инвестировать в сомнительный с технологической точки зрения проект. Но в итоге политическая ситуация в конце 1990-х гг. вынудила начать развертывание национальной системы ПРО, которая при администрации Дж. Буша-мл. получила глобальный охват и, несмотря на внесение определенных технических изменений, оставила прежний смысл обеспечения защиты от ракетных угроз третьих стран при администрации Б. Обамы.

Политика в космическом и киберпространстве в начале XXI века. На фоне общей тенденции сокращения значения военной силы в системе национальной безопасности и инструментализации отдельных ее элементов обеспечение безопасности в космосе и киберпространстве стало двигаться в обратном направлении – в сторону повышения их места и роли. Основными предпосылками к этому стали необходимость проведения широкого спектра операций, повышение объединенности боевых возможностей, высокая зависимость от соответствующей инфраструктуры, стремительное ускорение доступа к данным пространствам посредством распространения соответствующих технологий среди большого количества участников и, как следствие, усиление конкуренции, расширение масштаба и серьезности угроз и повышение уязвимости.¹³⁸

¹³⁷ Подвиг П.Л. Противоракетная оборона как фактор стратегических взаимоотношений СССР/России и США в 1945-2003 гг.: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 - Политические науки (Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития) / ИМЭМО. М., 2004.

¹³⁸ XXI век: информационно-технологические и космические факторы международной безопасности. Научный доклад, ИСКРАН, М.: 2012. С. 235-236.

Рост значения данных измерений в военной политике США происходил одновременно в нескольких плоскостях. В доктринальной плоскости отмечается переход с инструментального на стратегический уровень. В географической плоскости переход с локального и национального на глобальный уровень. В функциональной плоскости – от узкого к всеохватывающему применению. В боевой плоскости – от некинетических (оборона и разведка) к кинетическим (наступательные ударные операции) возможностям. В технологической плоскости – от простых и разрозненных к сложным и интегрированным системам.

Фиксация положений о необходимости достижения целей военной безопасности в соответствующих средах в рамках упомянутых выше доктринальных документов высшего порядка дополнилась созданием самостоятельных стратегий, концепций и директив по указанным темам. Они предполагали, что на фоне усложнения идентификация источника угроз в космосе и киберпространстве США необходимо в приоритетном порядке обеспечить превосходство в обеих средах, установив контроль за их использованием с помощью повышения скорости принятия решений и гибкого применения необходимого инструментария. Двигаясь в рамках концепции спектрального доминирования, обращенной в сторону повышения объединенности применения ВС, американцы рассматривали это превосходство как свободу безответных действий США – ключевой элемент военной политики, залог обеспечения американского лидерства в мире, «основа основ».

Если раньше обеспечение информбезопасности сводилось к защите инфраструктуры на территории США, а в космосе – к защите спутниковой группировки, то теперь предполагается получение контроля над этими средами в мировом масштабе (одновременное обеспечение территориальной безопасности и проведение операций за рубежом). Причем если в 1990-е гг. космические и киберсредства виделись как самостоятельные системы, то к настоящему времени военные предполагают их интегральное применение. Во многом, рост их значения и взаимосвязи обусловлен курсом США на внедрение достижений

революции в военном деле и по сути является одним из основных результатов реформирования ВС.

Множественность угроз и необходимость решения комплексных задач требовали диверсификации функционального применения космических и информационных систем. В годы биполярного противостояния их роль сводилась в основном к выполнению отдельных разрозненных узких задач (например, оповещение о ракетном нападении, визуальная разведка, защита критической инфраструктуры и т.д.). Однако после окончания «холодной войны» эти системы должны были выполнять весь комплекс задач активной поддержки ВС и проведения самостоятельных действий (включая разведывательные мероприятия, повышение боевого управления, а также проведение полного спектра наступательных и оборонительных операций). Относительно новые военные средства, которые были небольшой частью инструментария ВС, по мере совершенствования технологий стали основой применения ВС за счет предоставления тотальной информированности на всех уровнях (оперативный, тактический, стратегический) и повышения взаимозависимости между всеми боевыми возможностями.

В части боевого применения космические и информационные системы рассматриваются как потенциально главное оружие в XXI веке, способное полностью изменить формы и способы ведения боевых действий в будущем и играть такую же роль, как и ядерное оружие в «холодной войне». В настоящее время они рассматриваются как основа ведения «сетевой войны», которая позволяет укрепить взаимосвязь различных американских боевых формирований на всех уровнях с силами и возможностями партнеров и союзников. В результате технического и доктринального развития данные системы приобрели возможности кинетического нападения и способны нанести неприемлемый ущерб инфраструктуре противника с минимальными людскими потерями для США – бесконтактное уничтожение объектов на значительном удалении.

1.5. Выводы

В исторической ретроспективе рассмотрены основные положения стратегий национальной безопасности, основополагающих документов в области оборонной стратегии и военно-стратегических директив, в т.ч. по ряду функциональных вопросов. Проведенный контент-анализ этих документов позволяет сделать некоторые выводы об эволюции представленных взглядов и формы, перейти к их сравнению и поиску закономерностей эволюции теоретической базы в военно-политической сфере.

За годы развития произошло рафинирование и упорядочивание документов (в первую очередь – стратегий национальной безопасности) – они претерпели качественные изменения по форме и содержанию. Изначально громоздкие, не содержавшие единой терминологии директивы к настоящему времени уменьшились в размерах, получили более четкий понятийный аппарат и по мере появления широкого набора документов в области общей оборонной и военной политики, а также их отдельных аспектов, избавились от перегруженности деталями. При этом значительно расширилось понятие безопасности, которое стало включать не только военное измерение.

Изменилась частотность публикации стратегических документов, что связано с выстраиванием цикла национальной безопасности. Начиная с Дж. Буша-мл., стратегия выходит не ежегодно, а раз в четыре года – в привязке к другим доктринальным документам в сфере военной политики. В 1990-е гг. обновление и дополнение документов происходило несколько раз в течение одного срока пребывания администрации США в Белом доме, с 2000-х гг. приоритеты определяются один раз на весь президентский период и уточнялись во время второго срока.

На протяжении последних 30 лет публикация стратегий национальной безопасности далеко не всегда была тождественна формированию стратегического курса (*grand strategy*). Зачастую это были весьма пространные заявления о текущей политике, официальный источник, на который государство

может сослаться в своих действиях.¹³⁹ Особенно ярко это проявилось во время первой фазы после окончания «холодной войны», когда администрации США в силу отсутствия ключевого элемента выстраивания курса (наличие конкретного врага) едва могли предложить сбалансированный и интегрированный подход в этой сфере.¹⁴⁰ Более того, представляется, что эволюция стратегической мысли шла в основном по линии создания концепций более низкого порядка.¹⁴¹

Первые директивы строго следовали букве закона, печатались почти ежегодно и фиксировали *status quo* в быстро меняющихся геополитических условиях, однако не всегда несли серьезную смысловую нагрузку, что зачастую делало их бесполезными при артикуляции стратегической линии, поскольку на протяжении предыдущих десятилетий исполнительная власть не осуществляла долгосрочного планирования на регулярной, системной основе, занимаясь сдерживанием СССР. Политика в области национальной безопасности была ситуативной и носила реактивный характер. Из документов также видно, что руководство страны зачастую путало тактику с самой стратегией, что на деле нередко приводило к подмене понятий.¹⁴² По сути, это были доклады о состоянии международной безопасности и достижениях США с элементами эпизодического планирования и использованием невнятного инструментария реагирования на внешние угрозы.¹⁴³ Лишь, начиная с Дж. Буша-мл., «стратегии» стали своеобразным «барометром» поведения США в мире.¹⁴⁴

При этом ранние документы чрезвычайно важны для понимания современной военно-стратегической мысли США, поскольку обозначенные в них контурно терминологические и концептуальные нововведения нашли применение

¹³⁹ US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Eugene Gholz and Caitlin Talmadge. Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. 230 pp. PP 13, 23.

¹⁴⁰ Jervis, R. Mission Impossible: Creating a Grand Strategy // The New American Interventionism / Ed. by D.J. Caraley. New York: Columbia Press, 1999. pp. 205-218.

¹⁴¹ Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб.: Наука, 2009. С.112.

¹⁴² History of the «National Security Strategy of the United States» // The National Strategy Forum Review, Winter 2009. Vol. 19, Issue 1. URL: <http://nationalstrategy.com/NSFReview/Winter2009Vol19No1USNSS2010.aspx> (дата обращения: 11.11.2018)

¹⁴³ Snider, D., Nagl, J. National Security Strategy: Documenting Strategic Vision // U.S. Army War College Guide to Strategy / Edited by J. Cerami and J. Holcomb, Jr., U.S. Army War College, 2001. P.131 URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/army-usawc/strategy/index.htm> (дата обращения: 08.07.2016)

¹⁴⁴ Sanger, D., Lander, M. Trump National Security Strategy Sees U.S. Confronting China and Russia // The New York Times, December 18, 2017.

годы спустя. Преемственность вообще является характерной чертой американских доктринальных документов. Причем, помимо наследования отдельных элементов стратегии в ее последующих изданиях, особенно четко прослеживается взаимосвязь в зависимости от партийной принадлежности той или иной администрации. Например, республиканцы стремятся к односторонним действиям, демократы к коллективным в мировых делах. Для одних военная сила имеет ключевое значение при обеспечении национальной безопасности, для других второстепенное.

В свою очередь это влияло на инструментарий достижения целей. В этой связи интересна эволюция понятия «участие», которое прошло все стадии от коллективного при Дж. Буше-ст., к выборочному при У. Клинтоне, Дж. Буша-мл. рассматривал термин сугубо через призму применения ВС, а Б. Обама вывел его на всеобъемлющий уровень.

В смысловом плане примечательно, что в любой из рассмотренных стратегий весь мир считался сферой интересов американской безопасности. Однако подходы к мировосприятию различались. Если сразу после «холодной войны» окружающая действительность определялась как «новый мировой порядок», в котором США должны инициативно реагировать на угрозы «стратегической неопределенности», в 1990-е гг. признавалась необходимость формирования международной среды, при «неоконсерваторах» в 2000-е гг. мир рассматривали уже как «хаос», которым надо было управлять, а в 2010-е гг. вновь вернулись к идее формирования порядка, но не нового мирового, а международного, который будет способен без американской помощи справляться с вызовами времени.

Таким же образом стратегии нацбезопасности в целом фиксировали одинаковый набор угроз, однако в зависимости от того, кто находился в Белом доме менялось их восприятие и инструментарий нейтрализации. Это четко видно на таких примерах, как терроризм, распространение ОМУ, космическая и кибербезопасность.

В этой связи можно отметить изменение отношения к такому понятию, как «переходный период». Если на протяжении 1990-х и 2000-х гг. он означал процесс движения от «холодной войны» к «демократическому миру», то в 2010-х гг. термин приобрел расширенное значение – во-первых, теперь США стремились уйти от миропорядка, сформировавшегося после окончания «холодной войны» к миру справедливому, во-вторых, возвращались к мирной жизни после завершения боевых операций в Ираке и Афганистане.

При этом, несмотря на разницу подходов, в документах сохраняется преемственность в вопросах военного реформирования. Каждая последующая администрация в своих директивах дорабатывала общую стратегическую линию полезными нововведениями (модернизация, использование достижений революции в военном деле, трансформация, восстановление равновесия), что повлияло на практическую реализацию зафиксированных в директивах положений.

Еще до окончания «холодной войны» у представителей военно-политического сообщества США накопился солидный опыт формирования оборонной стратегии, поэтому переориентация войск на новые цели в XXI веке была менее болезненной, чем составление новой идеологической основы национальной безопасности. Видение военных в целом было более инструментальным и в большей степени ориентировалось на тенденции в развитии вооружений и изменения характера боевых действий, чем на необходимость отражения стратегического курса.

В отличие от стратегий нацбезопасности директивы оборонной и военной стратегии не были так сильно подвержены партийным различиям и на протяжении всего периода после распада биполярной системы представляли более-менее преемственный директивный механизм, заимствуя из предшествующих документов ключевые доктрины и совершенствуя их с учетом меняющихся внешних условий.

В силу непредсказуемого характера вызовов после окончания «холодной войны» США были вынуждены перейти от подхода, основанного на оценке угроз,

к подходу, основанному на оценке возможностей и ориентации на характер боевых действий. Характер применения ВС стал более комплексным, выросла взаимосвязь между видами и родами войск, а также между различными вооружениями, были перераспределены роли между ними.

При формулировании военно-стратегических документов в 1990-е гг. несмотря на ряд концептуальных различий с республиканцами демократы по-прежнему исходили из необходимости продолжения сокращений ВС и их финансирования, принимали во внимание ускоряющееся количество кризисных ситуаций в мире, вызванное окончанием «холодной войны». Администрация У.Клинтонa закрепила и развила теорию участия ВС в широком наборе прикладных миссий, которые на деле не всегда имели реальную связь с национальными интересами. Однако тенденции, заданные в доктринах в первое десятилетие после «холодной войны» нашли отражение годы спустя.

К настоящему времени американцы перешли к более изощренной форме военных действий, которые требуют интегрального подхода в применении ВС, технологических достижений и оперативных концепций. В условиях постоянной непредсказуемости оборонная стратегия США стала ориентироваться в первую очередь на тотальные разведывательные действия по максимально точному выявлению, отслеживанию и нейтрализации угроз с минимальными потерями. Если в начале 1990-х гг. документы предписывали ВС готовиться к масштабным региональным войнам, в 2000-е гг. возникла необходимость проведения комплексных затяжных стабилизационных операций, то в 2010-е гг. наметился отход в сторону комбинированных сценариев ведения более интенсивных и многозадачных военных действий. Прослеживается и связанное с этим изменение региональных оборонных приоритетов.

Если в 1990-е гг. США четко придерживались «доктрины Вайнбергера-Пауэлла», то при администрации Дж. Буша-мл. впервые предполагалось решить задачу сохранения военного превосходства не за счет наращивания присутствия ВС за рубежом, а посредством повышения мобильности, ударной мощи, гибкости и управляемости войск на территории США, что позволяло американцам

отказаться от значительной части обязательств перед союзниками и руководствоваться в исключительно собственными интересами.¹⁴⁵

В тесной увязке с этим эволюционировал и подход к объединенному применению ВС, который начал зарождаться еще в годы «холодной войны». Со временем его суть совершенствовалась и расширялся охват, включая на сегодняшний день не только интеграцию применения ВС, ВВТ и концепций, но и объединенность межведомственного и международного сотрудничества. Тенденции к расширению охвата подверглась и борьба с распространением ОМУ. Сугубо узкая дисциплина к настоящему времени получила расширенную трактовку с включением высокотехнологичных обычных средств отказа в доступе на поле боя во всех средах, особенно в космическом и киберпространстве.

Стратегические приоритеты с оглядкой на внешние угрозы постоянно требовали совершенствования ВС, что регулярно отражалось на изменении подхода к их составу и структуре. Большую роль в формировании оборонной стратегии США сыграла и экономическая ситуация в мире и стране, заставив американцев перейти к сокращениям ВС и внутреннему перераспределению ролей отдельных видов войск, ориентированных на повышение эффективности.

В целом же примечательно постоянное совершенствование взглядов на реформирование ВС и МО. Если изначально оно предполагало лишь использование технических достижений для боевых успехов, то к настоящему времени стало определяющим элементом стратегии, необходимым для решения широкого круга проблем – военных, организационных, экономических и т.д.

Примечательно регулярное создание отдельных документов более низкого порядка, а также появление специализированных институтов для решения наиболее приоритетных задач, поставленных в стратегиях национальной безопасности, обороны и национальных военных стратегиях. В частности, это касается неклассических пространств обеспечения безопасности (космическая и

¹⁴⁵ Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А. Американская военная политика к XXI веку: региональные аспекты. Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2012. С.12.

киберсреда), а также решения таких практических вопросов, как обеспечение доступа и участие в нетрадиционных боевых операциях.

Между тем, среди основных проблем развития доктринальной базы можно отметить, что несмотря на выстроившуюся за годы после «холодной войны» иерархичную структуру директив в военно-политической сфере, отмечается ее не до конца синхронизированный характер.

Подводя итоги, можно констатировать, что на протяжении последних 30 лет различные администрации США неизменно декларировали особую ответственность за обеспечение международной безопасности. Во многом с опорой на военную силу – во имя «обеспечения лидирующей роли США в мире», руководствуясь «глобальным характером американских интересов», исходя из «готовности к участию в конфликтах любой интенсивности, с любым противником и в любой точке планеты».¹⁴⁶ Причем, независимо от трактовки окружающей действительности, настойчиво стремились, следуя собственным представлениям, сформировать подконтрольный международный порядок, отличный от действительно коллективной системы мироустройства, основанной на универсальных международно-правовых принципах и ключевой роли ООН. Такой подход сохраняется и в обозримой перспективе вряд ли претерпит существенную корректировку.

¹⁴⁶ Конышев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны, СПб, Наука, 2009. С.152.

Глава 2. Реформирование министерства обороны США в конце XX – начале XXI века

Настоящая глава посвящена анализу реформ деятельности американского оборонного ведомства после окончания «холодной войны» через рассмотрение изменений в ключевых функциональных составляющих МО и их соотнесение с эволюцией теоретической базы военной политики США. Среди представленных вопросов: административная (изменение структуры и функций органов управления), хозяйственная (управление финансовыми потоками, формирование бюджета и улучшение механизма приобретения ВВТ) и социальная (здравоохранение, страховое и пенсионное обеспечение военнослужащих и их семей, гендерные изменения) реформы, ряд смежных преобразований (разработка, производство и торговля ВВТ), а также оценка их эффективности и построение перспектив институциональных изменений в Пентагоне.

2.1. Административное реформирование военной организации США

После окончания «холодной войны» военно-политическое руководство США предприняло несколько попыток провести административную реформу МО. Трансформация структуры и методов управления по праву считаются первоочередным элементом повышения эффективности оборонного строительства в США. Ведь от того, как устроена и функционирует общая организация, зависит дальнейшее реформирование прочих сфер деятельности данного института и достижение поставленных перед ним задач.

Исследователи проблем американского оборонного строительства сходятся во мнении, что отправной точкой преобразований, происходящих в Пентагоне на протяжении последних двух с половиной десятилетий, является Закон

Голдуотера-Николса о реорганизации министерства обороны 1986 г.^{147,148,149,150} Ощутимый вклад в формирование представлений о необходимых направлениях административной реформы накануне слома биполярной системы мироустройства также внесли рекомендации, изложенные в докладе комиссии Д. Паккарда 1986 г.¹⁵¹ и в подготовленном в 1989 г. главой МО США Р. Чейни докладе об оборонном управлении.¹⁵²

Однако все эти документы были ориентированы на конкретный исторический контекст, в котором были понятны правила игры и предсказуемы угрозы безопасности. Катализатором же дальнейших изменений стало завершение противостояния с СССР, что требовало не только пересмотра военно-политической стратегии, но и принципов, на которых основана деятельность ключевых институтов обеспечения нацбезопасности. Отталкиваясь от этого фундамента, военно-политическое руководство США предприняло несколько попыток провести административную реформу на рубеже XX-XXI вв.

На протяжении 1990-х гг. изменения в структуре и функциях органов оборонного управления отражали общую линию администрации США на реформирование органов исполнительной власти. Наряду с другими федеральными ведомствами Пентагон реорганизовывали в том числе на основании т.н. инициативы Клинтона-Гора, которая лежала в основе Закона об эффективности и результатах деятельности правительства 1993 г.

После терактов 11 сентября 2001 г. администрация Дж. Буша-мл. приступила к реформированию общей архитектуры национальной безопасности США, что, как справедливо отметил отечественный исследователь американских

¹⁴⁷ Тищенко Г.Г. Повышение экономической эффективности военного строительства в США. М.: Российский институт стратегических исследований, 2004. С.11.

¹⁴⁸ Military Reform: A Reference Handbook / Ed.by Winslow T. Wheeler and Lawrence J. Korb. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2007. P. 12, 57-58.

¹⁴⁹ Transitioning Defense Organizational Initiatives: An Assessment of Key 2001-2008 Defense Reforms. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, December 2008.

¹⁵⁰ US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Eugene Gholz and Caitlin Talmadge. Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. P.56.

¹⁵¹ A Quest for Excellence: Final Report to the President by the President's Blue Ribbon Commission on Defense Management. Washington, DC, June 30, 1986. URL: <http://www.ndia.org/Policy/AcquisitionReformInitiative/Documents/Packard-Commission-Report.pdf>

¹⁵² Defense Management Report to the President. Washington, DC: Secretary of Defense, Department of Defense, July 1989.

реформ С.М. Самуилов, наложило глубокий отпечаток на уже идущий процесс преобразований в министерстве обороны, обусловив появление новых оборонных структур и перераспределение функций между МО и другими федеральными органами власти.¹⁵³ Кроме того, на ход управленческой реформы повлияли рекомендации рабочих групп, сформированных на раннем этапе оборонной «трансформации», инициированной главой Пентагона Д. Рамсфельдом.¹⁵⁴

Администрация Б. Обама продолжила начинания своих предшественников, оставив еще на несколько лет во главе оборонного ведомства бушевского назначенца Р. Гейтса. А с учетом осложнившейся финансово-экономической ситуации и постепенного сворачивания крупных зарубежных войсковых операций совершенствование организации МО получило дополнительный импульс и, по всей вероятности, будет продолжаться, и в 2020-е гг.

Несмотря на то, что военно-политические приоритеты администрации Д. Трампа, обозначенные в бюджете на нужды национальной обороны в 2018 и 2019 фин.г., а также в новой редакции стратегии национальной безопасности и стратегии национальной обороны, качественно отличаются от курса предшественников, их анализ также говорит в пользу дальнейшего проведения управленческой реформы с учетом необходимости адаптации оборонного ведомства к меняющимся условиям безопасности.

Основные тенденции организационно-управленческой реформы. Общая повестка административных преобразований в минобороны США на рубеже XX-XXI вв., как отмечалось, была зафиксирована в ключевых доктринальных военно-политических документах, разработанных после окончания «холодной войны», и последовательно реализовывалась через упомянутые выше инициативы администрациями США. Как показала практика, основной целью реформирования структуры и функций американских органов оборонного управления является применение принципа «объединенности» усилий в

¹⁵³ Самуилов С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование. М.: ИСКРАН, 2013. С.153.

¹⁵⁴ Herspring, D. The Pentagon and the Presidency: Civil-Military Relations from FDR to George W. Bush. University Press of Kansas, 2005. P. 380, 381, 389.

расширенной трактовке – путем систематизации и синхронизации разрозненных процессов внутри подразделений гражданского звена и их последующей интеграции и координации с потребностями вооруженных сил на местах.

Очевидно, что при формулировании отдельных этапов административной реформы в МО руководствовались рядом количественных и качественных критериев ее реализации. В частности, реформа должна быть понятна исполнителям; ориентирована на высвобождение материальных ресурсов, которые можно перенаправить на приоритетные нужды; направлена на оптимизацию действующих оргструктур за счет их консолидации и создания новых подразделений для решения конкретных задач. Кроме того, она должна оказывать значительное влияние на принципы работы персонала путем сокращения и переподготовки кадров, а также повышения их ответственности.

Анализ организационных усилий в недрах минобороны США на протяжении последних 30 лет позволяет определить преобладающие тенденции административного реформирования оборонной сферы и сделать вывод о преемственности и системной природе этих сдвигов. Следует признать, что эти попытки не всегда были успешными, однако, благодаря им на сегодняшний день военно-политическое руководство США имеет в распоряжении проверенный временем инструментарий проведения преобразований, которым при необходимости могут воспользоваться последующие поколения реформаторов.

Во-первых, к основным тенденциям можно отнести *сокращение бюрократического аппарата*. Оптимизация штатного расписания министерства вкупе со снижением численности личного состава вооруженных сил была логичным ответом на завершение биполярного противостояния. К началу 1990-х гг. общий штат оборонного ведомства стал настолько громоздким, что не только не способствовал эффективности, но зачастую служил препятствием. Конечно, на фоне военного успеха во время первой войны в Персидском заливе эта проблема была не столь заметна, однако руководство Пентагона в тот период активно искало пути экономии и впоследствии неоднократно прибегало к «кадровым

ножницам», чтобы высвободить недостающие финансы, в частности после завершения крупных войсковых операций в Ираке и Афганистане.

Во-вторых, реформирование сопровождалось *усилением координации* между различными ведомствами и инстанциями, ответственными за принятие решений в сфере национальной обороны. В силу того, что минобороны является многомерной организацией с комплексной сетью взаимосвязей, где широкими полномочиями, помимо министра, обладает множество других функционеров, управление Пентагоном – задача трудная. Для согласования многочисленных предпринимаемых действий к началу XXI века были сформированы на постоянной основе органы межведомственного взаимодействия и коллективного управления – неформальные совещательные площадки, в которых представлено высшее руководство министерства, КНШ, видовых министерств, а также главы оборонных агентств, боевых командований и представители других ведомств.

В-третьих, осознавая, что сокращение аппарата и создание новых органов управления хотя и являются важными этапами административной реформы, но сами по себе они не гарантируют ее успеха, военно-политическое руководство США поступательно дополняло эти шаги комплексом мер, направленных на *повышение управляемости*. Первоочередной среди таких мер стало построение новой схемы функционирования и организационных связей по вертикали (*централизация управления*) и по горизонтали (*децентрализация исполнения*). Это, в частности, проявилось в попытках обеспечить четкое исполнение принимаемых наверху решений структурами нижнего уровня, а также стремление глубже интегрировать подразделения министерства обороны и видов войск при осуществлении совместных программ.

По аналогии с системой войскового управления минобороны создало трехуровневую властную вертикаль, в которой обозначены четкие границы между «стратегическим» (министр обороны), «оперативным» (начальник КНШ и заместители главы Пентагона) и «тактическим» (видовые министры и главы боевых командований) звеньями принятия решений. Такая схема помогает устранить дублирующие полномочия различных начальников и исключает

ситуации, при которых выработка правил возможна со стороны нескольких участников процесса, чьи интересы не всегда могут совпадать, что может дезориентировать исполнителей решений. Кроме того, она позволяет разграничить полномочия между гражданским и военным звеньями таким образом, чтобы автоматически снять с высшего руководства необходимость принятия менее важных решений и одновременно минимизировать его вмешательство в процессы управления на нижних уровнях. Т.е. аппарат МО должен задавать политические ориентиры, а министерства видов ВС – заниматься управлением конкретными оборонными программами.

Опыт оборонного реформирования последних десятилетий научил военно-политическое руководство США, что структурная реорганизация подразделений и перераспределение их функций не всегда гарантируют достижение поставленных реформаторами целей. Залогом успеха любых преобразований является способность повлиять на поведение ключевых участников того или иного процесса, чтобы изменить образ их деятельности. В этой связи важной составляющей административной реформы являются попытки *изменить организационную культуру* оборонного ведомства.^{155,156} Вновь назначенное руководство МО США неоднократно сталкивалось с ситуацией, в которой различные группы интересов (включая внутренние подразделения МО, военное сообщество, Конгресс или представителей ВПК) не только не были заинтересованы в реформировании устоявшихся связей и структур, но и оказывали сопротивление нововведениям.

Практика показывает, что для борьбы с инерционностью аппаратного мышления и узковедомственными приоритетами необходимо соблюдать ряд условий. Инновационно настроенный глава Пентагона должен быть «сторонним» человеком, не имеющим отношения ни к одному из участников оборонного процесса. Он должен окружить себя командой руководящих кадров, открытых к

¹⁵⁵ Transitioning Defense Organizational Initiatives: An Assessment of Key 2001-2008 Defense Reforms. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, December 2008.

¹⁵⁶ US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Eugene Gholz and Caitlin Talmadge. Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. P. 58-59.

преобразованиям и гибких в принятии решений, быть готовым устранить консервативно настроенных управленцев. Кроме того, необходимо создать механизм повышения персональной отчетности, в рамках которого установлены четкие грани ответственности, поощрения и санкции.

Институционально-ведомственные преобразования. К началу 1990-х гг. военное-политическое руководство США четко осознавало необходимость институциональных изменений внутри МО. Ведомственная архитектура и связи между различными подразделениями почти не менялись на протяжении 45 лет с основания министерства в 1948 г. В новых геополитических условиях после завершения биполярного противостояния с СССР американская «военная машина», десятилетиями пребывавшая в состоянии постоянной мобилизации, нуждалась в переходе на мирное время. Окончание «холодной войны» требовало вслед за сменой военно-политической стратегии кардинально пересмотреть принципы и методы работы. На протяжении почти трех последних десятилетий в МО происходило системное закрепление новой схемы принятия решений, изменение организационной структуры органов управления и разграничение сфер ответственности между всеми подразделениями.

Наибольшие изменения за последние 25 лет произошли в структуре и функциях **бюрократического аппарата МО**. Наряду с кадровыми сокращениями оборонных чиновников в 1990-е и 2000-е гг. проходило поступательное разграничение сфер ответственности между руководством Пентагона, сопровождавшееся появлением высших должностных лиц, в чьих руках консолидировались полномочия в специфических областях. Особенно это отразилось на аппарате министра обороны и его заместителей. Преобразования в аппарате КНШ и видовых министерствах были менее масштабными и носили сугубо технический характер.

Так, если накануне окончания «холодной войны» у министра обороны было всего два старших заместителя – по политическим вопросам и по исследованиям и инженерным делам, то в настоящий момент их шесть.

С принятием Закона Голдуотера-Николса для консолидации управления в хозяйственной сфере была учреждена позиция ст.зам.министра по приобретению ВВТ, а ст.зам.министра по исследованиям был понижен в статусе. В 1990-е гг. функционал новой должности был расширен за счет курирования военных НИОКР и вопросов материально-технического обеспечения МО и ВС, что отразилось в названии – ст.зам.министра по приобретению ВВТ, технологиям и материально-техническому обеспечению. В 2000-е гг. сравнимые функциональные преобразования с расширением сферы ответственности произошли у ст.зам.министра по политвопросам.

К середине 2010-х гг. ввиду чрезмерной концентрации ответственности в одних руках назрела необходимость разграничения полномочий для обеспечения более гибкого принятия решений в сфере закупок и НИОКР. В соответствии с законом об оборонном бюджете на 2017 фин.г. с 1 февраля 2018 г. пост ст.зам.министра по приобретению ВВТ, технологиям и логистике разделили на два – ст.зам.министра по приобретению ВВТ и тыловому обеспечению и по исследованиям и инженерным делам, чьи аппараты были сформированы в течение нескольких месяцев.

Для централизации принятия решений в финансово-экономической и ревизионной деятельности МО в 1994 г. был создан пост ст.зам.министра-контролера, курирующего бухгалтерские и аудиторские структуры. (одновременно является финансовым директором). Тогда же образована позиция ст.зам.министра по делам личного состава и боевой готовности, под управление которого вошли вопросы кадровой политики, военного образования, социального обеспечения, здравоохранения и забота о резервистах.

В 2003 г. в рамках реформирования системы национальной безопасности и специальных служб у главы МО появился еще один ст.заместитель – по разведывательной деятельности, в функции которого входит курирование всех профильных подразделений министерства (Разведывательное управление минобороны, Агентство национальной безопасности, Управление космической разведки и т.д.), в целом координация с американским разведсообществом.

Этот процесс непрерывно сопровождался ростом численности соответствующих секретариатов и созданием дополнительных субординированных позиций на уровне обыкновенных заместителей министра и зам.зам.министра, которых сегодня насчитывается порядка 50.

Очередной этап структурной реорганизации минобороны начался во время второго срока президентства Б. Обамы и продолжается после его ухода. Причиной перемен стала необходимость перестройки бюрократического аппарата с ведения затяжных зарубежных операций в Ираке и Афганистане на мирное время. В непростых экономических условиях, начиная с 2012 г., демократы приступили к сокращениям штатного расписания в высшем управленческом звене. По результатам внутреннего обзора, завершеного летом 2013 г., к 2019 фин.г. аппарат министра, КНШ и ряд прочих подразделений минобороны должны были урезать на 20-25 процентов. Параллельно приспособлять к нехватке финансирования планировалось и прочие структуры.¹⁵⁷

Новые власти активно продолжают усилия предшественников. Судя по первым заявлениям и действиям представителей администрации Д. Трампа, даже несмотря на взятый курс по укреплению вооруженных сил, намеченные сокращения гражданского аппарата выполняют в полном объеме.¹⁵⁸ В августе 2017 г. МО США представило в Конгресс масштабный план административных нововведений, который включает упомянутую реорганизацию органов управления в сфере закупок и проведения научных исследований и разработок, и, что важнее, учреждение самостоятельной позиции директора по управлению, ответственного за дальнейшее реформирование процессов в МО – по образу «офиса бизнес-трансформации» при министре Д. Рамсфельде, но с более широким охватом, включая вопросы кадровой политики, здравоохранения,

¹⁵⁷ Hagel, C. Statement on Strategic Choices and Management Review / As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. Pentagon Press Briefing Room, Wednesday, July 31, 2013.

¹⁵⁸ Mehta, A. The Pentagon's acquisition office is gone. Here's what the next 120 days bring // Defense News, February 1, 2018. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2018/02/01/the-pentagons-acquisition-office-is-gone-heres-what-the-next-120-days-bring/> (дата обращения: 10.02.18)

материально-технического обеспечения, информатизации хозяйственной деятельности и т.д.¹⁵⁹

За годы административной реформы в МО была создана система **органов коллективного управления** для координации принятия решений на различных уровнях между гражданскими и военными структурами. Основные усилия по ее формированию приложила администрация Дж. Буша-мл. К середине 2000-х гг. появился Совет по стратегическому планированию, который впоследствии был преобразован в Конференцию высшего оборонного руководства. Председатель – глава МО, сопредседатель – начальник КНШ. Также участвуют министры и начальники видовых штабов (6 человек), заместители главы МО и КНШ (10 человек), представители боевых командований и прочие руководители – всего 36 человек. Орган собирается дважды в год и принимает коллективные решения по стратегическим вопросам, касающимся действующей структуры министерства и межведомственного сотрудничества.^{160,161}

Параллельно с ним создавался менее представительный форум – Высший исполнительный совет МО, в который изначально входило семь человек. В настоящее время он преобразован в Высшую руководящую наблюдательную группу, также возглавляемую министром обороны. Состав – 25 членов (не включены представители боевых командований). В компетенции – вопросы приоритетного значения (ключевые бюджетные вопросы, совместные закупки) и рекомендации по стратегическим направлениям.

Наконец, в 2005 г. на базе т.н. «Группы двенадцати» создана Рабочая консультационная группа под руководством первого заместителя главы Пентагона. Состав – 26 членов. Курирует вопросы текущего управления МО, хозяйственную реформу, а также работу системы планирования, программирования, бюджетирования, исполнения и оценки деятельности.

¹⁵⁹ Report to Congress Restructuring the Department of Defense Acquisition, Technology and Logistics Organization and Chief Management Officer Organization, Response to Section 901 of the National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017 (Public Law 114 – 328). Washington, D.C.: Department of Defense, August 2017.

¹⁶⁰ Hicks, K. Invigorating Defense Governance: A Beyond Goldwater-Nichols Phase 4 Report. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, March 2008.

¹⁶¹ Department of Defense Directive 5105.79, Washington, DC: Department of Defense, May 19, 2008. URL: <http://dcmo.defense.gov/Portals/47/Documents/510579p.pdf> (дата обращения: 02.03.2016)

Административная реформа широко затронула различные **оборонные агентства и управления**. На рубеже XX-XXI вв. их численность изменилась незначительно: в 1991 г. их насчитывалось 16, а с 2019 г. – 19. Однако состав и структура этих подразделений претерпели серьезные преобразования. За счет консолидации других подразделений и в качестве реакции на вызовы времени в 1990-е – 2010-е гг. появилось пять новых агентств:

- В 1996 г. путем централизации нескольких структур образовалось Национальное картографическое агентство, ставшее в 2004 г. Национальным управлением по разведке земной поверхности;

- В 1998 г. в результате слияния нескольких подразделений возникло Агентство по уменьшению угрозы, которое отвечает за инспекционную деятельность по международным договорам оборонного характера, в которых участвуют США, вопросы обеспечения ядерной, химической и биологической безопасности в глобальном масштабе. Изначально деятельность этого агентства фокусировалась преимущественно на постсоветском пространстве, однако с начала 2010-х гг. ее географический охват существенно расширяется;

- В 2002 г. в связи с терактами 11 сентября появилось Агентство по охране сотрудников Пентагона);

- В 2013 г. в рамках социальной реформы министерства учреждено Агентство по делам здравоохранения;

- В 2019 г. в интересах объединения и модернизация космических активов в МО создано Управление космического развития.

При этом в остальных агентствах и управлениях тоже произошли значительные изменения – многие из них были реорганизованы изнутри, получили дополнительные функции и новые названия. Особого внимания заслуживают следующие:

- Управление информационных систем, которое отвечает за быструю обработку и хранение больших массивов данных в интересах бесперебойных коммуникаций, включая связь с войсками на местах. В 2010-е гг. Управлению поручено создание т.н. «единого информационного пространства» для повышения

эффективности взаимодействия между подразделениями минобороны и вооруженными силами за счет тотальной информатизации и стандартизации – т.е. создания общих для всех баз данных и обеспечения доступа к ним. Проводимая в рамках этого подхода информационная интеграция оборонных ресурсов и процессов сокращает время принятия решений, повышает точность планирования, а также позволяет лучше оценить проведенные преобразования, скорректировать их курс и выбрать наиболее подходящие инструменты для их продолжения;

- Управление материально-технического обеспечения, которое значительно расширило круг обязанностей в ходе многочисленных боевых и гуманитарных операций вооруженных сил США в последние 25 лет;

- Разведывательное управление министерства обороны – РУМО, которое начали реформировать по мере завершения войн в Ираке и Афганистане. В 2012 г. с целью повысить агентурные возможности Пентагона и усилить координацию с прочими спецслужбами в управлении по аналогии с ЦРУ воссоздана существовавшая с середины 1980-х по середину 1990-х гг. Служба тайных операций, сделан акцент на расширение присутствия американских военных разведчиков за рубежом и сбор данных о наиболее приоритетных для США вопросах. К 2018 г. предполагалось расширить штат РУМО за пределами США вдвое, однако планы военных встретили сопротивление Конгресса.^{162 163} Не исключено, что в свете нового военно-политического курса администрации Д.Трампа, окружившего себя отставными генералами, начатые преобразования в РУМО продолжатся.

Кроме того, на рубеже XX-XXI вв. значительно усовершенствована структура **объединенных боевых командований**. Если после окончания «холодной войны» было шесть самостоятельных командований, то к настоящему

¹⁶² Miller, G. Pentagon establishes Defense Clandestine Service, new espionage unit // The Washington Post, April 23, 2012.

¹⁶³ Miller, G. Senate moves to block Pentagon plans to increase number of spies overseas // The Washington Post, December 10, 2012.

времени их насчитывается одиннадцать (пять функциональных и шесть региональных).^{164,165}

В 1992 г. вместо Стратегического авиационного командования ВВС возникло объединенное *Стратегическое командование (СТРАТКОМ)*, которое изначально курировало вопросы ядерного сдерживания. При администрации Дж. Буша-мл. его компетенцию расширили, включив функции космических операций, реализацию доктрины «глобального удара», противоракетную оборону, системы управления, командования, разведки, наблюдения и рекогносцировки, а также ведение информационной войны (при этом ликвидировали самостоятельные подразделения, отвечавшие ранее за эти вопросы).

Летом 2017 г. стало известно о начале структурно-функциональных преобразований командования, которые завершились год спустя. Созданные еще в 2000-е гг. субординированные подразделения реформировали в четыре субкомандования объединенных сил – по вопросам космических, воздушных, морских и противоракетных операций. Под их начало перейдут оперативные группы ядерных сил, которые также пройдут реорганизацию (вместо шести их станет четыре).¹⁶⁶

На этом фоне в свете растущего значения орбитальной группировки при проведении боевых операций в будущем в США развернулась дискуссия о целесообразности создания нового вида вооруженных сил – космических войск, что потребовало перевода субординированного *Космического командования* из состава Стратегического командования, а в перспективе – создания в рамках ВВС Боевого авиакосмического командования^{167,168} и, как это пытается осуществить администрация Д. Трампа, отдельного вида ВС – Космических сил.¹⁶⁹

¹⁶⁴ Аничкина Т.Б. Роль и место региональных командований США в стратегии глобального доминирования // Россия и Америка в XXI веке: электронный журнал. 2009. №3. URL: <http://www.rusus.ru/print.php?id=166> (дата обращения: 17.05.2018)

¹⁶⁵ Feickert, A. The Unified Command Plan and Combatant Commands: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service Report for Congress R42077. Washington, DC, January 3, 2013.

¹⁶⁶ Clark, C. Hyten Outlines STRATCOM Overhaul; Nukes Sooner For F-35? // Breaking Defense, July 26, 2017. URL: <https://breakingdefense.com/2017/07/hyten-outlines-stratcom-overhaul-nukes-sooner-for-f-35/> (дата обращения: 10.02.18)

¹⁶⁷ Bruner, B. Aerospace Combat Command instead of Space Corps? // Breaking Defense, August 10, 2017. URL: <https://breakingdefense.com/2017/08/aerospace-combat-command-instead-of-space-force/> (дата обращения: 10.02.18)

Однако, наибольшие перемены произошли с находившимся в подчинении СТРАТКОМ с 2010 г. *Киберкомандованием* на базе Агентства национальной безопасности (АНБ), в чью компетенцию входит проведение широкого спектра сетевых операций. К настоящему времени в рамках командования завершено формирование штата кибербойцов (133 подразделения общей численностью около 6 тыс. человек), активно совершенствуется правовая база в сфере обеспечения кибербезопасности. В августе 2017 г., следуя рекомендациям Конгресса и своих советников, президент Д. Трамп принял решение вывести Киберкомандование из подчинения СТРАТКОМ.¹⁷⁰ Это произошло в мае 2018 г. после отделения от АНБ, которое в последние годы также подверглось глубоким изменениям.¹⁷¹

На заре «трансформации» ВС, в 1999 г. сформировано *Командование объединенных сил*, основной задачей которого было внедрение принципа «объединенности» войск и подготовка к войнам будущего за счет разработки объединенных оперативных концепций, повышения степени взаимодействия видов ВС (в т.ч. с помощью совместной подготовки) и предоставление боевых и вспомогательных возможностей в распоряжение остальных командований. Подразделение получило особый импульс при администрации Дж. Буша-мл., однако после смены руководства в Белом доме оно было расформировано за ненадобностью в 2011 г., а его функции переданы другим структурам МО.

При администрации Дж. Буша-мл. также учреждено два новых региональных командования. В 2002 г. создано *Северное командование*, в ведении которого находится обеспечение безопасности континентальной части США (в т.ч. оно курирует НОРАД – Североамериканское командование воздушно-космической обороны, а также помогает в ликвидации последствий чрезвычайных

¹⁶⁸ Kheel, R. Why the military's Space Corps isn't dead yet // The Hill, November 19, 2017. URL: <http://thehill.com/policy/defense/360958-why-the-militarys-space-corps-isnt-dead-yet> (дата обращения: 10.02.18)

¹⁶⁹ Space policy directive-4, Department of Defense, February 19, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Mar/01/2002095015/-1/-1/1/SPACE-POLICY-DIRECTIVE-4-FINAL.PDF> (дата обращения: 20.02.2019)

¹⁷⁰ Statement by President Donald J. Trump on the Elevation of Cyber Command. The White House, August 18, 2017.

¹⁷¹ Dozier, K., Maxey, L. Agency Transformed, NSA Chief Rogers Set for Departure // The Cipher Brief Analysis, January 5, 2018. URL: <https://www.thecipherbrief.com/article/international/agency-transformed-nsa-chief-rogers-set-spring-departure>. (дата обращения: 10.02.18)

ситуаций) и координация оборонных усилий с Канадой и Мексикой. При администрации Б. Обамы его функции дополнили, включив в зону ответственности ряд вопросов, связанных с безопасностью в Арктике. В 2007 г. появилось *Африканское командование*, в сферу интересов которого входит безопасность «черного» континента, включая борьбу с террористической угрозой, а также с опасными заболеваниями, которые возникают в Африке.^{172,173}

С начала второго десятилетия XXI века, по мере сворачивания боевых кампаний в Ираке и Афганистане, руководство МО стало ориентировать на новые задачи *Командование специальных операций*. Именно ему отдается приоритет в проведении перспективных зарубежных операций, что отражает положения основных военно-политических директив США при администрациях Б. Обамы и Д. Трампа. Начиная с 2012 г., полномочия командования были значительно расширены, а бюджет и личный состав стабильно росли – даже на фоне общего снижения финансирования вооруженных сил в последние несколько лет.

Представляется, что реформирование объединенных боевых командований США еще не достигло завершения. В последние годы американское военно-экспертное сообщество обсуждает возможность дальнейших изменений, полагая, что нынешняя структура управления ВС все еще нуждается в адаптации к условиям после окончания «холодной войны». Указывая на то, что современные и перспективные угрозы требуют «трансрегионального, мультидоменного и многофункционального» ответа, военные стратеги предлагают и вовсе отказаться от географических боевых командований в пользу функциональных. По замыслу, это повысит эффективность и скорость выполнения боевых задач и укрепит межведомственное и международное сотрудничество США.¹⁷⁴

Укрепление механизмов межведомственного сотрудничества.
Неслучайно одновременно с преобразованием структуры управления

¹⁷² Аничкина Т.Б. АФРИКОМ – новое региональное командование // Россия и Америка в XXI веке: электронный журнал. 2008. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=85> (дата обращения: 17.05.2018)

¹⁷³ Батюк В.И. Военная политика США: региональные аспекты // Россия и Америка в XXI веке: электронный журнал. 2007. №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=56> (дата обращения: 17.05.2018)

¹⁷⁴ McCoy, K. The world the combatant command was designed for is gone // War on the Rocks, October 7, 2016. URL: <https://warontherocks.com/2016/10/the-world-the-combatant-command-was-designed-for-is-gone/> (дата обращения: 10.02.18)

американские военные уделяют особое внимание усилению координации с гражданскими структурами федерального правительства, разведывательным сообществом, правоохрнительными органами и т.д. События последних десятилетий убедили военно-политическое руководство США в том, что при решении комплексных проблем безопасности колоссальные материально-технические и людские ресурсы Пентагона зачастую бывают весьма ограничены.¹⁷⁵ В XXI веке для достижения военно-стратегических и оперативно-тактических целей требуется сочетание ресурсов различных ведомств. Такой подход помогает сэкономить средства, повысить эффективность принятия и исполнения решений. В связи с этим в последнее время в МО уделяют особое внимание усилению координации деятельности с гражданскими структурами федерального правительства, разведсообществом, правоохрнительными органами и т.д.

Зарубежные операции, проводимые США после «холодной войны», выявили острую необходимость в сторонней поддержке вооруженных сил на местах. Поскольку войска не всегда обладают необходимыми навыками в сфере внешней политики и регионоведения, языковой подготовки, экономического восстановления, гуманитарного содействия и т.д., поэтому на помощь им стали приходить гражданские специалисты.¹⁷⁶

В настоящее время в США продолжается формирование системы такого межведомственного сотрудничества. Характерной тенденцией этого процесса является расширение уровней и сфер взаимодействия. Если в годы «холодной войны» сотрудничество осуществлялось преимущественно на стратегическом уровне (руководство министерств и ведомств) по вопросам общего планирования, то в последние 10 лет кооперация распространилась на оперативный и тактический уровень.

¹⁷⁵ Gates, R. Building Partnership Capacity and Development of the Interagency Process / Testament before the House Armed Services Committee by Secretary of Defense Robert M. Gates. Washington, D.C., April 15, 2008.

¹⁷⁶ Dale, C., Serafino, N., Towell, P. Organizing the U.S. Government for National Security: Overview of the Interagency Reform Debates // Congressional Research Service Report for Congress RL34455. Washington, DC, December 16, 2008.

Начиная с конца 2000-х гг., для повышения осведомленности руководства МО и ВС о внешнеполитических задачах США стремительно растет сотрудничество Минобороны с Госдепартаментом. Наращиваются программы обмена военными и дипломатическими кадрами, включая программу военно-политических советников, когда гражданские специалисты прикреплены к широкому кругу структур центрального аппарата минобороны, КНШ и ко всем региональным боевым командованиям, а военные – к региональным и функциональным бюро Госдепа. Сотрудничество призвано повысить в рамках всего правительства эффективность стратегического планирования, решения кризисных ситуаций и т.д. Обмены сыграли позитивную роль в ходе кампаний в Ираке, Афганистане и Ливии, при решении гуманитарного кризиса в Гаити.

При администрации Дж. Буша-мл. в рамках объединенных боевых командований создан межведомственный механизм совершенствования оперативного планирования – Объединенные межведомственные координационные группы. В их составе руководители среднего звена из Госдепартамента (обычно послы), Агентства США по международному развитию (АМР) и других министерств (весомый вклад со стороны министерств юстиции и финансов), которые консультируют командующего по вопросам проведения операций и взаимодействию с правительствами в зоне ответственности, кризисному урегулированию и послеконфликтному восстановлению.¹⁷⁷

В тесной увязке с этими подразделениями работают созданные в тот же период и также находящиеся в подчинении объединенных боевых командований Объединенные межведомственные рабочие группы для решения специализированных задач. В их функции входит помощь в координации и проведении специальных войсковых операций (в т.ч. по освобождению заложников и поимке преступников)¹⁷⁸, а также мероприятий по борьбе с международной оргпреступностью, наркоторговлей, терроризмом и коррупцией.

¹⁷⁷ Interorganizational Coordination During Joint Operations, Joint Publication 3-08. Washington, DC, 24 June 2011. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp3_08.pdf (дата обращения: 23.02.2016)

¹⁷⁸ Inside the FBI's secret relationship with the military's special operations // Washington Post, April 10, 2014.

На низовом уровне для более эффективного выполнения задач, связанных с длительными стабилизационными операциями, были учреждены Группы по восстановлению провинций. Это небольшие подразделения, осуществляющие прямое взаимодействие с местными органами власти в зонах конфликтов. В их составе, помимо военных, гражданские специалисты из Госдепа, АМР, министерств сельского хозяйства, юстиции и т.д.

С 2006 г., в рамках общей реформы американских спецслужб, на основе объединенных боевых командований стали появляться межведомственные подразделения для координации сбора и обработки полевых разведданных – Объединенные центры разведывательных операций.¹⁷⁹ Примечательно, что в рамках усиления взаимодействия минобороны и разведсообщества в конце 2000-х – начале 2010-х гг. на должность министра обороны назначали бывших руководителей ЦРУ (Р. Гейтс и Л. Панетта), а многие выходцы из разведки занимали прочие руководящие позиции в Пентагоне.

МО также проводит обширный комплекс мероприятий в таких сферах, как разработка ВВТ и научно-техническое сотрудничество. Военные полагают, что кооперация с другими ведомствами по этим направлениям – в интересах национальной обороны и безопасности и способствует совершенствованию ВПК и экономии бюджета. Помимо традиционного взаимодействия с Национальным аэрокосмическим агентством над спутниковыми программами и с Национальной администрацией по ядерной безопасности и Национальными лабораториями в производстве и обслуживании стратегического ядерного арсенала, МО через свое научное подразделение, Управление перспективных оборонных исследований, расширяет сотрудничество по сугубо гражданским НИОКР.

Усиление обмена опытом между ведомствами продолжается и при администрации Д. Трампа. В 2017 г. министр обороны Дж. Мэттис в одном из своих первых циркуляров после вступления в должность особо подчеркнул преемственность линии на углубление связей с разведывательным сообществом и

¹⁷⁹ DoD to Set Up Joint Intelligence Operations Centers Worldwide // American Forces Press Service, April 12, 2006.

Государственным департаментом «в интересах обеспечения фундаментального единства страны» и «укрепления альянсов».¹⁸⁰

2.2. Преобразования хозяйственной деятельности МО США

Для понимания общего вектора изменений в МО в начале XXI века также необходимо рассмотрение реформирования хозяйственной деятельности МО США. В первую очередь, к ней относятся принципы формирования и исполнения оборонного бюджета, механизм приобретения вооружений и военной техники, а также финансово-расчетные процедуры и контрольно-ревизионные мероприятия.

Современный фундамент хозяйственной деятельности МО был заложен в 1960-е гг. Занимавший в то время пост министра Р. Макнамара, в прошлом один из руководителей частной компании «Форд Моторс», совершил «бизнес-революцию» в методах хозяйствования МО, заимствовав из корпоративного сектора практику поэтапного управления, которая получила название «система планирования/ программирования/ бюджетирования».¹⁸¹ С ее помощью военно-политическое руководство может организованно принимать и проводить решения по распределению материально-технических ресурсов в нуждах ВС.

В рамках этой системы на первом этапе определяются цели и приоритеты развития МО и ВС, на основе которых будут разработаны перспективные планы. Планирование, таким образом, является связующим звеном между доктринальными установками в сфере национальной обороны и безопасности и конкретными программами достижения поставленных целей. Затем происходит непосредственное создание программ. На этом этапе более детально оценивается возможность реализации отдельных проектов. Программа – это набор

¹⁸⁰ Message to the Department of Defense from Secretary of Defense James Mattis, Release No: NR-020-17. Department of Defense, January 20, 2017. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Releases/News-Release-View/Article/1055906/message-to-the-department-of-defense-from-secretary-of-defense-james-mattis/> (дата обращения: 10.02.18)

¹⁸¹ US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Eugene Gholz and Caitlin Talmadge. Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. P. 60-64.

мероприятий, описывающий содержание и масштабы работ, сроки и необходимые затраты, и направленный на увязку планов с бюджетом. Наконец, на этапе бюджетирования рассчитываются ресурсы, необходимые для реализации программ, и на их основе составляется проект оборонного бюджета.¹⁸²

Нововведения Р. Макнамары также касались системы отбора подрядчиков, контрактования и управления текущими закупками систем вооружений. В частности, в практику МО повсеместно внедрили методы системного анализа, параметрическую оценку затрат, оценку эффективности подрядчиков, «пакетные» закупки, выработку условий контракта, схему поощрительного контрактования, институт проектных управляющих и т.д.¹⁸³

Данный подход доказал эффективность в годы «холодной войны». Однако после окончания биполярного противостояния цели и задачи МО в новой геополитической обстановке, а также обнажившиеся изъяны самой системы, требовали пересмотра методов ведения дел. В связи с чем на протяжении последних 30 лет оборонное ведомство осуществляет реформирование хозяйственной деятельности, совершенствуя «систему планирования/программирования/бюджетирования», систему приобретения ВВТ и ведения финансово-аудиторских дел путем исправления недочетов и привнесения новых элементов и практик, которые рассмотрены ниже.

Реформирование бюджетного процесса. Глубокое реформирование после окончания «холодной войны» прошли все элементы упомянутой выше системы «планирования-программирования-бюджетирования». В общих чертах действия военно-политического руководства в 1990-е – 2000-е гг. были направлены на укрепление схемы вертикальной интеграции формирования и прохождения программных заявок, их преобразования в бюджетный запрос и последующее исполнение утвержденной сметы. Особый вклад в совершенствование этого

¹⁸² Тищенко Г.Г. Повышение экономической эффективности военного строительства в США. М.: Российский институт стратегических исследований, 2004. С. 109-138.

¹⁸³ Fox, J.R. Defense Acquisition Reform, 1960 to 2009: An Elusive Goal. Washington, DC: U.S. Army Center for Military History, 2011. P. 36-37.

процесса внесла администрация Дж. Буша-мл., которая впервые после войны во Вьетнаме осуществила преобразования в условиях крупных боевых операций.

Оформление в последние десятилетия иерархичной системы военно-стратегических документов способствовало совершенствованию *фазы планирования*, на которой определяются общие цели развития ВС и угрозы безопасности – два критерия, необходимых для построения четкой войсковой архитектуры и создания специфических программ вооружений и их последующего финансирования. Кроме того, в обозначенный период были существенно доработаны плановые механизмы внутри самого МО.

Таким образом, общая схема этого этапа выглядит следующим образом. Стратегия национальной безопасности задает общие ориентиры для министра обороны при формировании стратегии национальной обороны, которая, в свою очередь, влияет на содержание национальной военной стратегии. Далее установки, зафиксированные в этих документах, служат ориентиром для внутриведомственного процесса, направленного на создание итоговой составляющей рассматриваемой фазы – Руководства по оборонному планированию и сопутствующего многолетнего Оборонного плана на будущие годы, которые необходимы для дальнейшего определения программ.

На *этапе программирования* общее движение процесса направлено в обратную сторону – снизу вверх – от командующих отдельными видами ВС к министру обороны. Сначала низовые подразделения ВС и МО (командования и управления) формируют предложения по приоритетным программным направлениям – Единые списки приоритетов и Дополнительные программные заявки. Затем составляются главные документы этого этапа – Меморандумы программных целей, в которых предлагается определенный способ расходования средств на требуемые программы (значительное влияние на составление меморандумов оказывает Руководство по оборонному планированию). После этого они отправляются в КНШ для оценки и последующего предоставления министру при подготовке финального заключения – Меморандума программных решений, который утверждает программы в рамках каждого целевого документа.

Бюджетирование начинается с формирования отдельными видами ВС на основе утвержденных целевых меморандумов стоимостных оценок отдельных программ, которые передаются на рассмотрение в видовые министерства, аппарат МО, КНШ и ст.зам.министра-контролеру, а затем через первого заместителя главы МО попадают на стол к министру. После этого начинается координация бюджетных заявок на предмет соответствия принятым ранее программно-плановым установкам, и на их основе публикуются решения по программному расходованию таким образом, что их могут скорректировать «заказчики» – виды ВС – после чего проект сметы уходит из МО в Административно-бюджетное управление Белого дома.

С начала 2000-х гг. в этой схеме произошли значительные преобразования. Во-первых, в целях сокращения времени и усилий были сведены в единый цикл (осуществляются параллельно, а не последовательно, как раньше) фазы программирования и бюджетирования, повышена отчетность в рамках каждой из них. Во-вторых, в привязке к продолжительности одного президентского срока и ради синхронизации с разработкой основополагающих доктринальных документов весь процесс сделали длительнее – теперь он занимает четыре года. В-третьих, бюджетный цикл сделали двухлетним вместо годичного, таким образом, что в общей схеме стало два подцикла формирования оборонной сметы. В итоге, двухлетними стало и Руководство по оборонному планированию, в связи с чем отпала необходимость каждый год с нуля определять требования к программам (теперь подразделения ВС и МО делают это раз в два года, причем в промежуточный период между циклами имеют право внести лишь очень значимые коррективы в основные программы и их финансирование с помощью новых инструментов – предложений о программных и бюджетных изменениях).¹⁸⁴

Наконец, в 2000-е гг. систему расширили за счет включения *фазы исполнения бюджета*, в результате чего изменилось название – система «планирования-программирования-бюджетирования-исполнения». В рамках

¹⁸⁴ Jones, L., McCaffery, J. Budgeting, Financial, Management, and Acquisition Reform in the U.S. Department of Defense, Naval Postgraduate School, 2008. P. 152.

последнего этапа МО должно обосновать, как будут расходоваться средства, утвержденные Конгрессом. Ассигнования должны быть четко привязаны к конкретным программам, должен быть составлен поквартальный и помесечный график их использования. После этого Белый дом и министерство финансов формально утверждают данную схему, и Пентагон начинает распределять бюджет между всеми подразделениями. При этом ВС, видовые министерства, командования и оборонные агентства берут на себя обязательства по расходованию, которые затем начинают выполнять в виде реальных затрат. В середине каждого финансового года делается промежуточный обзор, который направлен на перераспределение средств на более приоритетные нужды. К концу фин.г. все оборонные счета должны быть сбалансированы с ассигнованиями, причем статьи, рассчитанные на год, готовятся к закрытию. Параллельно с новым циклом начинаются аудиторские проверки исполнения предыдущего бюджета.

Изменения процесса оборонных закупок и контрактования. По мере развития и совершенствования технологий МО становится все сложнее управлять стоимостью, графиками исполнения и техническими параметрами программ приобретаемых вооружений. Поэтому проводимые минобороны преобразования системы контрактования и закупок ВВТ стремятся повысить гибкость ее реакции на данные вызовы. В силу того, что система оборонных заказов в США совершенствуется непрерывно уже более 50 лет, а изменения зачастую слишком обширны, в данной работе отражены лишь наиболее значимые решения в реформировании этой области в на рубеже XX – XXI веков.

В общих чертах действующий в МО порядок формирования контрактов и закупок вооружений и военной техники зародился несколько десятилетий назад. Однако наиболее серьезные преобразования он прошел лишь в последние 30 лет, после того, как в соответствии с Законом Голдуотера-Николса и рекомендациями комиссии Паккарда весь закупочный процесс Пентагона передали под гражданское управление.

Исследователи данного вопроса сходятся во мнении, что на реформу системы оборонных закупок после окончания «холодной войны» оказывали

влияние три фактора – преобразование системы «планирования-программирования-бюджетирования», преобразования в процессах формирования требований к системам ВВТ и непосредственные изменения в процессе закупок и схемах оборонного контрактования.^{185,186,187} Поводом же к началу каждого этапа реформирования этой сферы, как правило, становятся существенный рост стоимости ВВТ и большие отклонения от графиков их поставок. Не были исключением и преобразования в последние два с половиной десятилетия.

На протяжении 1990-х гг. реформа закупок была одной из самых приоритетных тем для военно-политического руководства США. В этот период была создана солидная правовая основа, включавшая несколько основополагающих законов, а также опубликованный министерством обновленный компактный свод правил по организации закупочного процесса, который отражал качественно новые, более гибкие подходы к приобретению ВВТ. Внедрена эволюционная, или блоковая схема закупок вооружений с возможностью внесения изменений по ходу реализации, новые процессы, интегрирующие все фазы от разработки концепции системы до ее производства и приобретения (т.н. параллельное проектирование), коллективные усилия МО, ВС и ВПК при разработке закупочных программ, подписание долгосрочных контрактов на разработку и закупку ВВТ с возможностью одновременного проведения НИОКР и испытаний, привнесение механизмов индивидуального рассмотрения отдельных проектов, усиление полномочий лиц, руководящих программами закупок, повышенный контроль стоимости за счет внедрения передового опыта частного сектора в плане контрактования, новые общие требования к ВВТ (включая открытую, или модульную архитектуру, позволяющую с меньшими затратами проводить модернизацию), а также повышение доли коммерчески доступных товаров в структуре закупок и их

¹⁸⁵ Fox, J.R. Defense Acquisition Reform, 1960 to 2009: An Elusive Goal. Washington, DC: U.S. Army Center for Military History, 2011. P. 129-135.

¹⁸⁶ Hicks, K. Invigorating Defense Governance: A Beyond Goldwater-Nichols Phase 4 Report. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, March 2008.

¹⁸⁷ Defense Acquisitions and Efforts at Reform / Ed. by Donald G. Humphrey, NY: Nova Science Publishers, Inc., 2011. P.20-21.

использования в военных нуждах (линия на доступ МО к современным гражданским технологиям в рамках преобразования военных стандартов).¹⁸⁸

Преобразования 2000-х гг. касались процессов формирования требований к ВВТ. До прихода администрации Дж. Буша-мл. в Пентагоне оценка и разработка технических и финансовых критериев, которым должны отвечать приобретаемые системы вооружения, осуществлялись на основании анализа угроз безопасности. Более половины программ не укладывались в обозначенные графики и сметы, поскольку ранее при их оценке МО руководствовалось слишком оптимистичными перспективами, предоставляемыми видами ВС. В этой связи в помощь созданному в середине 1980-х гг. Совету по надзору за требованиями была разработана и внедрена Объединенная система интеграции и разработки возможностей, что отражало переход на новую схему оценки – исходя из технических возможностей. В результате удалось трансформировать механизм принятия решений в этой области, сделав его более компактным и быстрым, оптимизировать организационную структуру Совета, сократив его состав до 20 человек и кооптировав в него новое должностное лицо – директора Управления по оценке программ и их эффективности, за которым решающее слово в определении технических и денежных параметров каждого проекта, перейти от индивидуального обзора программ к «пакетному», при этом снизив время рассмотрения отдельных проектов и объемы необходимой документации, значительные полномочия были переданы проектным менеджерам в МО и ВС.¹⁸⁹

С начала 2010-х гг. в рамках реформирования непосредственно процесса оборонных закупок, или заказов, МО проводит политику на повышение стоимостной эффективности приобретения вооружений и создания здоровой конкуренции при борьбе за контракты. В 2010 г. была представлена соответствующая программа улучшения покупательной способности, которая предполагает оптимизацию закупочного делопроизводства, документооборота и

¹⁸⁸ Роговский Е.А. Министерство обороны США и международная стандартизация // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. №3. С.55-57.

¹⁸⁹ Defense Acquisitions and Efforts at Reform / Ed. by Donald G. Humphrey, NY: Nova Science Publishers, Inc., 2011. P. 7-14.

бюрократического аппарата, улучшенный контроль стоимости ВВТ, а также разработку правил приобретения услуг, стимулирование производительности и инноваций, рост соперничества среди подрядчиков.¹⁹⁰

В соответствии с этими задачам был предпринят ряд практических шагов. При оценке требований к закупочным программам отныне стали учитывать критерий доступности продукции, повышение производительности осуществляется с помощью политики контроля роста цен (итоговая цена не должна сильно расходилась с изначальной оценкой), сокращались дублирующие и избыточные программы, необходимые объемы производимой продукции экономически обосновываются – исходя из потребности, снижался их выпуск, уменьшалась продолжительность закупочного цикла (в среднем, каждая программа исполняется 10-15 лет, наиболее крупные – до 20 лет, что негативно сказывается на своевременных поставках новейшей техники в войска). Подрядчиков награждали за эффективное осуществление поставок, в т.ч. за счет совершенствования формы контрактов (произошел переход на поощрительные контракты с фиксированной ценой и установление доли распределения прибыли или недостачи между МО и подрядчиком в соотношении 50/50), а также поощряли производителей самостоятельно проводить НИОКР, компенсируя им расходы. На каждом этапе закупок разрабатываются конкурентные стратегии, снимаются административные барьеры, препятствующие честному и открытому соревнованию, к оборонным контрактам активнее привлекаются предприятия малого бизнеса. Второй этап программы стартовал в 2012 г.¹⁹¹, третий этап – в 2015 г.¹⁹². Руководство МО США при администрации Б. Обамы планировало

¹⁹⁰ Better Buying Power: Guidance for Obtaining Greater Efficiency and Productivity in Defense Spending. Washington, D.C.: Department of Defense, September 14, 2010.

¹⁹¹ Better Buying Power 2.0: Continuing the Pursuit for Greater Efficiency and Productivity in Defense Spending. Washington, D.C.: Department of Defense, November 13, 2012.

¹⁹² Implementation Directive for Better Buying Power 3.0 – Achieving Dominant Capabilities through Technical Excellence and Innovation. Washington, D.C.: Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics, April 9, 2015. URL: <http://bbp.dau.mil/docs/BBP3.0ImplementationGuidanceMemorandumforRelease.pdf> (дата обращения: 24.09.2016)

запустить и четвертый этап, однако не успело этого сделать.¹⁹³ С приходом в Белый дом Д.Трампа соответствующие преобразования в целом продолжились, однако их реализация замедлилась.

Оптимизация системы управления финансами. Управление оборонными финансами затрагивает практически все сферы деятельности военной организации, включая расчеты с подрядчиками, выплаты жалования, пенсий и прочих компенсаций, контрольно-ревизионные функции, в т.ч. по исполнению бюджета, распределение средств, полученных в результате продажи вооружений зарубежным покупателям, управление счетами и капиталом, обеспечение материально-технического учета и т.д. Особенности функционирования МО наложили на эту систему специфику, которая отличает систему управления оборонными финансами от аналогичного процесса в других федеральных ведомствах США. В связи с этим проблемы, с которыми столкнулась данная система после «холодной войны» (техническая отсталость расчетных систем, отсутствие единых баз данных, множество дублирующих процессов, миллиардные переплаты по контрактам, неучтенные средства, техника и инфраструктура и т.д.), требовали индивидуального решения, отличного от преобразований, происходивших в этот же период во всем госсекторе.¹⁹⁴

В этих целях с начала 1990-х в МО проходит масштабная реформа финансовых процессов, призванная повысить эффективность распоряжения средствами за счет ликвидации децентрализованной организационной структуры и налаживания процесса расчетов. Новые задачи, которые военно-политическое руководство США поставило перед ВС, требовали более тесной координации финансовой деятельности МО и войск. Первым шагом на этом пути стало создание Финансово-расчетной службы, которая приступила к созданию новой

¹⁹³ Kendall, F. Version 4.0: The unfinished business of DoD acquisition, sustainment // Defense News, June 25, 2018. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2018/06/25/version-40-the-unfinished-business-of-dod-acquisition-sustainment/> (дата обращения: 26.06.2018)

¹⁹⁴ Jones L., McCaffery J. Budgeting, Financial, Management, and Acquisition Reform in the U.S. Department of Defense, Naval Postgraduate School, 2008. P.481-491.

финансовой архитектуры, консолидируя разрозненные функциональные подразделения и приводя процессы в единый, стандартизированный вид.

Основными направлениями реформирования данной сферы на рубеже XX–XXI веков являются совершенствование систем управления финансовыми операциями и процессами, связанными с финансовой деятельностью; повышение эффективности управления финансами в ходе осуществления коммерческих операций в МО; совершенствование структуры управления финансовыми операциями; повышение эффективности финансовых фондов, предназначенных для внутреннего обслуживания аппарата министерства; объединение, стандартизация финансовых и расчетных систем; придание финансовым документам большей четкости и наглядности.¹⁹⁵

По оценкам экспертов и самих военных, к настоящему времени удалось добиться определенных успехов. Разработан единый свод руководящих документов в области финансовой деятельности, за счет создания обеспечивающей инфраструктуры и внедрения единых информационных элементов стандартизирована кодовая структура расчетных операций, в полном объеме работает единая система начисления заработной платы, оптимизирована аудиторская деятельность.

Практически удалось избавиться от разрозненности хранения данных. До начала 2000-х гг. в МО не обладали исчерпывающей и достоверной информацией о стоимости находящихся на балансе материально-технических средств (ВВТ, оборудование и т.д.) и объемах финансовых затрат ведомства. Чтобы исправить эту ситуацию, министерство перешло на электронный документооборот и расчеты и приступило к проведению тотальной инвентаризации.

Реформированы механизмы оплаты контрактов, что сказалось на сокращении количества и объем ревизионных проверок, ускорило выплаты, сэкономило средства и, в итоге, привело к повышению эффективности системы расчета с поставщиками в целом.

¹⁹⁵ Тищенко Г.Г. Повышение экономической эффективности военного строительства в США. М.: Российский институт стратегических исследований, 2004. С. 171.

Продолжается консолидация финансово-расчетных систем (за 25 лет их количество сократилось в несколько раз), а также подразделений и структур МО, занимающихся финансовой деятельностью под руководством Финансово-расчетной службы (почти в 10 раз – с 330 в 1991 г. до 9 в 2011 г.) Ликвидированы избыточные уровни управления, оставшиеся структуры унифицированы, повысилась скорость проведения операций и обоснованность принимаемых в данной сфере решений. Кроме того, удалось добиться существенного снижения т.н. случайных выплат жалования и переплат подрядчикам, что до реформы исчислялось миллиардами долларов.

2.3. Реформирование военной науки, промышленности и торговли

Особого рассмотрения заслуживают изменения, произошедшие на рубеже XX-XXI веков в таких важных для обеспечения национальной обороны и безопасности отраслях деятельности, как разработка и производство ВВТ, а также их последующий вывод на мировой рынок. МО, как единственный заказчик этой продукции на внутреннем рынке, играет ключевую роль в стимулировании фундаментальных и прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по военной тематике, непрерывно взаимодействуя с подрядчиками – предприятиями ВПК, и обладает широкими полномочиями в сфере военно-технического сотрудничества с иностранными государствами.

Стратегическая ситуация после окончания «холодной войны» требовала со стороны МО выработки адекватной политики для пересмотра подходов в функционировании этих процессов. Продолжение создания вооружений, ориентированных сугубо на крупные межгосударственные конфликты, более не могло отвечать военным вызовам времени, поскольку необходимо было готовиться к полному спектру угроз, включая те, что исходят от негосударственных субъектов. Перемен требовала и реакция на ускорение темпов появления новых технологий, причем не только военных, но и гражданских,

которые стали пользоваться повышенным спросом у вооруженных сил США. Войска отныне нуждались в столь же быстром использовании результатов научных исследований и разработок для скорейшего внедрения на поле боя (такой подход лег в основу «революции в военном деле»). В связи с этим главной целью военных НИОКР является обеспечение ВС передовыми системами вооружений для создания и поддержания военного и технологического превосходства США.

Наряду с финансированием интеллектуальных и кадровых ресурсов требовались инвестиции в производственный потенциал. Несмотря на падение спроса на продукцию военного назначения после слома биполярной системы, США стремились обеспечить необходимую гибкость оборонной промышленности, способной отвечать на нужды ВС. Преобразования в ВПК также были необходимы для повышения конкурентоспособности американской оборонной продукции на мировом рынке. Это особенно важно в периоды экономического спада, когда у государства меньше возможностей закупать ВВТ, поэтому оно берет на себя функции их продвижения за рубеж, чтобы поддержать подрядчиков «на плаву». Помимо прочего, экспорт вооружений способствует достижению еще одной военно-политической цели, зафиксированной в доктринальных документах и направленной на повышение защищенности американских интересов, – укреплению отношений с союзниками и установлению контактов с партнерами. Именно с учетом этих особенностей американские военные на протяжении последних двух десятилетий планомерно проводили реформы в структуре управления и принципах организации указанных процессов.

Преобразования военного научно-технического комплекса.

Технологическое превосходство было одним из центральных элементов стратегии военных в XX веке. На момент окончания «холодной войны» США достигли беспрецедентного уровня военно-технической развитости, что позволяло им отражать весь спектр военных угроз той эпохи. Во многом такого состояния американцам удалось добиться за счет всеобъемлющей программы долгосрочных государственных инвестиций в развитие науки и техники, проводившейся с конца

1950-х гг. Эти НИОКР заложили основу для создания самых передовых систем ВВТ, которые продолжают оказывать влияние на оборонную науку и характер боевых действий современности (к ним относятся радары, реактивные двигатели, ракетно-ядерное оружие, высокоточные боеприпасы, «стелс»-технология, спутниковые средства и система глобального позиционирования, беспилотные летательные аппараты, системы управления информацией и т.д.).¹⁹⁶

Изменения глобального стратегического контекста, а также новая волна гонки военных технологий в начале XXI века стали накладывать на систему военного строительства США ограничения и требовали наряду с перестройкой и сокращением вооруженных сил приспособить для адекватного ответа научные исследования. В частности, в расчет требовалось принимать такие тенденции развития военных технологий, которые могут оказать революционное воздействие на формы и методы ведения боевых действий в будущем. Среди них комплексная информатизация поля боя и его роботизация с помощью беспилотных и безэкипажных систем, снижение уязвимости беспилотных летательных систем за счет достижения гиперзвуковых скоростей и больших высот, снижение заметности боевых платформ, развитие и распространение высокоточных самонаводящихся боеприпасов, милитаризация космического пространства, создание оружия на новых физических принципах.¹⁹⁷

С учетом этого военно-политическое руководство США не перестает подчеркивать важность продолжения и совершенствования отраслевых НИОКР в интересах вооруженных сил. Стратегической целью разработки новейших военных технологий является создание технически продвинутых и экономически доступных вооружений и военной техники, которые позволяют войскам минимизировать собственные потери и действовать меньшим силам с большей эффективностью, помогают решать весь спектр задач и в результате обеспечивают стратегические, оперативные и тактические преимущества над любым

¹⁹⁶ Fountain, A. Transforming Defense Basic Research Strategy // Parameters. U.S. Army War College, Winter 2004-2005. P. 40-41.

¹⁹⁷ Корсаков Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. №1. С. 72.

противником. В итоге, на протяжении последних 25 лет поддержание инновационной военно-технической базы стало не просто целью, но и легло в основу реформирования всей военной организации США.

Несмотря на качественные достижения в области НИОКР в годы «холодной войны», к началу 1990-х гг. с управленческой точки зрения военная наука в США оставалась децентрализованной и недостаточной эффективной.¹⁹⁸ Органы управления и исполнения научных исследований и конструкторских работ нуждались в консолидации и реструктуризации. В связи с этим на фоне общей административной реформы исполнительной власти за последние два десятилетия организация научно-технических исследований министерства обороны претерпела кардинальные изменения, и на сегодняшний день сложилась интегрированная схема планирования, согласования и оценки усилий, проводимых разнообразными исследовательскими подразделениями МО и ВС, которая получила название «Опора».

Главным органом управления стал Исполнительный совет по военным НИОКР, который возглавляет зам.министра по исследованиям и конструкторской деятельности. В составе Комитета пять его заместителей 1) Зам.зам.министра по исследованиям, 2) по новым возможностям и созданию прототипов, 3) по охране здоровья личного состава и боевой готовности, 4) по промышленной политике и делам ВПК, а также 5) по вопросам обеспечения химической и биологической защиты), представитель КНШ и три функционера от министерств видов ВС, а также заместители директоров четырех ведущих оборонных агентств и управлений (Управление перспективных оборонных исследований, Агентство противоракетной обороны, Управление по борьбе с самодельными взрывными устройствами и Агентство по уменьшению угрозы). Орган координирует деятельность всего научно-технического комплекса Пентагона, задает стратегические и бюджетные ориентиры, и выполняет надзорные функции. В тесной связке с ним работают Исполнительный совет по вопросам науки,

¹⁹⁸ DoD Research and Engineering Enterprise // Strategic Guidance. Washington, D.C.: Assistant Secretary of Defense for Research and Engineering, 1 May 2014.

технологий, инженерного дела и математики, ведающий подбором кадров для управления научными проектами в МО, Консультативная группа по вопросам фундаментальных исследований, курирующая деятельность в сфере разработки прорывных высокорисковых технологий, и Совет по совершенствованию военных лабораторий.¹⁹⁹ Реорганизацию также прошли научно-исследовательские институты и лаборатории, создающие вооружения в интересах видов войск. Многочисленные разрозненные структуры были сокращены и объединены под началом Управления военно-морских исследований, а также созданных с нуля исследовательских лабораторий ВВС и Сухопутных войск.²⁰⁰

Под влиянием реформаторских тенденций в хозяйственной деятельности МО с 1990-х гг. положения о техническом превосходстве стали отражаться в основополагающих военно-стратегических документах. На их основе за последние 25 лет разработана и продолжает совершенствоваться внутренняя документальная база в сфере проведения НИОКР. Директивный каркас в 1990-е - 2000-е гг. составили Научно-техническая стратегия МО, устанавливающая наиболее приоритетные области развития, План развития технологических областей, в котором определено содержание и цели тематических общеминистерских усилий в сфере НИОКР с указанием порядка 200 технологических задач, Объединенный научно-технический план ВС, ведающий прикладными разработками по межвидовым программам, а также План фундаментальных исследований. Кроме того, широкое распространение в последние годы стали получать специализированные научно-технические планы отдельных видов войск и оборонных управлений. Вместе эти документы подвергаются всесторонней оценке и влияют на формирование целевых программных меморандумов и бюджетный процесс.

¹⁹⁹ Strategic technology planning: Volume iii (21st Century Strategic Technology Vectors) / Defense Science Board study. Washington, D.C.: Office of the Under Secretary of Defense for acquisition, technology and logistics, February 2006.

²⁰⁰ Defense laboratory enterprise. Arlington: Department of Defense Research and Engineering, 2011. URL: http://www.acq.osd.mil/chieftechologist/publications/docs/Defense_Laboratory_Enterprise.pdf (дата обращения: 03.12.2017)

К началу XXI века в МО стали осознавать, что самостоятельное проведение НИОКР в перспективе будет менее эффективным. Поэтому в процессе реформирования научно-технического комплекса министерство стремится максимально полно использовать коммерческие технологии при создании ВВТ, углубляет межведомственную координацию, кооперацию с академическими университетами и международное сотрудничество по большому числу проектов, а также обеспечивает доступ к результатам независимых исследований и разработок, проводимых частными предприятиями ВПК.

Перестройка НИОКР продолжалась и в период бюджетного спада, который наблюдался в США с конца 2000-х гг. Финансирование научно-технических программ снижалось, а сложность вызовов продолжала расти, в связи с чем продвижение технологического превосходства требовало новых подходов. С учетом этого с 2012 г. МО развивает новую инициативу т.н. «портфельного» управления проектами для повышения эффективности действующего процесса планирования и принятия решений в научно-технической сфере – «Опора 21».²⁰¹

Инициатива основана на трех принципах дальнейших действий: быстрая реакция на перспективные технологические угрозы (в их числе ОМУ, кибернападения, ракеты и беспилотные средства противника, средства радиоэлектронной борьбы и отказа в доступе на поле боя, в т.ч. в космическом пространстве), создание технологических «сюрпризов», т.е. революционных систем военного назначения, а также повышение доступности ВВТ за счет снижения стоимости жизненного цикла отдельных систем, объединения финальных стадий НИОКР с фазой закупочного планирования, разработки взаимодействующих систем с открытой модульной архитектурой и улучшения методов моделирования и симуляции.

В рамках инициативы на основе определенных министром обороны научно-технических приоритетов и важнейших тенденций развития науки и техники

²⁰¹ Bringing Together the DoD Science and Technology Enterprise // Reliance 21: Operating Principles. Washington, DC: Defense Technical Information Center, January 2014. URL: <http://www.acq.osd.mil/chieftechnologist/publications/docs/Reliance21OpPrinciples-Jan2014.pdf> (дата обращения: 09.04.2016)

классифицировано 17 магистральных областей знаний, или «портфолио», общевойскового значения, объединяющих более 10 тыс. оборонных проектов. К ним относятся системы командования, управления и разведки, механизмы повышения устойчивости ВВТ, кибертехнологии, средства радиоэлектронной борьбы и защиты, противодействие ОМУ, повышение автономности систем и взаимодействия человека и техники, перспективная электроника, авиационные, сухопутные и морские платформы, биомедицинские исследования, борьба с СВУ, тепловые и энерготехнологии, материаловедение и производственные процессы, датчики и обработка информации, космические системы и пр.

В каждой области сформированы экспертные советы, разрабатывающие стратегические планы и регулярно докладывающие органам управления о достижениях и проблемах при реализации магистральных НИОКР. Организована единая база данных исследований, проводимых различными подразделениями МО и ВС. Процесс также предусматривает углубление международной кооперации для повышения эффективности проведения исследований.

Параллельно с этим наметились изменения в структуре расходов на военные НИОКР. После окончания «холодной войны» военные тратили основную часть научных фондов на демонстрацию готовых прототипов ВВТ и их внедрение. Предполагалось, что со временем приоритеты финансирования будут меняться в пользу проведения фундаментальных исследований, разработки решений на ранних стадиях и апробации рискованных концепций путем массового создания прототипов. Главная задача такого подхода — обеспечить всеобъемлющую научно-техническую «страховку», чтобы при материализации потенциальных угроз иметь в запасе технологии, которые весьма быстро можно превратить в готовые системы оружия. Соответствующее долгосрочное видение начали фиксировать в оборонном бюджете с 2015 фин.г.

Реорганизация оборонной промышленности. Взаимоотношения министерства обороны США с производителями вооружений и военной техники принципиально отличаются от классической схемы связей между гражданскими заказчиками и поставщиками. В силу ряда особенностей, среди которых,

например, частный характер американского ВПК и широкие полномочия МО в области экспорта ВВТ, взаимозависимость сторон к XXI веку стала настолько сильной, что военные уже не могут существовать без коммерческих подрядчиков, а те, в свою очередь, не могут выжить без государственного оборонного заказа и не всегда способны диктовать свои условия, поскольку МО в любой момент может отменить закупочное решение. Предприятия имеют дело с единственным покупателем, без разрешения которого не имеют права сбывать свою продукцию на открытом рынке. Более того, в каком-то смысле, участники процесса поменялись ролями. Государство выступает в роли предпринимателя, инвестирующего в высокорисковые технологии, а оборонный бизнес берет на себя этактистские функции интеграции достижений НИОКР в готовую продукцию и проектного управления. Такие отношения не поддаются традиционным законам экономики и в экономической теории получили название «монопсония», или рынок одного покупателя.²⁰²

В отличие от проведения оборонных НИОКР, которые требуются при любой геополитической и экономической обстановке, после окончания «холодной войны» спрос на продукцию многочисленных предприятий военно-промышленного комплекса резко снизился, что привело к образованию переизбытка мощностей по производству систем ВВТ. Военно-политическое руководство США четко понимало, что войскам более не потребуется столько вооружений, как прежде, в силу отсутствия мощного врага, угрожающего выживанию страны. В этих условиях в МО были настроены сохранить ядро ВПК и встать во главе адаптации промышленной базы к сокращению спроса.^{203,204} Наряду с реформированием системы закупок стратегия предполагала ослабление антимонопольных ограничений, препятствовавших интеграции фирм. Как результат, в 1990-е – 2000-е гг. под жестким контролем МО последовала

²⁰² US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Eugene Gholz and Caitlin Talmadge. Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. P. 136.

²⁰³ Зименков Р.И., Соколова Е.А. США на мировом рынке вооружений // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №6. С. 37-52.

²⁰⁴ Sapolsky, H., Gholz, E. The Defense Monopoly // Regulation. 1999. Volume 22, No. 3, Fall. pp.39-43. URL: <http://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/regulation/1999/10/defensemonopoly.pdf> (дата обращения: 07.06.2016)

крупнейшая в истории США реструктуризация военного производства и изменение подходов к нему.

Корпоративные слияния и поглощения совместно с диверсификацией производства в оборонном секторе экономики привели к перестройке состава подрядчиков. Некогда ведущие контрагенты МО и ВС стали массово избавляться от непрофильных активов оружейной направленности, что снизило их корпоративную привлекательность и отразилось на прибыли, а поставщики-«среднячки», наоборот, стали скупать такие активы, наращивая промышленные и научно-технические возможности и тем самым укрепляя свои позиции в борьбе за оборонный заказ. В рамках оптимизации ВПК основные подрядчики заключили несколько десятков дорогостоящих сделок (преимущественно в аэрокосмической и судостроительной отраслях). Таким образом, к началу 2000-х гг. в отрасли сформировались «большая пятерка» вертикально интегрированных многопрофильных суперконцернов («Локхид-Мартин», «Боинг», «Нортроп-Грумман», «Рейтион» и «Дженерал Дайнемикс»), которые распределили между собой основную часть закупочных фондов МО.

По итогам консолидации оборонные «гиганты» столкнулись с общей проблемой дополнительных незадействованных мощностей, недостаточной координацией управления и повторением усилий по разным направлениям деятельности. Для исправления ситуации было решено провести внутрифирменную реструктуризацию. Компаниям пришлось подстраиваться под одновременный рост объемов производства и необходимость сокращения излишнего производственного потенциала и персонала. Стратегия, направленная на разработку и внедрение рационализаторских технологических решений (в т.ч. более дешевых и надежных технологий гражданского применения), получила название военно-гражданской интеграции.

Выбранный курс на сокращение издержек и повышение ценовой конкурентоспособности продукции и углубление интеграции по горизонтали и вертикали предполагал упорядочивание активов за счет постепенной интеграции производственных процессов и единой культуры управления в параллельно

функционирующих фирмах внутри холдинга, либо, наоборот, за счет высокой скорости интеграции поглощенных активов. Среди ключевых инструментов использовалась универсализация и взаимозаменяемость процессов во всех сферах деятельности фирм, унификация корпоративной культуры, ликвидация дублирующих функций, выработка общефирменной координации научно-технической политики для гармонизации НИОКР и оптимизация персонала.²⁰⁵

Головные оборонные подрядчики в США, однако, не занимаются полным производством ВВТ самостоятельно. Обычно они разрабатывают общий облик системы, производят отдельные части и проводят окончательную сборку продукции. Всю остальную работу между этими этапами выполняет разветвленная сеть субподрядчиков. Слияния первичных фирм оказали сильное влияние на общую структуру вторичных производств. За последние 25 лет также прошла консолидация последних и их более плотное сосредоточение вокруг ведущих предприятий. Взаимодействие между первыми и вторыми усилилось по критерию использования экономных технологий, удешевляющих производство, что позволило избавиться от неэффективных субподрядчиков. В итоге, к середине 2000-х гг. удалось добиться внушительных результатов (в частности, субподрядчики перешли от поставки разрозненных деталей к отгрузке головным компаниям готовых узлов и подсистем, которые гораздо проще и быстрее интегрировать в конечном продукте).

С учетом произошедших изменений в ВПК минобороны постаралось приспособить к этому процессу систему закупок ВВТ. За счет сокращения штата сотрудников, занятых приобретением ВВТ, удалось избавиться от избыточных звеньев управления и контроля основных подрядчиков. С конца 1990-х гг. военные перешли к новому подходу при заключении контрактов – от подбора разрозненных подрядчиков к выбору единого головного поставщика/группы поставщиков, или системного интегратора, который курирует мега-проекты создания т.н. «системы систем». Интегратор наделяется полным набором

²⁰⁵ Толкачев С.А. Реструктуризация и консолидация оборонной промышленности США, США-Канада: экономика, политика, культура. 2001. №1. С. 95-96.

принадлежавших ранее государству полномочий, включая определение и оценку технических требований и рисков, разработку и конструкторские усилия, отбор и распределение задач между субподрядчиками, закупку систем и комплектующих, контроль исполнения проектов и общее управление. Примерами таких контрактов являются работы по созданию средств противоракетной обороны, программа перспективных боевых систем сухопутных войск, создание спутников в интересах ВВС, семейства прибрежных боевых кораблей для ВМС и т.д.

В начале XXI века серьезный отпечаток на структуру оборонной промышленности наложили зарубежные войсковые операции в Ираке и Афганистане, а также тенденция к внедрению достижений «революции в военном деле» и необходимость перехода ВС к системам ВВТ для эффективного ведения «сетевой войны». В этой связи Пентагон стал проявлять растущий интерес к приобретению комплексных информационно-коммуникационных средств для обеспечения кросс-платформенного взаимодействия. Кроме того, большим спросом стали пользоваться оборонные услуги, которые к началу 2010-х гг. составили более половины закупочных расходов минобороны.

По мере усложнения требуемых войскам систем, а также необходимости решать более широкий круг военно-политических задач в глобальном масштабе, в рамках курса на углубление союзнических связей в последние 10-15 лет наблюдается тенденция к интернационализации крупных оборонных проектов (например, создание межвидового ударного истребителя F-35, в разработке которого участвуют компании из 8 стран-союзников США, противоракетные программы с ЕС, Израилем и Японией и т.д.). Американский ВПК, однако, только начинает приспосабливаться к глобализации военной промышленности. Ведущие подрядчики постепенно осознают выгоды от кооперации с зарубежными партнерами, укрепляя тем самым свой научно-технический и производственный потенциал. Этот процесс устраивает и МО, которое, борясь с монополизацией внутреннего рынка вооружений, заинтересовано в расширении круга поставщиков, сохранении здоровой конкуренции за получение заказов для снижения конечной цены приобретаемой продукции. При этом, фундаментальное

значение в этих условиях приобретает защита чувствительных оборонных технологий, которую удастся обеспечить с помощью начатой при администрации Б. Обамы реформы системы экспортного контроля.

Тенденции развития военно-технического сотрудничества. Помимо того, что США являются крупнейшим мировым центром военных НИОКР и обладают самой развитой в мире оборонной промышленностью, после окончания «холодной войны» они всячески стремятся поддерживать свое ведущее место экспортера вооружений и военной техники. Вслед за сокращением военных расходов в 1990-е гг. наблюдались два разнонаправленных процесса – значительное сужение мирового рынка оборонной продукции и интенсификация конкуренции в сфере военно-технического сотрудничества. В этих условиях на протяжении последних двух десятилетий военно-политическое руководство США рассматривало ВТС в качестве необходимого инструмента продвижения интересов национальной обороны и безопасности и в силу особого характера отношений с подрядчиками пыталось удерживать в глобальном масштабе позиции американской военной продукции.

Экспорт вооружений позволяет США оказывать влияние на геополитическую обстановку в мире, вовлекая государства-импортеров в сферу американского влияния для закрепления глобального военно-политического доминирования, укреплять оборонный потенциал союзников, постоянно испытывать новые образцы вооружений, вытесняя конкурентов с рынка наукоемкой продукции, продуктивно загружать пустующие производственные мощности ВПК и получать при этом стабильный источник денежных средств.

Совершенствование наукоемких разработок и поддержание мощной оборонно-промышленной базы подчеркнули преимущества и создали благоприятные условия для продвижения ВВТ американского производства в мире. Однако требовались дополнительные усилия со стороны государства. Весомый вклад в этот процесс внесло министерство обороны, которое является одним из основных ведомств, отвечающих за ВТС. Выступая в качестве самостоятельного экспортера продукции военного назначения по

межправительственным соглашениям, МО также координирует продажу оружия по коммерческим каналам.

Анализ действий военно-политического руководства в 1990-е – 2010-е гг. позволяет выделить ряд тенденций, характерных для совершенствования военно-технического сотрудничества США с зарубежными странами.^{206,207} Общий подход предполагал расширение оружейного экспорта и укрепление конкурентных позиций американских компаний на мировом рынке. Для решения этих задач был реализован широкий набор политических и экономических средств.

Во-первых, была взята линия на оказание всесторонней поддержки национальным экспортерам ВВТ. Помимо финансовой составляющей, государственные органы США, среди которых, наряду с МО участвовали Госдепартамент и министерство торговли, предоставляли информационную и политическую помощь, помогая ВПК в сборе данных о потенциальных заказчиках и их возможностях по приобретению и принимая активное участие в сопровождении сделок. Во-вторых, государственная политика была направлена на оказание дипломатического, торгово-экономического, международно-правового давления на союзников и перспективных партнеров по ВТС. Так, например, в ходе зарубежных визитов высокопоставленные представители администрации США регулярно лоббируют военно-экспортную тематику.

Таким образом, в начале XXI века отмечается стабильный рост объемов и географического охвата американских поставок вооружений. Кроме закрепления позиций среди традиционных импортеров – ближайших союзников (страны НАТО, Япония, Израиль, Австралия) и партнеров (Ближний Восток и Латинская Америка), США планомерно обеспечивают себе доступ на новые зарубежные рынки (например, Юго-Восточная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион в целом). Добиться этого, в первую очередь, позволяет расширение списка программ помощи, включающих поставки военных технологий и вооружений,

²⁰⁶ Зименков Р.И. Проблемы и перспективы США в мировой торговле оружием // США-Канада: экономика, политика, культура. 2012. №6. С. 37-56.

²⁰⁷ US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. London; New York: Routledge, 2012. P. 172-179.

расширение номенклатуры и повышение качества продукции ВПК (например, в области беспилотных летательных аппаратов, средств коммуникации, электронике и т.д.), проведение новой маркетинговой стратегии и применение всех доступных торговых инструментов (прямые поставки, создание совместных предприятий и совместное производство, лицензионное производство за рубежом, продажа в долг, по бартеру, в лизинг, заключение компенсационных, или офсетных соглашений). Немаловажную роль в этом процессе играет либерализация режима экспортного контроля, направленная на облегчение вывоза продукции военного назначения при одновременном повышении защищенности наиболее чувствительных технологий. Так, для укрепления ВТС после событий 11 сентября 2001 г. США пересмотрели рестрикции в отношении поставок ВВТ в страны, которые ранее находились под санкциями, в связи с углублением сотрудничества по борьбе с терроризмом, провели обзор основных категорий оружейных систем и перестроили процесс выдачи экспортных лицензий на них.

2.4. Реформирование социальной сферы военной организации США

Социальная составляющая американских вооруженных сил является одним из ключевых элементов поддержания национальной обороны и безопасности США. Надлежащая забота о военнослужащих рассматривается в Министерстве обороны США в качестве необходимого условия сохранения привлекательности воинской службы и стимулирования личного состава продолжать военную карьеру. Социальные гарантии в сочетании с заботой о личном составе и их семьях позволяют повысить эффективность функционирования военной организации, обеспечивая должный уровень боевого духа, дисциплины и боевой готовности ВС США.

Начиная с начала первого десятилетия XXI века МО США стабильно увеличивает инвестиции в человеческий капитал, что во многом обусловлено интенсификацией проведения боевых операций, а также общими тенденциями

социальной политики США. В настоящее время доля социальных расходов минобороны, включая выплату жалования личному составу, предоставление различных льгот и услуг военным и гражданским специалистам, отставникам и членам их семей, составляет порядка 30% бюджета Пентагона, что почти вдвое больше расходов на приобретение вооружений и военной техники. Как отмечают исследователи данного вопроса, грамотное управление социальной сферой ВС – важная, но сложная задача для военно-политического руководства США, которое отводит реформированию этой области одно из самых приоритетных мест в рамках общего курса на преобразования в МО.²⁰⁸

Реформирование социальной сферы военной организации США – процесс многомерный и длительный. Динамика изменений последних трех десятилетий свидетельствует, что министерство обороны стабильно наращивало вложения в социальное обеспечение ВС, удовлетворяя широкий круг потребностей курируемого персонала. При этом у руководства МО было понимание, что само по себе финансирование не означает автоматического повышения эффективности оказываемых соцуслуг. Поэтому инвестиции после окончания «холодной войны» направлялись военными на формирование и укрепление дееспособной системы управления, которая позволит с максимальной пользой распоряжаться имеющимися ресурсами.

В связи с этим, начиная с 1990-х гг., МО США планомерно проводит политику реорганизации системы военного здравоохранения и повышения качества медицинских услуг, модернизировало механизмы выплат компенсаций, страхования военнослужащих, совершенствовало пенсионную систему, пыталось улучшить жилищные условия и т.п. Наибольших успехов здесь американским военным удалось добиться при администрациях Дж. Буша-мл. и Б. Обамы.

Важным аспектом реформирования социальной сферы МО США на современном этапе является распространение политики «равенства возможностей» для различных категорий американских граждан. Если после

²⁰⁸ Филимонов О.В. Управление социальной сферой в вооруженных силах: опыт США // США-Канада: экономика, политика, культура. 2010. №6. С.35.

войны во Вьетнаме вооруженные силы США стремились органично интегрировать в свои ряды представителей расово-этнических групп для того, чтобы лучше отразить в войсках структуру американского общества, то после окончания «холодной войны» министерство обороны приступило к решению гендерного вопроса. В частности, это отразилось на повышении роли женщин в вопросах управления военной организацией, открытии ранее недоступных им военных специальностей, а также сказалось на углублении инклюзивности представителей сексуальных меньшинств в рядах ВС США.

С начала 2010-х гг., по мере сворачивания кампаний в Ираке и Афганистане и возникновения неблагоприятной ситуации в мировой экономике, негативно повлиявшей и на американское хозяйство, реформа социальной сферы ВС США приобрела дополнительный импульс. Данная область деятельности военной организации начала сталкиваться с долгосрочными эффектами затяжных боевых действий и необходимостью бюджетной экономии, что потребовало решения весьма обширного круга проблем, связанных с лечением и социализацией участников боевых действий, трудоустройством увольняемого персонала и т.д.

Администрация Д. Трампа декларирует продолжение приверженности принципам обеспечения социальных гарантий военнослужащим, в целом продолжая курс предшественников, в первую очередь в области здравоохранения и пенсионного обслуживания. Вместе с тем, до конца решить проблемы военного и гражданского персонала МО США по-прежнему не удалось даже несмотря на проведенную в последние десятилетия оптимизацию процессов и растущие затраты (как в абсолютном, так и в относительном выражении). Во многом причины сводятся к остающейся забюрократизированности и неповоротливости данного направления деятельности военной организации. Однако, очевидно, что американцы будут продолжать преобразования на данном направлении.

Совершенствование системы медицинского обслуживания. Наибольшие изменения в сфере социального обслуживания военнослужащих США в последние десятилетия произошли в системе военного здравоохранения. Расходы на данном направлении стремительно растут уже на протяжении многих лет и в

настоящее время составляют около трети всех социальных расходов МО США, или порядка 10% от общей сметы на нужды национальной обороны.

Особенность в том, что если в целом в США медицинское обслуживание для граждан является платным и дорогим, то военным значительную часть расходов на эти цели компенсирует минобороны. Из-за этого, по выражению бывшего главы ведомства Р. Гейтса, «траты на медицину съедают министерство заживо».²⁰⁹ Система обслуживает порядка 9,5 млн. клиентов и ставит своей целью поддержание здоровья военнослужащих во время боевых действий, а также предоставление медицинских услуг в мирное время действующим и отставным военным и членам их семей.

После окончания «холодной войны» система военного здравоохранения в США прошла значительные преобразования, была консолидирована и сегодня объединяет «под одной крышей» все медицинские подразделения вооруженных сил (от КНШ, ВВС, ВМС и Корпуса морской пехоты, Сухопутных войск, боевых командований, а также от подведомственной министерству внутренней безопасности Береговой охраны), обладает развитой сетью специализированных и общих военно-медицинских учреждений, включая госпитали, клиники и аптеки (в т.ч. гражданские), содержит в штате десятки тысяч медицинских специалистов и предоставляет соответствующие страховые услуги.

Однако, несмотря на многолетние усилия по централизации управления медобслуживанием, до относительно недавнего времени в МО США отсутствовал единый административный орган, курирующий вопросы здоровья личного состава. Виды войск занимались этим самостоятельно, нередко дублируя функции друг друга. В результате преобразований только в 2013 г., на фоне общей реформы системы медицинского обеспечения США, проведенной администрацией Б. Обамы, в структуре МО было создано Управление здравоохранения, главной целью которого стала выработка скоординированной

²⁰⁹ Gates, R. Defense Spending // Speech by Secretary of Defense Robert M. Gates. Eisenhower Library, Abilene, KS, May 8, 2010. URL: <https://archive.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1467> (date of access: 20.11.2019)

политики, интеграция всего спектра предоставляемых услуг и снижение сопутствующих издержек.

По заявлениям военно-политического руководства, уже в первые годы работы подразделение добилось ощутимых успехов. В рамках установки на повышение межвидового взаимодействия был преодолен барьер между медицинскими службами отдельных видов ВС, что, среди прочего, позитивно сказалось на выживаемости раненных американских бойцов во время вооруженных конфликтов благодаря слаженным действиям различных подразделений при оказании медицинской помощи.²¹⁰

Существенные преобразования произошли и в механизмах обеспечения основной статьи расходов на здравоохранение – медицинского страхования. С 1960-х гг. в США существовала весьма разрозненная и громоздкая страховая система, обремененная постоянно растущими издержками. Однако накануне XXI века министерство обороны всерьез взялось за ее совершенствование. С середины 1990-х гг. военные развивают программу страхования, аналогичную государственным программам «Медикер» и «Медикэйд», и существенно их дополняющую, – «Трайкер» ("*TRICARE*"), рассчитанную на обслуживание как в военно-лечебных учреждениях, так и в заведениях частного сектора.

В целях повышения управляемости данной программы военные создали на территории США 12 медицинских округов, в которых работали уполномоченные коммерческие страховые и медицинские организации (в 2000-е гг. их консолидировали в три округа). Программа предусматривает широкий набор страховых планов и в результате внедренных нововведений охватывает максимально широкое количество категорий военнослужащих, включая военных пенсионеров, резервистов, а также обслуживание для их семей.²¹¹ В связи с необходимостью экономии бюджетных средств с начала 2010-х гг. руководство

²¹⁰ New Defense Health Agency Exceeds Goals, Officials Say // American Forces Press Service, February 28, 2014. URL: <https://archive.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=121750> (date of access: 20.11.2019)

²¹¹ Kokulis, J. Preserving the military health care benefit: Needed steps for reform. American Enterprise Institute, October 17, 2013. URL: <https://www.aei.org/research-products/working-paper/preserving-the-military-health-care-benefit-needed-steps-for-reform/> (date of access: 20.11.2019)

МО США пытается оптимизировать работу программы «Трайкер» за счет снижения государственной доли софинансирования страховых планов и повышения размера ежегодных сборов с получателей услуг.

Одновременно повсеместное распространение получили коммерческие подходы к обеспечению военнослужащих медицинскими материалами и услугами. На основании общенациональной программы поддержки медицинского материально-технического обеспечения разработана и внедрена единая для всех видов войск электронная автоматизированная логистическая система, предоставляющая лекарства и услуги в кратчайшие сроки по наименьшей в США стоимости.²¹²

Реформированию сферы здравоохранения в МО способствует в последние годы и углубление кооперации с частными компаниями по многопрофильным научно-техническим исследованиям и разработкам в области военной медицины, включая создание лекарственных препаратов, совершенствование методик лечения, внедрение передовых биомедицинских технологий в области полевой хирургии, иммунологии, трансплантологии, индивидуальной защиты, оказания первой и экстренной медицинской помощи и т.д.

Кроме того, для решения проблемы хранения медицинской документации, особенно с учетом повышенной географической мобильности военнослужащих, внедрена система личных учетных медицинских карт.²¹³ Это индивидуальные пластиковые карточки с полной историей болезни, медицинскими показаниями, списком прививок, а также с информацией, которая касается места и условий прохождения службы. Документ должен постоянно находиться при владельце. Данные регулярно обновляются, чтобы достоверно определить, при каких обстоятельствах военнослужащие могли подвергнуться вредному воздействию.

Важным элементом реформирования системы медицинского обеспечения ВС США в начале XXI в. стало поддержание и восстановление морально-

²¹² Тищенко Г.Г. Повышение экономической эффективности военного строительства в США. М.: Российский институт стратегических исследований, 2004. С.320.

²¹³ Тищенко Г.Г. Повышение экономической эффективности военного строительства в США. М.: Российский институт стратегических исследований, 2004. С.320-321.

нравственного здоровья военнослужащих и членов их семей. Участие США в многочисленных боевых операциях за рубежом, в первую очередь в Ираке и Афганистане, привело к возникновению острой необходимости реагировать на вызванную психическими расстройствами (например, синдромом посттравматического стресса) череду негативных явлений и вопиющих случаев в войсках в последние годы – таких, как алкоголизм, наркомания, насильственные действия, включая убийства, в отношении сослуживцев, членов семей и гражданского населения, в том числе в зонах боевых действий.

В свете обострения данной проблемы особое внимание со стороны военно-политического руководства уделяется социальной реабилитации военнослужащих, находящихся в «горячих точках» и возвращающихся оттуда, профилактике сексуального насилия и предотвращению суицидов. В связи с этим с конца 2000-х гг. МО предприняло масштабную попытку расширить штат психологов и психиатров (привлекая многих из частного сектора), которые, помимо прочего, помогают в корректировке политики адаптации военных к мирной жизни. Вместе с тем, к началу 2020 г., как признаются в Управлении здравоохранения МО США, по-прежнему ощущается нехватка специалистов в данной области, и проблема психологической помощи остается нерешенной.²¹⁴

Преобразования системы пенсионного обеспечения. Заметное место в структуре социальных расходов МО занимают пенсионные выплаты. На сегодняшний день в США сложился весьма развитый механизм обеспечения солдат и офицеров, вышедших в отставку, который качественно отличается от пенсионных механизмов в гражданских органах власти и в частном секторе. Система предполагает различные варианты начисления выходного пособия, однако для его получения важно соответствовать одному критерию: срок службы в вооруженных силах должен превышать 20 лет (если же он меньше,

²¹⁴ Current Challenges in Recruiting and Retaining Mental Health Professionals // US Department of Defense Report to Congress, November 26, 2019. URL: <https://health.mil/Reference-Center/Congressional-Testimonies/2019/11/26/Mental-Health-Professionals> (дата обращения: 26.11.2019)

военнослужащий не может претендовать на пожизненную пенсию после того, как покинет войска).

Схематично выходное пособие американских военнослужащих рассчитывается как произведение платежной базы, приравненной к уровню регулярного жалования за определенный период, на множительный коэффициент, который зависит от срока службы, с поправкой на инфляцию и возможные разовые премиальные выплаты за выслугу лет. Причем при некоторых условиях накопления облагаются налогами. Конечный размер пенсии может различаться в зависимости от выбранного плана:

- «Файнал пэй» ("*Final Pay*") для тех, кто вступил в ряды ВС США до сентября 1980 г.,

- «Хай 36»/«Хай 3» ("*High 36*"/"*High 3*") для тех, кто вступил в ряды ВС США между сентябрем 1980 г. и августом 1986 г.,

- «СиЭсБи/РЕДАКС» ("*CSB/REDUX*") для тех, кто вступил в ряды ВС США после августа 1986 г.,

- а также пенсия по инвалидности (*Disability Retirement*).²¹⁵

В первом случае за платежную базу принимается зарплата за последний месяц службы. Вторая и третья программы считают отправной точкой среднемесячное значение за трехлетний период (36 месяцев), в течение которого отставник получал наиболее высокое жалование. Ежегодный мультипликатор в первых двух планах равен 2,5% от платежной базы и увеличивается на тождественные 2,5 процентных пункта ежегодно – таким образом, по достижении 20-летнего срока пенсионер будет получать половину от платежной базы (при продолжении службы значение мультипликатора сохраняется, но в итоге пенсия не может превысить 75% от оклада).

В рамках третьей программы первые 20 лет множитель составляет 2% (т.е. максимум пенсии – 40% от платежной базы), однако после этого срока ежегодный коэффициент возрастает до 3,5%. Поправка на инфляцию в первых двух планах

²¹⁵ Military Pay and Benefits. URL: militarypay.defense.gov (дата обращения: 17.01.2016)

приравнена к такому макроэкономическому показателю, как ежегодный индекс потребительских цен (*Consumer Price Index, CPI*), в третьем плане – CPI минус один процентный пункт (в случае нулевой или отрицательной инфляции индексация не производится). Кроме того, в рамках третьей программы после 15 лет в ВС военнослужащий получает стимулирующий единовременный бонус в размере 30 тыс. долл. США с обязательством прослужить еще 5 лет. Пенсия по инвалидности аналогична первым двум программам (при этом срок службы может быть менее 20 лет) с тем различием, что в качестве мультипликатора может также выступать степень недееспособности.

Действующая военная пенсионная система сложилась в США на рубеже XX–XXI веков. Ее реформирование только начинается. Американские эксперты и военные отмечают, что в таком виде общая схема не отвечает требованиям времени, слишком дорого обходится бюджету и является несправедливой. Например, солдат, отслуживший несколько боевых туров в «горячих точках», но вышедший в отставку раньше положенных 20 лет, пенсию получать не будет, в то время, как штабной офицер КНШ, достигший этого срока, имеет право на выходное пособие.²¹⁶

В поисках оптимальных путей реформирования социальной сферы военной организации в 2014 г. военно-политическое руководство США инициировало дискуссию о перспективах преобразований пенсионной системы для военнослужащих, опубликовав соответствующую «Белую книгу» предложений.²¹⁷ Новая концепция предусматривала более справедливое начисление пенсионных выплат и была направлена на долгосрочную экономию бюджетных средств МО.

Основным нововведением по «Белой книге» предусматривалась отмена двадцатилетнего «квалификационного» срока службы. Предполагалось, что военнослужащие смогут выбрать пенсионный план, сходный с гражданской программой 401(k), в рамках которого министерство заведет накопительный счет, на который в течение всего срока службы (минимум шесть лет) будут поступать

²¹⁶ Military Pension Reform 2.0 // Wall Street Journal, March 23, 2014.

²¹⁷ Concepts for Modernizing Military Retirements. Washington, D.C.: Department of Defense, March 2014. 41 p.

отчисления в размере 5% от заработной платы. В этом случае даже если военный уволится из ВС раньше 20 лет службы, у него будет пенсия. Однако владелец сможет воспользоваться средствами с накопительного счета только по достижении 59,5 лет.

Кроме того, предусматривались более гибкие единовременные поощрительные выплаты за выслугу лет. По достижении 12 лет на службе военным планировалось предоставлять бонус в размере нескольких месячных окладов (в зависимости от принадлежности к солдатско-сержантскому или офицерскому составу), что должно послужить стимулом остаться в войсках, а после 20 лет службы выплатить дополнительное жалование в размере одного или нескольких годовых окладов – т.н. переходная выплата.

Среди инициатив также пониженные значения для множительного коэффициента (1,75-2%) и показателя индексации. С учетом того, что многие военнослужащие выходят в отставку, находясь еще в трудоспособном возрасте, предполагалось, что они будут иметь дополнительный источник дохода. В этой связи в МО США предлагали выплачивать таким «пенсионерам» сокращенное пособие до достижения ими законодательно установленного пенсионного возраста (62 года), после чего пенсия будет выдаваться в полном объеме.

Результатом дискуссии стало внедрение большинства рекомендаций «белой книги» в т.н. «смешанной пенсионной системе» (*Blended Retirement System*), которая стала важным шагом на пути реформирования всей системы социального обеспечения военнослужащих.²¹⁸ Благодаря поддержке со стороны законодателей, соответствующие преобразования были включены в Закон о расходах на национальную оборону в 2016 фин.г., и с 2018 г. МО США приступило к реализации переходной схемы. В ее рамках все, кто поступил на службу после этой даты, автоматически подписаны на новый план. Те же, кто пришел на службу до 2018 г. и пользовался одним из трех обозначенных выше пенсионных планов, в течение года могли перейти на смешанную систему. Однако из них, по

²¹⁸ Uniformed Services Blended Retirement System. URL: <https://militarypay.defense.gov/BlendedRetirement/> (дата обращения: 10.05.2018)

данным минобороны, добровольно это сделать решилось лишь порядка 15% военнослужащих.²¹⁹

Новые явления в гендерной политике МО США. Современная военная организация США уже немыслима без женщин. Однако традиция их широкого включения в деятельность вооруженных сил и министерства обороны существует относительно недавно. Долгое время эта сфера деятельности не демонстрировала уровня гендерного равенства, который характерен, к примеру, для американской экономики или политики. Однако, за последние несколько десятилетий произошли качественные сдвиги, поскольку значительные изменения претерпел характер боевых действий, и физическая сила стала уступать свое место передовой технике, специализированным знаниям и навыкам. В связи с этим новые формы ведения боя стали допускать применение в сфере обороны концепции «равных возможностей» вне зависимости от гендерной принадлежности.²²⁰

Такой подход постепенно стал находить отражение в доктринальных документах и задачах ВС США, которым после окончания «холодной войны» потребовалось значительно больше ресурсов для проведения боевых операций. В этот период американское военно-политическое руководство осознало важность использования всего человеческого капитала для быстрого и результативного достижения целей. Практика показала, что равноправное участие женщин в военной организации повышает качество принятия решений на всех уровнях и, как следствие, общую эффективность обеспечения национальной обороны и безопасности. Прием на службу женщин отражает многообразие общества и дает военным возможности лучше справляться с проблемами, характерными для современных конфликтов.²²¹

²¹⁹ Jowers, K. Not many troops are opting into the new retirement system // Military Times. 2018. October 22. URL: <https://www.militarytimes.com/pay-benefits/2018/10/22/not-many-troops-are-opting-into-the-new-retirement-system/> (дата обращения: 23.10.2018)

²²⁰ Суркова И.Ю. Стратегия интеграции женщин в вооруженные силы: гендерное табу против военной тактики // Женщина в российском обществе. 2012. №4. С.9-10.

²²¹ Хендрикс Ш., Хаттон Л. Гендер и военная реформа // Справочное пособие «Гендер и РСБ», Часть 3 / ДКВС, БДИПЧ ОБСЕ, МУНИУЖ ООН. Женева, 13 февраля 2008 года.

Американцы убедились, что гендерное равноправие в войсках способствует усилению общей боеготовности, т.к. расширяет кадровый резерв и базу интеллектуальных, технических, коммуникативных навыков личного состава. К примеру, кампания в Ираке в 2000-е гг. выявила, что местное население легче идет на контакт с военнослужащими-женщинами, так как подсознательно видит с их стороны меньшую угрозу, чем со стороны мужчин в форме. Это, в свою очередь, позитивно влияет на разведывательные возможности, позволяя получить более подробные и точные данные, необходимые для принятия решений.²²²

Дорогу женщинам в ряды американских ВС проложил ряд законодательных, ведомственных и общественных инициатив еще в 1970-е гг. Так, была принята поправка к Конституции США «О равных правах», запретившая любую дискриминацию по половому признаку во всех областях профессиональной деятельности, включая военную. МО США сняло общие запреты на службу женщин в подразделениях вооруженных сил (был расширен перечень доступных им военно-учетных специальностей) и разрешило обучаться в высших военных учебных заведениях, что проложило им путь на командные и руководящие должности. Важную роль в становлении гендерной интеграции сыграло движение за права женщин, а также переход от призывной системы к комплектованию на контрактной основе. Появлению политической воли для адаптации гендерного фактора в ВС США на рубеже XX-XXI веков также способствовал широкий доступ женщин на руководящие должности в исполнительной власти.

С тех пор в США планомерно поощряется стремление женщин к продвижению по военной службе и выполнению полного спектра оперативных и вспомогательных задач, а также создается общая гендерная культура в войсках. Таким образом, с 1970-х по 2010-е гг. доля женщин среди рядового состава выросла в семь раз (с 2 до 14%), а среди офицерского – в четыре (с 4 до 16%). Общая же доля в ВС стала составлять порядка 14,5%, или около 215

²²² Women deserve a fighting chance // Washington Post, April 4, 2014.

тыс.человек.²²³ Широко представлены женщины и в центральном аппарате министерства обороны, где они занимают не только низовые позиции, но и высокие должности, включая ст.зам.главы Пентагона, зам.министров, а также министров видов ВС.

Заметных успехов в расширении женского участия в обороне удалось добиться в 1990-е гг. К этому времени женщины проходили службу преимущественно в обеспечивающих и небоевых подразделениях, репрезентативность же в боевых частях была минимальной (например, в 1986 г. им только-только разрешили служить на пунктах управления пусками межконтинентальных баллистических ракет). После анализа операции «Буря в пустыне» с подачи Конгресса МО США открыло для них более 250 тыс. ранее недоступных позиций на поле боя. В частности, им разрешили управлять самолетами ударной авиации и служить на всех судах надводного флота (на атомные подводные лодки женщин допустили лишь в 2011 г.). При этом Пентагон ввел запрет на прохождение службы в соединения ниже бригадного уровня (3-5 тыс. чел.), принимающих непосредственное участие в наземных боях.²²⁴

К началу 2010-х гг. потребовался очередной гендерный разворот, который должен был закрепить де-юре фактическое участие женщин в прямых боевых действиях на суше. Опыт операций в Ираке и Афганистане в 2000-е гг. показал, что они не хуже мужчин справлялись с самыми сложными задачами. С 2001 г. в этих конфликтах приняло участие более 300 тыс. женщин, несколько сот погибло, более 1000 получило ранения. В результате общественной дискуссии, развернувшейся в США по мере завершения этих операций, в 2012 г. женщинам стало доступно еще 14 тыс. должностей в полевой разведке и мотострелковых частях, а в 2013 г. руководство МО сняло остававшиеся ограничения, допустив женщин к выполнению всего спектра задач на поле боя и тем самым открыв им

²²³ Patten, E. Women in the U.S. Military: Growing Share, Distinctive Profile. December 22, 2011 // Pew Research Social and Demographic Trends. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2011/12/22/women-in-the-u-s-military-growing-share-distinctive-profile/> (дата обращения: 10.05.2018)

²²⁴ Burrelli, D. Women in Combat: Issues for Congress // Congressional Research Service Report R42075. Washington, DC: May 9, 2013. URL: http://www.ncdsv.org/images/CongResearchService_WomenInCombatIssuesForCongress_5-9-2013.pdf (date of access: 21.11.2019)

еще порядка 240 тыс. вакансий на передовой – в артиллерии, танковых войсках, пехоте и силах специального назначения.²²⁵ До этого наиболее строгий запрет в отношении женщин действовал в СВ и КМП, где для них было закрыто 25% и 30% позиций соответственно. Для сравнения, в ВМС было закрыто 12%, в ВВС – 1%.²²⁶

Новые правила внедрялись постепенно. До 2016 г. командующие на местах определяли список специальностей, от которых женщин все же освободят, на основе т.н. принципа «гендерного нейтралитета» (*gender neutrality*), который предполагает не только реализацию принципа равных возможностей, но и одинаковое отношение, стандарты и физические требования, предъявляемые к военнослужащим при прохождении службы (ранее в видах ВС для девушек были послабления). Представляется, что в этом случае гендерная интеграция в ВС США уже не считается самоцелью, а лишь средством повышения эффективности военного строительства.

Помимо женщин, на рубеже XX-XXI веков сдвиги произошли и в культуре восприятия войсками представителей сексуальных меньшинств. Руководствуясь соображениями репрезентативности всего многообразия американского общества, в начале 1990-х гг. президент У. Клинтон решил выполнить свое предвыборное обещание отменить запрет гомосексуалистам на прохождение службы в вооруженных силах. Это не означало, что ранее они не были представлены в войсках; они попросту не распространялись о своей ориентации. Однако в МО и ВС США было понимание, что это будет существенно отличаться от интеграции в войска расово-этнических групп. Столь кардинальная инициатива вызвала сопротивление высшего звена военного управления, однако в Белом доме продолжали настаивать на решении этого вопроса.

В итоге, по совету тогдашнего председателя КНШ К. Пауэлла, в 1993-1994 гг. было выработано компромиссное решение, получившее название политики «не спрашивай-не рассказывай». В соответствии с ней командиры не

²²⁵ Londoño, E. Pentagon removes ban on women in combat // Washington Post, January 23, 2013.

²²⁶ Whitlock, C. Pentagon to ease restrictions on women in some combat positions // Washington Post, February 9, 2012.

имели права выяснять сексуальную ориентацию подчиненных, последние же не должны были ее открыто афишировать, в противном случае они не могли служить в ВС. Если же случайно становилось известно о принадлежности действующих военнослужащих к обозначенной категории лиц, то они должны были продемонстрировать способность строго соответствовать принятым правилам службы – именно исходя из этого, а не из ориентации, отныне следовало оценивать их пригодность к службе.²²⁷ При этом, по данным МО, в связи с нововведениями тогда войска покинуло порядка 14 тыс.чел.

В таком виде схема просуществовала до администрации Б. Обамы, которая на фоне общего расширения прав ЛГБТ-сообщества в 2010 г. добилась подписания закона об отмене политики «не спрашивай-не рассказывай», разрешив лицам нетрадиционной сексуальной ориентации открыто служить в войсках. Министерство обороны разработало соответствующие инструкции войскам, и с сентября 2011 г. новая политика вступила в силу.^{228,229} Однако администрация Д.Трампа, руководствуясь консервативными идейно-ценностными установками, постепенно сворачивает нововведения предшественника на этом направлении.²³⁰

2.5. Выводы

Традиционно при оценке оборонных преобразований в США исследователи данного вопроса ориентируются на фрагментарные достижения отдельных этапов в рамках различных процессов, признавая успехи не столь значимыми по сравнению с теми целями, которые ставит перед министерством военно-

²²⁷ Herspring D. The Pentagon and the Presidency: Civil-Military Relations from FDR to George W. Bush. University Press of Kansas, 2005. P. 342.

²²⁸ ‘Don’t Ask Don’t Tell’ ends in quiet, personal ways // Washington Post, September 20, 2011.

²²⁹ Repeal of Don’t Ask Don’t Tell and Future Impact on Policy // Memorandum for Secretaries of the Military Departments. Washington, D.C.: Under Secretary of Defense for Personnel and Readiness, January 28, 2011. URL: http://archive.defense.gov/home/features/2010/0610_dadt/USD-PR-DADT_28Jan11.pdf (дата обращения: 23.11.2019)

²³⁰ McNamara, A. Trump’s Transgender Military Ban Takes Effect Today // The Daily Beast, April 12, 2019. URL: <https://www.thedailybeast.com/trumps-transgender-military-ban-takes-effect-today> (дата обращения: 20.11.2019)

политическое руководство. Такие выводы, как правило, делаются на основании рассмотрения изменений в течение небольших промежутков времени, в то время как реформы зачастую влекут за собой долгосрочные, отложенные эффекты. В связи с этим в настоящей работе приведен комплексный анализ реформ основополагающих сфер деятельности Пентагона в широкой ретроспективе, что дает возможность точнее оценить их результаты, сделать ряд общих выводов относительно их эффективности, наметить характерные проблемы, с которыми ведомство продолжает сталкиваться при реформировании внутренних процессов, а также обрисовать перспективные направления изменений в начале XXI века.

К настоящему времени МО удалось добиться множества поставленных целей по основным направлениям деятельности. Так, ведомство сумело повысить эффективность ключевых подразделений при принятии решений, перераспределило функции между структурами таким образом, что установился гражданский контроль за сферой национальной обороны при сохранении значительной роли военных в осуществлении планирования и реализации программ. Военно-политическое руководство США в целом смогло консолидировать управление системами и процессами в МО и ВС и одновременно децентрализовало их исполнение, осуществило интеграцию кадрового потенциала за счет расширения категорий граждан, которые имеют право участвовать в оборонной деятельности, и усилило социальную защиту военнослужащих и их семей.

Постепенное приспособление ведомства к условиям после окончания «холодной войны» доказало, что МО может быть гибким в реакции на изменения геополитической и военно-стратегической обстановки, а также на социально-экономические преобразования. Министерство с успехом внедряет научно-технические достижения гражданского сектора экономики, помогает адаптироваться военно-промышленному комплексу и умело использует военно-технические возможности зарубежных партнеров. На протяжении двух последних десятилетий в рамках установки на повышение «объединенности» Пентагон стремится стать более «сетевцентричной» организацией, проводя не только

институциональные преобразования по вертикали, но и параллельно укрепляя связи по горизонтали и реформируя методы функционирования.

Несмотря на длительность проведения административной и хозяйственной реформ, в МО только-только наметилась стабилизация системы управления. Важным достижением стало массовое устранение административных барьеров. Наибольших успехов удалось добиться в оптимизации и более компактном построении таких сфер, как система планирования-программирования-бюджетирования-исполнения и финансовая деятельность. Однако, процессы по-прежнему продолжают приспосабливаться к современным тенденциям и веяниям организационной теории, а также к достижениям в сфере информационных технологий. Из-за этого, например, медленнее, чем предполагалось, функционируют различные внутренние области деятельности министерства, которые подвержены частыми изменениям.

Ключевую роль в успехах реформирования МО США играет информатизация оборонных процессов. Она дает возможность быстрой обработки и хранения больших массивов данных. В настоящее время МО занято созданием общих баз данных по наиболее важным вопросам хозяйственной деятельности и обеспечением доступа к ним всех заинтересованных подразделений. Этот этап преобразований стремительно набирает обороты по мере внедрения «единого информационного пространства». Крайне важно, в этой связи, продолжать информационную интеграцию всех ресурсов и процессов внутри МО и ВС, поскольку она гарантирует эффективность проведения реформ, сокращает время, необходимое для принятия решений, повышает точность планирования, а также позволяет лучше оценить проведенные преобразования, скорректировать их курс и выбрать наиболее подходящие инструменты для дальнейших преобразований.

Наряду с успехами реформирование МО США в начале XXI века также сталкивается с рядом проблем, решение которых потребуется на будущих этапах. В целом, заметно отставание практических шагов от теоретических наработок, зафиксированных в директивных документах. Представляется, что при всей видимой системности многочисленных преобразований они носят фрагментарный

и порой спонтанный характер, зачастую прослеживается определенная нескоординированность и непоследовательность проведения реформ. В министерстве понимают, в каком направлении надо двигаться, но не всегда имеют представление о том, как именно осуществлять изменения. В итоге, нередко случается так, что разрозненные попытки направлены на решение узких задач в отрыве от взаимосвязи с прочими сферами деятельности МО и ВС и от более широкого контекста деятельности всего правительства и экономики США.

Одна из главных причин такого состояния – отсутствие единого всеобъемлющего стратегического плана преобразований, на который бы могли ориентироваться в МО, отсутствие органа, курирующего проведение реформ (попытки создать такие подразделения в министерстве предпринимались на рубеже 1990-х – 2000-х гг., однако развития не получили), и в целом отсутствие преемственности преобразований. Реформирование МО – процесс длительный и многомерный. За короткое время пребывания в должности министр практически не в состоянии провести изменения по всем направлениям в силу их большого количества. Если бы в Пентагоне были общие ориентиры, последователям не пришлось бы каждый раз тратить время на изучение проблемы, а лишь продолжать поступательные преобразования, шаг за шагом реформируя отдельные оборонные сферы в соответствии с заранее заданным курсом.

Одной из основных проблем также являются слишком длительные сроки от принятия решений до их исполнения. Критики говорят об устаревании общей системы планирования-программирования-бюджетирования и процесса закупок и необходимости их замены на принципиально новые более гибкие и быстрые процессы с меньшим количеством участников вместо оптимизации отдельных звеньев в течение десятилетий. Многое из того, что на сегодняшний день делает МО в сфере составления контрактов, подготовки и сопровождения приобретения ВВТ, можно отдать на аутсорсинг, т.е. провести приватизацию неключевых сфер деятельности военной организации. Понятно, что МО не является коммерческой организацией и не может действовать полностью в этом духе, однако очевидно, что ведомство постепенно присматривается к такой перспективе.

Помимо этого, во внимание также стоит принимать проблемы, для решения которых требуется качественно иной подход, поскольку они лишь косвенно зависят от министерства обороны. Опыт реформирования МО на рубеже XX – XXI веков показал, что для успеха недостаточно простой реорганизации структур. Необходимо изменить принципы работы, повлияв на мотивы стоящих за этим людей. На деле же нередко происходило лишь поверхностное изменение. И если все же удалось добиться более-менее скоординированного принятия решений, то побороть сопротивление со стороны разнообразных групп интересов пока не представляется возможным. В связи с этим наиболее существенным препятствием на пути преобразований является ригидная организационная культура в бюрократической среде министерства, подрядчиков и законодателей, для которых характерны неповоротливость и неприятие структурно-функциональных инноваций. Вопросы повышения эффективности сталкиваются с политическими интересами и желанием прибыли, что в результате тормозит продвижение приоритетных для военно-политического руководства США инициатив.

Побочным эффектом реформирования процессов МО в конце XX – начале XXI веков стал и стремительный рост расходов на социальные программы и приобретение систем ВВТ, которые вместе составляют более половины ежегодной сметы Пентагона. Несмотря на многолетние усилия по оптимизации системы закупок вооружений, МО пока не удалось добиться желаемого результата. Стоимость программ продолжает расти, растягиваются сроки выполнения контрактов, как следствие, удлиняется жизненный цикл и тратится гораздо больше бюджетных средств, что приводит к моральному устареванию техники на момент ее поступления в войска. Вероятнее всего, что в условиях жесткой бюджетной экономии, новый этап реформ затронет именно борьбу с этим явлением. Ведь в конечном итоге на эффективность военной политики влияет не столько уровень финансирования, сколько то, на что оно распределяется.

В качестве примера можно привести намеренное занижение стоимости ВВТ со стороны производителей для обеспечения победы в тендерах. Победив в

конкурсе на производство, компании специально распределяют заказ по широкой географической сети субподрядчиков, чтобы охватить как можно больше избирательных округов. Тогда это неминуемо приведет к заинтересованности в проектах со стороны представителей законодательной власти, поскольку будет касаться рабочих мест на заводах, а, значит, и электората. Таким образом, бизнес обеспечивает себе политическую поддержку. Вместе они заинтересованы в начале производства на этапах, когда не завершены исследования и испытания. В результате, возникает такое явление, как «параллельность», когда НИОКР и производство происходят почти одновременно. Делается это для того, чтобы во время бюджетных спадов программы ВВТ не пострадали. Как следствие, такая схема открывает путь к последующему росту издержек и смещению графиков исполнения контрактов без боязни, что их прекратят раньше времени. Можно ожидать, что борьба с проявлениями такой культуры будет оставаться одной из основных задач МО в будущем за счет углубления конкуренции в рамках закупочных и научно-технических мероприятий с обязательным включением международной составляющей, что положительно отразится на качестве закупаемых ВВТ, сроках исполнения и сметах.

Значительной проблемой является и реорганизация американского ВПК. Несмотря на волну слияний и поглощений после окончания «холодной войны», структура производства осталась прежней. Почти не сократилось количество предприятий, уменьшилось лишь количество владельцев. Неспособность сократить избыток производственных мощностей повлияла на необходимость поддержания высоких расходов на закупку вооружений вне зависимости от исходящей угрозы. Совпавшие с окончанием оборонной консолидации зарубежные войсковые операции в Ираке и Афганистане привели к резкому росту оборонного заказа, и проблема избыточных мощностей была забыта до начала экономического спада конца 2000-х – начала 2010-х гг.

Представляется, что в перспективе государство может инициировать новую реструктуризацию оборонной промышленности, поскольку в обозримом будущем МО США потребуется намного меньше вооружений для решения поставленных

задач. Можно констатировать, что новые научно-технические и закупочные приоритеты накладывают дополнительные обязательства на оборонную промышленность и потребует от военно-политического руководства США разработки комплексной стратегии приспособления ВПК, который пока что предпочитает «долгострой» и модернизацию крупных, проверенных временем проектов, к политике в сфере НИОКР, ориентированной на фундаментальные исследования, мелкосерийное производство и создание прототипов.

Можно также отметить, что к 2010-м гг. сложилась ситуация, при которой наблюдаются проблемы в системе управления МО США. На ранних этапах реформирования министерство не всегда обращало внимание на анализ эффективности преобразований. Главное было начать реформу. Однако стали возникать ситуации, когда смена руководства МО приводила к остановке инновационных начинаний. В Пентагоне стали осознавать, что существующая система постановки задач слишком сложная и громоздкая, недостаточно эффективным оказался и процесс отчетности исполнительских структур за просчеты и недоработки. В связи с этим с недавних пор министерством повсеместно вводится оценка результатов деятельности. МО постепенно нащупывает и инструментарий влияния на поведение подрядчиков. Например, вводится схема публичной оценки подрядчиков по критерию эффективности исполнения заказов, что должно стимулировать их лучше работать. Однако, ведомству по-прежнему не хватает единой системы контроля за исполнением многих решений в области реформирования и механизмов оценки наиболее приоритетных вопросов развития. Представляется, что дальнейшие преобразования могут также двигаться и в этом направлении.

Глава 3. Реформирование вооруженных сил США в конце XX – начале XXI веков

В настоящей главе дается ретроспективный анализ истоков и современного состояния нововведений в ВС США на рубеже XX-XXI вв. через рассмотрение эволюции представлений военного руководства и теоретиков о реформировании и проекции этих взглядов на практическое применение в войсках. В частности, рассмотрены вопросы влияния технических, организационных, образовательных изменений на общее направление реформирования, а также его результаты и перспективы развития способов управления войсками, методов подготовки и оснащенности для поддержания постоянной высокой боеготовности как одного из решающих условий обеспечения глобального доминирования США в XXI веке.

3.1. Истоки современных представлений о реформировании ВС США

Проследить истоки преобразований в американских войсках в начале XXI в. – непростая задача. С точки зрения системного анализа и организационной теории, преобразования всегда возникают ввиду определенных обстоятельств прошлого и являются реакцией системы на качественные изменения внешней среды или внутренних процессов. К таким обстоятельствам, например, можно отнести проблемы, препятствующие нормальному функционированию и достижению целей, а также появление материальных/концептуальных инноваций, приложение которых может существенно повысить эффективность системы.

Не стала исключением в этой связи и американская военная организация, реформа которой во многом стала производной от достижений научно-технической и информационной революции второй половины XX в., а также результатом комплексного анализа опыта участия в боевых действиях того периода. В частности, уже тогда американские военные рассмотрели на горизонте

и стали развивать новые технологии и методы их боевого применения, которые обладали потенциалом революционного изменения способов ведения войны, и легли в основу современных представлений о перспективных боевых действиях. В этом контексте представляется, что именно на завершающем этапе «холодной войны» начали формироваться условия, которые заложили фундамент для масштабного реформирования ВС США на рубеже XX-XXI вв.

Влияние войны во Вьетнаме на реформирование ВС США В XXI в.

К середине 1970-х гг. в США стали складываться условия, которые в совокупности подталкивали американских военных к поиску более эффективных способов использования кадровых и финансовых ресурсов, вынуждая отныне делать большее меньшими силами.

Многие исследователи сходятся во мнении, что для понимания современных изменений в ВС США чрезвычайно важным обстоятельством являлось поражение США в войне во Вьетнаме.^{231,232,233} Результаты конфликта произвели глубокое впечатление на командный состав, особенно на молодое поколение офицеров, которые считали необходимым в будущем избежать повторения подобных ошибок.

Завершение боевых действий во Вьетнаме, как и окончание любых крупных войсковых кампаний, сопровождалось сокращением оборонных расходов. Генералы понимали, что меры жесткой экономии, сопровождавшие переход к мирному времени, вводятся надолго, а, значит, требуют новых подходов к составлению бюджета и распределению средств на программы ВВТ.

Одним из наиболее значимых последствий той войны стала отмена призывной системы комплектования личного состава и переход к формированию профессиональной армии с 1973 г. По мере того, как в Пентагоне адаптировались к этому весьма непопулярному в войсках решению администрации Р. Никсона,

²³¹ Ricks, T. *Fiasco: The American Military Adventure in Iraq*. New York: Penguin, 2005. P.130.

²³² Shimko, K. *The Iraq Wars and America's Military Revolution*, Cambridge University Press, 2010. P.27.

²³³ *US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction* / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. London; New York: Routledge, 2012. P.155.

военные были вынуждены задуматься о необходимости адекватной подготовки кадров, что требовало качественно иных методов управления и организации ВС.

Большое влияние на военную мысль того периода оказало и негативное отношение к войне со стороны общественности. В результате длительного социально-политического давления на фоне кровопролитной кампании, в которой с американской стороны погибло более 58 тыс. военнослужащих, военные теоретики стали задумываться о том, как в перспективе минимизировать жертвы среди личного состава.

Справляться с последствиями Вьетнама приходилось, параллельно решая задачу противостояния СССР в «холодной войне». В связи с этим надо было немедленно перенастроить оборонные институты, привыкшие за десять лет к ведению одного типа боевых действий, для выполнения качественно иных боевых задач.

Несмотря на «разрядку» и подписание договоренностей в сфере контроля над стратегическими вооружениями, к концу 1970-х гг. Москва достигла с Вашингтоном ядерного паритета. В МО были обеспокоены и тем, что Советский Союз стремительно наращивал свои обычные вооруженные силы (ОВС) в Европе. Страны Организации Варшавского Договора количественно превзошли НАТО по основным типам вооружений, что в случае быстрого и масштабного танкового наступления со стороны СССР делало невозможным применение ЯО на территории союзников.^{234,235}

Американские генералы стали задумываться, как наиболее рационально и дешево уравновесить численное преимущество противника. И вьетнамский опыт в этом контексте сыграл положительную роль для ВС США. Появление в конце 1960-х гг. и успешное применение на завершающих этапах войны новых видов оружия подсказывало военным способ асимметричного ответа на «советскую угрозу» (авиабомбы с лазерным наведением, спутниковые и РЛС-средства

²³⁴ House, J. Combined Arms Warfare in the Twentieth Century. Lawrence, KS: University of Kansas Press, 2001. P.230.

²³⁵ Lambeth, B. The Transformation of American Air Power. Ithaca: Cornell University Press, 2000. P.54.

слежения, автоматизированные системы управления огнем, более совершенных средства связи).

Одним из первых уникальные возможности нового оружия увидел нач.штаба СВ США У. Уэстморлэнд. Еще в 1969 г. он предположил, что в обозримом будущем войска будут способны вести непрерывную разведку отдельных ТВД и при помощи новых систем коммуникации и автоматической обработки данных гораздо эффективнее применять огневые средства. В 1974 г. глава армейского командования боевой и доктринальной подготовки У. ДеПуй развил это видение в принцип «то, что можно увидеть, – можно атаковать; то, что можно атаковать, – можно уничтожить». А последующая дискуссия об «электронном поле боя» в 1970-е гг. пришла к выводу, что благодаря новым технологиям США смогут успешно перейти к новому способу ведения войны.

Американцы быстро осознали, что технологическая оснащенность – одно из самых слабых мест Советской Армии, в связи с чем пришли к выводу, что вместо ответного наращивания ОВС в Европе необходимо сделать ставку на достижение многомерного инновационного превосходства. Такой подход отчасти подтолкнул США к пересмотру структуры ВС, доктрин, методов боевой подготовки и программ ВВТ. У истоков этого подхода, в частности, стояло Управление всесторонней оценки МО во главе с Э. Маршаллом, который полагал, что для эффективного противодействия СССР в Европе, помимо внедрения новых технологий, необходимо также улучшить способы их применения и повысить качество подготовки военнослужащих. Нововведения отрабатывались в ходе командно-штабных учений и ситуационного анализа, однако проверку боем стали проходить только в 1990-е гг.

С оглядкой на опыт Вьетнама и в свете формирования контрактной армии военные понимали, что новые ВВТ требуют качественного совершенствования уровня образования и навыков бойцов. Ревизия доктрин и оперативных концепций должна была успешно встроить новые технологии в более широкий процесс военного реформирования. Поэтому с 1970-х гг. начали складываться институциональные и организационные условия для внедрения инноваций.

Создано Управление всесторонней оценки, Сухопутное командование боевой и доктринальной подготовки и Национальный центр подготовки (Форт-Ирвин, шт. Калифорния), усилена роль Управления перспективных исследовательских проектов и т.п. Кроме того, для реалистичности в учениях стали участвовать условные «команды противника», имитировавшие советские войсковые соединения.

Такая подготовка к успешному участию в «умных» конфликтах подсказывала переход к мышлению о неядерном ударе на стратегическую глубину противника. В Пентагоне стали пересматривать взгляды на маневрирование и сковывание действий противника на ТВД, что обусловило появление прорывной для того времени концепции «совместных наземно-воздушных операций».²³⁶ Опираясь на интеграцию новых информационных технологий и дальнобойного высокоточного оружия, планировалось в ответ на нападение Советской Армии в Европе быстро контратаковать ее на суше и с воздуха по ширине всего фронта, а также нанести удары на всю оперативную глубину по тылам, чтобы исключить возможность прибытия подкрепления.

Отдельного внимания в этой связи заслуживают взгляды военно-воздушного теоретика Дж. Уордена. В отличие от применявшейся во Второй мировой войне тактики подавления боевого духа с помощью «стратегических бомбардировок», целью которых были, как правило, крупные населенные районы, он предлагал атаковать глубоким ударом цели, уничтожение которых привело бы к снижению или полному подавлению способности противника обмениваться информацией и принимать решения. По Уордену, такими целями были центры командования и управления высшего звена. Новые технологии позволяли совершить обезглавливающий удар по ним, тем самым парализовав ВС врага.²³⁷ Представляется, что эти взгляды легли в основу получившей развитие после

²³⁶ Toffler, A., Toffler, H. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Centur., New York: Little, Brown and Co., 1993. P.52.

²³⁷ См. подробнее: Warden, J. The Air Campaign: Planning for Combat. Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, Inc., 1989. 160 p.

окончания «холодной войны» школы мысли о воздушной мощи как залого оперативного успеха.

На этом фоне США приступили к широкому внедрению военно-технических достижений. Благодаря идее о сочетании ряда проектов в единую информационно-боевую систему становилось возможным найти, атаковать и уничтожить советские бронетанковые колонны до того, как они пересекут линию обороны. Программы предполагали разработку защищенных каналов связи и визуализации обстановки, непрерывных возможностей по разведке ТВД, систем обнаружения источников излучения, широкополосной передачи данных в обход средств радиоподавления, сбора/обработки/передачи данных от множества источников. Ключевая программа «Ассолт брейкер» (*'Assault Breaker'*) путем сочетания информационно-вычислительных, разведывательных и огневых средств в теории позволяла уничтожить любую цель на ТВД.

В итоге, командиры впервые должны были получить в распоряжение средства, позволявшие видеть интегрированную картину происходящего на поле боя почти в реальном масштабе времени, защищенно обмениваться данными и наносить точные удары с безопасного расстояния. Масштабные военные НИОКР помогали ускорить процесс командования и оперативного управления. Появилось понимание, что надо развивать не отдельные программы ВВТ, а думать об их объединенном применении. Данный подход лег в основу получившей широкое распространение в 1990-е – 2000-е гг. теории «системы систем».

Оформившийся к концу 1970-х гг. подход компенсации количественных преимуществ качественными получил в МО США название «стратегия уравнивания». А результаты представленных инноваций помогли сформулировать будущие подходы к применению боевых возможностей, которые преобладали в военной мысли на завершающем этапе и после окончания «холодной войны» и заложили основы американского военного доминирования в начале XXI в.

Советская военная мысль и реформирование ВС США. Важно отметить, что наряду с анализом опыта зарубежных войн мощным интеллектуальным

импульсом для формирования современных американских представлений о реформировании вооруженных сил также послужил теоретический дискурс конца 1970-х – начала 1980-х гг. за пределами США, в первую очередь, в Советском Союзе. Исследователи преобразовательных процессов американской военной организации утверждают, что «интеллектуальные корни военной трансформации стоит искать в оживленной дискуссии в советских военных печатных изданиях, начавшейся в конце 1970-х гг. и продолжавшейся до распада СССР».^{238,239} Они солидарны во мнении, что советские военные первыми разглядели предпосылки для т.н. «военно-технической революции» (ВТР), стали оформлять ее теоретическое обоснование и включаться в практическую реализацию.²⁴⁰

Ряд военных теоретиков в Советском Союзе не хуже американских генералов видел преимущества новых технологий и предупреждал о том, что их интеграция в военное дело порождает возможности, которые могли коренным образом повлиять на способы ведения перспективных боевых действий. Анализируя первый опыт применения высокоточного оружия, средств радиолокационного обнаружения, спутниковых систем и т.д. в конфликтах на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, в советские военачальники пришли к выводу, что на фоне технической модернизации западных армий вооруженные силы общего назначения СССР становятся все более уязвимы, а численное преимущество перед США и НАТО в Европе может быть ликвидировано.

Советские военные аналитики видели, что нарождающиеся изменения (военная электроника, компьютеры, средства обнаружения и системы связи) неразрывно связаны в первую очередь с системами обычных вооружений большой дальности. Исходя из этого обстоятельства, прогнозировали, что за счет использования таких неядерных средств, которые благодаря интеграции информационно-боевых систем на ТВД (то, что в СССР называли

²³⁸ Shimko, K. *The Iraq Wars and America's Military Revolution*, Cambridge University Press, 2010. P.6.

²³⁹ *Post-Cold War Defense Reform: Lessons Learned in Europe and the United States* / Ed. by István Gyarmati and Theodor Winkler. Washington, DC: Brassey's, Inc., 2002. P.61.

²⁴⁰ Sloan, E. *Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook*. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2008. P. 2, 109, 145.

«разведывательно-ударный комплекс») по своей эффективности в итоге могли приблизиться к ядерным вооружениям малой мощности, в обозримом будущем возможны качественные изменения характера боевых действий.

В рамках более широкой дискуссии о научно-техническом прогрессе советские аналитики уверялись в том, что военное приложение достижений информационной революции указывает на зарождающуюся «военно-техническую революцию». Причем, сравнивая темпы развития ВТР на Западе и в Советском Союзе, делали вывод о том, что наибольшие преимущества от ее реализации будут не в пользу Москвы. Начальник ГШ ВС СССР Н.В. Огарков и сменивший его С.Ф. Ахромеев, были убеждены, что именно США находятся на ранних стадиях ВТР. В связи с чем выступали за немедленное увеличение оборонного бюджета и закупку технологически продвинутого оборудования.

При этом следует подчеркнуть, что в СССР хотя и рассматривали технологии в качестве двигателя ВТР, но не переоценивали их значения. Советская военно-теоретическая дискуссия равнозначно признавала важность концептуальных и организационных изменений, без которых революционные улучшения на поле боя были бы затруднительны. Поэтому, несмотря на общее сопротивление консервативных военных кругов, выступавших за эволюционное, а не революционное движение, к середине 1980-х гг. советские военачальники пытались внедрить инновационные оперативные и организационные концепции. Но распад СССР не позволил завершить начатое.

Достижения военной мысли в СССР вызывали большой интерес в Пентагоне, где со второй половины 1980-х гг. приступили к всесторонней оценке советской теории боевых действий.²⁴¹ В результате американцы подхватили идею ВТР, однако, полагали что сам термин слишком заостряет внимание на технологической стороне военного реформирования, поэтому особо детально развили положения о необходимости комплексного внедрения инноваций.

²⁴¹ Ibid. P. 2, 109, 145.

Новые военные технологии в США рассматривали в качестве предпосылки к более серьезным изменениям, полагая, что они лишь создают возможности для революционных сдвигов – того, что с 1990-х гг. прочно вошло в лексикон американских теоретиков как «революция в военном деле», для реализации которой требовалось сочетание новых вооружений с доктринальными и организационным реформами.

Таким образом, представляется, что советская военная мысль рубежа 1970-х – 1980-х гг. существенно повлияла на определение современных подходов американских военных к реформированию ВС после окончания «холодной войны». Более того, не будет преувеличением отметить, что во многом на основе именно этих идей в США образовалась научная школа мысли о революционных изменениях характера боевых действий, которая продолжает оказывать воздействие и на перспективное поколение американских военачальников.

Закон Голдуотера-Николса 1986 г. о реорганизации МО США. Несмотря на некоторые критические замечания со стороны ряда военно-политических экспертов, американское военное сообщество связывает наиболее важные изменения, повлиявшие на проведение реформы оборонных структур США в начале XXI в., с принятием в 1986 г. Закона Голдуотера-Николса о реорганизации министерства обороны. Комментаторы сходятся во мнении, что это «рубежное событие для военных», «наиболее важное оборонное законодательство» как после Второй мировой войны, так и в целом в истории США.^{242,243}

К началу 1980-х гг. анализ опыта участия в боевых действиях за рубежом выявил серьезные недостатки предыдущих изменений, проведенных после окончания Второй мировой войны. В отличие от задуманного, система военной организации, созданная в результате Закона о национальной безопасности 1947 года, на деле не решала институциональных проблем, на которые была направлена послевоенная реформа в США. Планировалось, что создание единого

²⁴² Owens, W. Jointness is his job // Government Executive, April 1995. P.61.

²⁴³ Perry, W. Speech by Secretary of Defense William Perry. 12.07.1996. // C-SPAN. URL: <http://www.c-span.org/video/?73560-1/senator-nunn-full-honors-ceremony> (дата обращения: 13.04.2016)

управляющего органа – министерства обороны – повысит гражданский контроль за военнослужащими, объединенные командования на местах получают всю полноту власти над ВС, а за министрами и начальниками штабов отдельных видов войск останутся сугубо административно-хозяйственные функции (формирование бюджетов и программ приобретения ВВТ).

Но, несмотря на дискретное продолжение организационных инициатив после 1947 г., формально исключивших видовых министров и нач.штабов из структуры командования и оперативного управления войсками, наделив этими полномочиями полевых военных, в течение нескольких десятилетий после преобразований конца 1940-х – 1950-х гг. в США во многом благодаря прочной связи между ВС и Конгрессом де-факто сохранялась прежняя система, в которой последнее слово в принятии решений было не за главой МО и председателем КНШ, а за отдельными видами ВС.

За этот период войска столкнулись с чередой оперативных неудач, у которых оказались общие причины: низкий уровень военной экспертизы и планирования, отсутствие единства командных органов и неспособность действовать объединенной группировкой. (В частности, операция «Пустыня Один» (*'Desert One'*) – попытка освободить американских заложников в Иране в 1980 г. В ее ходе отчетливо проявились признаки неспособности командования координировать действия представителей различных видов войск в бою.) Между войсками отсутствовала техническая, доктринальная и организационная совместимость. Существовал дисбаланс между технической оснащенностью и боеготовностью. Виды ВС предпочитали инвестировать «про запас» в модернизацию ВВТ, зачастую игнорируя насущные потребности объединенных командований. В результате общая военная стратегия формулировалась без оглядки на реалистичные оценки доступных финансовых ресурсов.

Среди основных недостатков исследователи оборонного процесса в США выделяют диспропорцию между интересами видов ВС и общевойсковыми интересами, неадекватное качество поставляемого президенту военного консультирования, негативное отношение к службе на межвидовых должностях,

дисбаланс уровня ответственности и полномочий глав объединенных командований, наличие нечетких отношений между министром обороны и видовыми министрами, неэффективная структура командования и управления на местах, автономность отдельных видов ВС, дублирование штабных структур, отсутствие долгосрочного планирования, излишнее внимание подготовке программ и составлению бюджетов и как следствие избыточный микроменеджмент со стороны Конгресса, а также слабые механизмы надзора за крупными управлениями и агентствами МО.²⁴⁴

Осознавая проблемы, но, не имея возможности решить их самостоятельно ввиду сильного внутриведомственного противодействия и негативной позиции Белого дома, в 1982 г. высшее военное руководство обратились к законодателям с просьбой о помощи в реорганизации структуры и функций КНШ. На Капитолии началась широкая дискуссия, в ходе которой при поддержке главы комиссии Палаты представителей по делам ВС Р.Райта и сменившего его У. Николса возник соответствующий законопроект. Вслед за этим их коллега в Сенате Дж. Тауэр инициировал обзор всей организации МО. Вопрос стал предметом спора между исполнительной и законодательной властью.

Но к 1985 г. совокупность благоприятных обстоятельств, позволила сдвинуться с мертвой точки и приступить к подготовке Закона Голдуотера-Николса. Республиканец Б. Голдуотер, возглавив сенатскую комиссию по делам ВС, сделал оборонную реорганизацию приоритетом и достиг партийного компромисса с коллегой-демократом С. Нанном. Комиссию Конгресса возглавил продолжатель дела У.Николса реформатор-демократ Л. Аспин. Администрация США поручила Комиссии Паккарда изучить проблему, и прислушалась к рекомендации поддержать реорганизацию. Председателем КНШ стал адмирал-реформист У. Крау.

Конечные усилия законодателей были направлены на укрепление гражданского контроля над военной организацией, улучшение качества военных

²⁴⁴ Locher, J. Has It Worked? The Goldwater Nichols Reorganization Act // Naval War College Review, Autumn 2001. Vol. LIV, No. 4. P.103-105.

советов для формирования общей стратегии поведения и планирования операций, определение адекватного соотношения между полномочиями и обязанностями военных на местах, переход к более рациональному использованию ресурсов, повышение эффективности военных операций, а также налаживание административно-хозяйственных процессов в МО.

В результате, после принятия закона в 1986 г. в США установилась современная схема военного подчинения, во главе которой встал министр обороны. Председатель КНШ назначался главным военным советником президента, получил в помощь заместителя и закрепил за собой право решающего голоса в Комитете. При этом КНШ исключен из оперативного управления, которое делегировано командующим на местах. Руководители объединенных командований получили четкие полномочия и право докладывать президенту и главе МО. В их компетенцию также вошла боевая подготовка личного состава, материально-техническое обеспечение, определение организационно-командной и кадровой структуры на местах. Компонентные подразделения от видов ВС отныне не могли действовать без их ведома. Создана карьерная вертикаль, поощрявшая службу на межвидовых должностях.

Должное внимание получило планирование на высшем уровне. Закон обязал президента ежегодно предоставлять законодателям доклады о стратегии национальной безопасности, на основании которых председатель КНШ готовил бы привязанные к бюджету военно-стратегические планы и вместе с главами объединенных командований разрабатывал оперативные планы по указанию министра обороны. Кроме того, министр должен был предоставлять руководство для эффективного использования ресурсов. Роль видов ВС сводилась к удовлетворению насущных и перспективных потребностей войск на местах.

По словам самих военных, Закон Голдуотера-Николса стал настолько эффективным, что через десять лет после его принятия все забыли о проблемах, существовавших около полувека.²⁴⁵ При этом, признавая выдающуюся роль

²⁴⁵ Shalikashvili, J. A Word from the Chairman // Joint Forces Quarterly, Autumn 1996. P.1.

данного акта в решении многолетних проблем, стоит отметить, что он стал лишь отправной точкой для реформирования оборонной организации и ВС США в начале XXI в., поскольку был ориентирован на конкретный исторический и событийный контекст, в котором были понятны правила игры и предсказуемы угрозы безопасности. Катализатором же дальнейших изменений стал распад СССР и окончание «холодной войны». ВС должны были приспособиться к новым геополитическим условиям, в связи с чем реформа только начиналась.

3.2. Реформирование ВС США накануне XXI века

Кардинальное изменение геополитической обстановки после окончания «холодной войны» заставило американскую военную организацию, как и министерство обороны, приспособиться к глубокому сокращению прежней структуры сил, обеспечивающей инфраструктуры и объемов закупок ВВТ. Вооруженные силы США находились в переходном периоде, во время которого произошло фундаментальное переосмысление задач и поиск новых путей развития с учетом всего круга внешних условий и анализа боевого опыта.

Размывание понятия «противник» после распада СССР диктовало необходимость подготовки к отражению широкого круга угроз с опорой на создание комплексных возможностей борьбы с любыми зарубежными ОВС в рамках сложившейся к тому времени «доктрины Вайнбергера-Пауэлла», сохранившей доминирование методов участия в войнах, характерных для «холодной войны». В связи с чем, оценивая практические усилия американских военачальников в 1990-е гг., ряд комментаторов называл эти годы «потерянным десятилетием» для реформирования ВС.²⁴⁶

Данное утверждение, однако, представляется не вполне справедливым, поскольку, именно в 1990-е гг. в США развернулась широкая теоретическая дискуссия и были предприняты первые попытки внедрить достижения

²⁴⁶ Military Reform: A Reference Handbook / Ed.by Winslow T. Wheeler and Lawrence J. Korb. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2007. P.61.

нарождающейся «революции в военном деле», практическую значимость которых удалось оценить лишь годы спустя. Военные теоретики видели для американских вооруженных сил возможность позитивно использовать это время с тем, чтобы в обозримом будущем одними из первых перейти от боевых действий «индустриальной эпохи» к войнам «информационной эпохи». И в итоге им удалось разработать качественно новые подходы, которые существенно повлияли на формулирование доктринальных и программных контуров масштабных изменений, затронувших войска в начале XXI в.

Уроки войны в Персидском заливе. При рассмотрении американской военной реформы невозможно обойти стороной опыт и результаты боевых действий в Персидском заливе в 1991 г. Исследователи сходятся во мнении, что для США Операция «Буря в пустыне» не только стала апробацией многих технических, организационных и доктринальных наработок завершающего этапа «холодной войны», но и оказала значительное влияние на военную мысль рубежа XX-XXI вв. и представления о военном реформировании.^{247 248 249}

По мнению американских военачальников, «война в Персидском заливе стала водоразделом в истории боевых действий», и воспринималось многими как реабилитация за поражение во Вьетнаме.²⁵⁰ США впервые смогли показать в бою возможности, которые разрабатывали предыдущие 10-15 лет для противодействия СССР. Ирак в этой связи, по выражению К. Шимко, виделся «уменьшенным и хуже подготовленным вариантом советских войск, к войне с которыми готовились американцы», поскольку иракские ВС были укомплектованы и обучены по советской модели.²⁵¹

Благодаря низкому уровню потерь, масштабному ущербу для войск противника и, как следствие, быстрому достижению победы, «Буря в пустыне» была несомненным военным успехом. Уничтожено 30 дивизий, 4000 единиц

²⁴⁷ Hallion, R. Storm Over Iraq: Air Power and the Gulf War. Washington, DC: Smithsonian Institution, 1997. P.1.

²⁴⁸ Shimko, K. The Iraq Wars and America's Military Revolution, Cambridge University Press, 2010. P.88-90.

²⁴⁹ Sloan, E.. Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2008. P.62-63.

²⁵⁰ Horner, C. interview, PBS Frontline: The Gulf War, 1996 URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/gulf/oral/commanders.html> (дата обращения: 15.04.2016)

²⁵¹ Shimko, K. The Iraq Wars and America's Military Revolution, Cambridge University Press, 2010. P.89.

бронетехники, значительная часть ударной авиации и средств ПВО противника, взято в плен около 90 тыс. Сама коалиция потеряла всего 197 человек и 38 единиц авиатехники. При этом для более точной оценки влияния этого конфликта на дальнейший ход военной реформы в США важно разобраться в причинах такого успеха. Представляется, что результаты войны определило сочетание таких обстоятельств, как применение новейших вооружений и доктрин и разница боевой подготовки сторон конфликта.

Количественно ВС Ирака были крупнейшей военной силой, с которой США столкнулись после окончания Второй мировой войны. В Пентагоне принимали в расчет, что к началу 1990-х гг. иракские войска получили ценный боевой опыт в войне с Ираном и были одними из самых многочисленных в мире. Но качественно исход войны был решен еще до ее начала. Очевидно, США переоценили возможности иракцев. Несмотря на размеры, их ВС были едва готовы к участию в конфликте со сверхдержавой ввиду неэффективных средств обороны и отсталой техники, слабой стратегии, системы планирования и управления, низкого боевого духа.

На результат операции также повлияли доктринальные инновации. План войны в Персидском заливе предполагал быстрое установление превосходства в воздухе за счет одновременного удара по множеству целей и последующее вторжение на суше. Основу планирования и проведения боевых действий составили ключевые элементы концепции «совместных наземно-воздушных операций», а также представления военно-воздушных теоретиков о глубоком ударе по центрам управления высшего звена и критической инфраструктуре, что в теории должно было парализовать войска противника и позволило бы США обойтись без наземной операции.

Война с Ираком на деле стала одной из крупнейших воздушных операций после окончания «холодной войны», доказала жизнеспособность идей о противодействии крупным бронетанковым формированиям и реализации «удара на всю оперативную глубину», с той оговоркой, что удары с воздуха и на суше не были синхронизированы, как того потребовала бы война с Советской Армией. Но,

несмотря применение концепции «параллельных боевых действий» и получение информационных преимуществ за счет превосходства в воздухе, это был традиционный межгосударственный конфликт, в котором США действовали по-старому (массированная сухопутная группировка, масштабные бомбардировки для подавления боевого духа) и в итоге не победили только с помощью ВВС, как утверждали теоретики. Из чего в МО сделали вывод – для достижения оперативного успеха в будущем требуется единое применение разных видов ВС.

Во многом успех США в 1991 г. обусловлен широким применением новейших образцов ВВТ. Технологии позволили американцам воплотить часть идей военных теоретиков, что в 1990-е гг. дало почву для разговоров о наметившейся «революции в военном деле». Война в заливе впервые в реальных условиях продемонстрировала потенциал совместного применения разработанных в 1970-е – 1980-е гг. средств сбора/обработки информации, систем обнаружения/нацеливания и новых способов маскировки, подтвердив наличие у США «разведывательно-ударного комплекса».

Но с технической точки зрения, конфликт с Ираком лишь намекал на перспективные возможности и революционные изменения, выявив определенные ограничения новых систем, развитие которых стало одним из приоритетов реформирования ВС США на рубеже XX-XXI вв. Инновации только начинали внедряться: их объемы и возможности применения были небольшими, характеристики относительно низкими, а стоимость высокой. Например, ввиду низких объемов закупок не хватало оборудования для приема сигналов от навигационных спутников, авиатехника была слабо приспособлена для несения высокоточного оружия, чья доля в войне с Ираком не превышала 10% от общего количества сброшенных бомб.

США требовались более совершенные снаряды, которые можно было применять без ущерба для личного состава. В частности, вооружения, сочетавшие достоинства крылатых ракет (дальнобойность без прямой визуальной наводки, спутниковое наведение для применения при любой погоде) и бомб с лазерным целеуказанием (дешевизна и высокая точность). Результатом усилий в 1990-е гг.

стала разработка «умного» хвостового оперения JDAM, увеличившее дальность и точность обычных авиабомб.

Возникла необходимость снижения своих потерь за счет количественного и качественного совершенствования беспилотных летательных аппаратов (БЛА). Аппараты получили широкое применение во время операции «Буря в пустыне». США впервые задействовали данную технику во Вьетнаме для наблюдения и оценки ущерба. Однако, по ряду причин не развивали БЛА до середины 1980-х гг., когда обратили внимание на их успешное применение Израилем – она меньше и дешевле обычной авиации, ее трудно обнаружить и сбить. Предполагалось расширить их функционал, придав БЛА не только разведывательные, но и ударные возможности, увеличив высоту и продолжительность полета.

Кроме того, ВС США оказались не готовы обрабатывать большие массивы данных и вовремя распределять их между войсками, что было обусловлено отсутствием совместимых информационных средств. Для координации крупномасштабных операций требовалось сократить время принятия решений для получения боевых преимуществ, перейдя на единые/взаимодействующие системы связи и распространения данных. В сочетании с такими технологиями, как активная защита, снижение заметности, постановка помех и облегчение брони, это позволяло сделать войска более мобильными, а, значит, устойчивыми к бою с менее поворотливыми силами врага, и смертоносными за счет стрельбы с закрытых огневых позиций.

В итоге, улучшение информационного взаимодействия стало центральным элементом реформирования ВС США в 1990-е гг., а подход усилил интеллектуальные основы теории «системы систем» и лег в основу современных представлений о «сетцентричной войне».

Конечно, делать обобщения только на примере одного относительно скоротечного конфликта непросто. Но оценивая события ретроспективно, можно утверждать, что ход и результаты войны в Персидском заливе оказали по-настоящему большое влияние на формирование дискуссии о направлениях дальнейшего реформирования американской военной организации, убедив

многих, что ВС США находятся на пороге радикальных перемен. То, что на рубеже 1980-х – 1990-х гг. обсуждали лишь некоторые теоретики, после 1991 г. стало приниматься всеми как само собой разумеющееся, а военно-политическое сообщество США убедилось во мнении, что необходимо продолжать вектор реформирования, начатый после войны во Вьетнаме.

Влияние окончания «холодной войны» на концептуальные нововведения в отдельных видах ВС в 1990-е гг. На протяжении нескольких десятилетий американская оборонная политика была направлена на военное противостояние с Советским Союзом, распад которого оставил Вашингтон без равного соперника. Новые угрозы безопасности не шли в сравнение с СССР, поскольку они не представляли угрозу выживанию. Такая ситуация, однако, давала США не только преимущества как единственной сверхдержаве, но также порождала стратегическую неопределенность. Как выразился в этой связи Ф. Кэйган, «впервые за долгое время военное руководство не представляло дальнейших направлений развития: к какой войне готовиться и какие для этого нужны вооружения и средства».²⁵²

Новая геополитическая обстановка создавала ряд проблем, подталкивавших отдельные виды ВС США к адаптации. На реформирование также повлияли уроки Операции «Буря в пустыне»: причем для сухопутных и военно-морских сил успехи войны в заливе были менее однозначны, чем для ВВС. На фоне глубоких сокращений бюджета и численности личного состава эти виды, чье существование основывалось преимущественно на противодействии Советской Армии и Флоту, были вынуждены искать новые подходы к организации и подготовке.

Прежде всего распад Советского Союза мог сказаться на экспедиционных возможностях американских наземных частей. В годы «холодной войны» главной задачей СВ было сдерживание советского наступления в Европе, что предполагало наличие передового присутствия личного состава и техники на

²⁵² Kagan, F. Finding the Target. New York: Encounter Books, 2007. P.204.

континенте. Без СССР снижалась потребность в зарубежных базах, а центр притяжения смещался из Европы на территорию США. К середине десятилетия структура СВ сократилась почти вдвое (с 18 до 10 дивизий). В итоге без мобильности СВ были не готовы к расширению географического и функционального охвата предстоящих задач.

На этом фоне в 1990-е гг. СВ сосредоточились на сохранении боеспособности, закреплении успехов и исправлении неудач войны с Ираком с помощью поступательного развития и экспериментальной апробации новых технологий и концепций, которые нашли широкое применение годы спустя. Именно тогда в США появилось представление о том, что необходимо быстро разворачивать крупные наземные контингенты с одного ТВД на другой и осуществлять быстрое маневрирование на поле боя. Новый экспедиционный потенциал, по выражению видного канадского исследователя вопросов реформирования ВС США Э. Слоан, требовал нарастить возможности стратегических перебросок по воздуху и морю, изменить организационную структуру СВ и облегчить бронетехнику.²⁵³

Анализируя опыт действий в Персидском заливе в 1990-1991 гг., когда на доставку в регион необходимых сил и средств СВ США потребовалось около полугода, а в результате затянутого маневра не удалось отрезать пути отступления иракским войскам в Кувейте, американские военачальники вновь вернулись к проблеме, существовавшей с середины XX в. – неспособность быстро (в течение дней, а не месяцев) попасть на отдаленные ТВД, и сделали вывод о том, что логистические проблемы, связанные с быстрым разворачиванием и продвижением на ТВД, снижали оперативную применимость СВ.²⁵⁴

В ответ руководство СВ США инициировало теоретическую дискуссию и командно-штабные учения, результатом которых стало качественно иное видение эффективного применения сухопутных сил в будущих войнах. В рамках

²⁵³ Sloan, E. *Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook*. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2008. P.24-26.

²⁵⁴ US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. London; New York: Routledge, 2012. P.45-46.

инициативы создания «новых сил для нового столетия» (*Force XXI*) в период 2000-2010 гг. предлагалось, используя новейшие достижения информационных технологий, улучшить управляемость, осведомленность и подвижность оставшейся после «холодной войны» дивизионной структуры.²⁵⁵ Военачальники проталкивали идею повышения организационной гибкости за счет комбинирования соединений в различных вариантах в зависимости от задач, использования цифровых инноваций для понимания ситуации на поле боя и облегчения техники для переброски в любую точку мира. Как справедливо отмечает в этой связи К. Шимко, «знание, гибкость и мобильность стали мантрами реформирования СВ в 1990-е гг.».²⁵⁶

Опытным путем выяснилось, что, даже несмотря на улучшения в сборе разведданных, позволявшие рассредоточить формирования на обширной территории, их подвижность все равно оставалась низкой. С учетом этого в Пентагоне представили обновленный план развития СВ (*Army After Next*), предполагавший подготовку после 2010 г. к участию в интенсивных конфликтах ограниченного масштаба с ОВС противника на отдаленных ТВД по типу «Бури в пустыне», для чего «требовалось повысить скорость, с которой они проецируют силы за рубежом».^{257,258} Ядром нового видения стали легкие мобильные соединения бригадного уровня, способные быстро перебрасываться по воздуху из США, осуществлять гибкий маневр на ТВД и вести точный огонь со значительного удаления в рамках глубокого удара по противнику.

Опыт боевых действий на Балканах, особенно в Косово в 1999 г., стал поворотным моментом, который заставил США приступить к практической реализации радикальной модернизации экспедиционных возможностей СВ. Тогда начальник штаба СВ США Э. Шинсеки не просто озвучил упомянутые наработки, но и впервые поставил четкие сроки для переброски крупных контингентов в

²⁵⁵ Sullivan, G. *Force XXI // The Collected Works of the Thirty-Second Chief of Staff of the United States Army: June 1991–June 1995*. Washington, DC: CMH, 2004. P.316.

²⁵⁶ Shimko, K. *The Iraq Wars and America's Military Revolution*, Cambridge University Press, 2010. P.107

²⁵⁷ Scales, R. *Future Wars Anthology*. Carlisle, PA: US Army War College, 1999. P.xiv.

²⁵⁸ US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. London; New York: Routledge, 2012. P.48.

любую точку мира (96 часов для бригады, 120 часов для дивизии, 30 дней для пяти дивизий).²⁵⁹ Примечательно, что часть мобильных бригад была центрирована вокруг нового типа колесной бронетехники, промежуточного звена между тяжелыми бронемашинами и легкими бронеавтомобилями, который в 2000-е гг. получил название «Страйкер» и стал основой комплектования сухопутных сил в начале XXI в.

Подобно СВ в 1990-е гг. изменения международной обстановки после окончания «холодной войны» заставили по-новому взглянуть на свое будущее и ВМС. За счет внедрения достижений «революции в военном деле» морякам удалось продлить срок службы имевшихся морских платформ и переориентировать их на новые задачи, осуществив доктринальный переход от глобального противостояния крупных флотов в открытом океане к всесторонней поддержке сухопутных операций.

Уроки войны в заливе выявили для ВМС такие проблемы, как снижение роли на поле боя и техническую отсталость на фоне других видов ВС, слабое информационное и командное взаимодействие с ними. В ответ так же, как и СВ, моряки решили повысить свою мобильность, в связи с чем считали необходимым в будущем выполнять операции в прибрежных районах по линии «море»—«суша». ВМС должны были выступить «береговой охраной в глобальном масштабе», осуществляя перехват на море с помощью групп легких судов, способных атаковать крупные соединения тяжелых кораблей противника.^{260,261} В основу легла идея фрегатов «Стритфайтер» для ведения боя в прибрежной зоне, которые позднее превратились в проект многоцелевых прибрежных боевых кораблей LCS, внедрение которых началось в 2010-е гг.

Доктринально это понимание закрепилось в стратегии «действий с моря» (*"From the Sea"*), которая, пройдя под разными названиями 1990-е и 2000-е гг.,

²⁵⁹ Shinseki, E. Address to the Eisenhower Luncheon // 45th Annual Meeting of the Association of the United States Army, October 12, 1999.

²⁶⁰ Sloan, E. *Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook*. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2008. P.26-27.

²⁶¹ US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. London; New York: Routledge, 2012. P.73.

оправдывала жизнеспособность ВМС в новых геополитических условиях и продолжает оказывать влияние на современное реформирование американского флота. Стратегия предполагала обеспечение передового присутствия США в зарубежных водах для стабилизации обстановки в регионах мира и применение всех доступных средств (военно-морская авиация, крылатые и зенитные ракеты, десантно-высадочные операции) для выполнения широкого набора задач на берегу.²⁶² В ее рамках планировалось не только применять имевшиеся морские средства, но также и разработать новые технические решения – авиатехнику, ударные подводные лодки, ракетные крейсеры и даже т.н. «плавучие арсеналы»²⁶³, принцип которых в 2000-е гг. лег в основу переоборудования четырех ПЛАРБ типа «Огайо» в ПЛАРК, а в 2010-е послужил прообразом представлений о «летающем арсенале». («Плавучие арсеналы» – проект малозаметных крупногабаритных боевых кораблей с высокой степенью автоматизации, способных нести до 500 высокоточных дальнобойных КР для нанесения ударов по наземным целям благодаря участию в общей информационной сети и получению целеуказания от других судов. По возможностям кратно превосходил имеющиеся крейсеры и по масштабу вероятного ущерба был сопоставим с бомбардировщиками В-2. Но его финансирование прекратили ввиду слишком высокой оценочной стоимости и низкой выживаемости.)

Особая роль в стратегии «действий с моря» отводилась соединениям КМП, которые в развитие доктрины маневровых боевых действий 1980-х гг. однако должны были вместо высадки и закрепления на берегу осуществить глубокий «оперативный маневр с моря» против ключевых объектов противника на суше, для чего также создавались новые виды техники.²⁶⁴ После «холодной войны» десантные операции приобретали новый смысл во время боевых действий и гуманитарных операций, что требовало закупки соответствующих судов различных типов и организационных изменений. Несмотря на то, что применение

²⁶² Ibid. P.80-81.

²⁶³ Leonard, R., Drezner, J., Somner, G. The Arsenal Ship: Acquisition Process Experience, RAND, Santa Monica, CA, 1999, P.97-105.

²⁶⁴ Krulak, C. Operational Maneuver from the Sea // Joint Forces Quarterly. Spring 1999. Vol. 80, No. 6, P.78-86.

концепции пришлось на 2000-е гг., ее основные положения были разработаны в 1990-е гг. В основе представлений была идея высоко мобильных и самостоятельных соединений за счет комбинации десантных возможностей с внушительной военно-морской силой для более эффективного ответа на весь спектр перспективных операций в глобальном масштабе.

На этом фоне стали формироваться интегрированные экспедиционные ударные группы (ЭУГ), в которых возможности дежурных групп десантно-высадочных средств и экспедиционных батальонов морской пехоты сочетаются с силами и средствами боевых групп надводных кораблей, подводных лодок, патрульной противолодочной авиации. Они включают Экспедиционный отряд морской пехоты, десантный вертолетоносец с 30 ед. вертолетов и 6 реактивных самолетов с вертикальным взлетом, десантный транспорт-док и десантно-вертолетный корабль-док, эсминец, крейсер, фрегат, ударная подлодка, патрульный противолодочный самолет.

Расчет был на то, что надводные и подводные корабли будут подготавливать побережье к высадке, пока вертолеты будут доставлять морпехов на берег.²⁶⁵ Предполагалось развернуть 12 таких ЭУГ, однако ввиду бюджетных сокращений сегодня их всего 9. Более того, движимые представлением о необходимости в будущем бесперебойно поддерживать объединенные операции на берегу не с сухопутных баз, а с кораблей в море, американские военные с 1990-х гг. развивают идею т.н. «морской базы», воплощенную в виде экспедиционных ударных сил, состоящих из одной ЭУГ, одной АУГ и кораблей десантно-высадочных сил передового развертывания.

Повышение межвидового взаимодействия и «сетцентричная война». Опыт боевых действий в 1980-е–1990-е гг. подсказывал американским военным необходимость усиления «объединенности» применения различных видов ВС в перспективных операциях. Идея межвидового взаимодействия, конечно, не была чем-то новым, однако именно после окончания «холодной войны» она получила

²⁶⁵ US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. London; New York: Routledge, 2012. P.84.

широкое доктринальное оформление, сделав акцент на многоплановую совместимость. Новизна подхода состояла в том, что при его внедрении предполагалось устранить культурно-институциональные барьеры между отдельными видами ВС, которые привыкли за годы «холодной войны по-разному готовиться к войне. Теперь же предусматривалась разработка единых боевых методов, доктрин, общей боевой техники и подготовки видов. Военную мысль в данном направлении двигало понимание о едином поле боя, на котором войска будут действовать сообща, дополняя друг друга. Тем более, что новые информационные технологии позволяли впервые на практике обеспечить реальное общение между силами и средствами на ТВД.

Концептуальную основу этого подхода составила выдвинутая в 1996 г. руководством КНШ теория «системы систем», которая предвидела построение организационной структуры ВС, основанной на внедрении достижений «информационной революции» с целью интеграции ранее разрозненных сил и средств во взаимосвязанное целое, чья беспрецедентная осведомленность о ситуации на поле боя и скорость принятия решений давали качественные преимущества перед противниками. Первичные удары должны были «шокировать» противника, создав у него чувство беспомощности, а последующие продолжительные атаки должны были закрепить этот успех, внушив страх, или заставив «трепетать» и тем самым вынудив сдаться. В МО полагали, что достижение преимущества зависит от способности военных думать, планировать и действовать совместно как единая сила, а не как сумма различных видов ВС.

В теории высокоточные ударные средства большой дальности, информационные технологии, функциональная совместимость и высокая скорость применения позволяли войскам, рассредоточенным по полю боя, быстрее принимать решения и действенно использовать огневую мощь на противнике. «Система систем» должна была обеспечить бесперебойное общение всех информационно-боевых элементов для выбора наиболее оптимальных вариантов действий на ТВД. Такой подход позволял уйти от мышления о

концентрации сил с опорой на крупные формирования тяжелой техники к применению против врага наиболее сильного воздействия, или эффекта.²⁶⁶

Важным развитием этой теории стала концепция «быстрого достижения превосходства», выдвинутая группой отставных американских военных во второй половине 1990-х гг., известная как «шок и трепет».²⁶⁷ Ее авторы исходили из того, что взаимодействие рассредоточенных по полю боя элементов, способных достигать массовых эффектов, сделает организацию командования и управления более эффективной и децентрализованной, позволив разделить принятие решений между соединениями и подразделениями более низкого звена.²⁶⁸

Вобрав в себя передовые достижения военной мысли завершающего этапа «холодной войны», в частности, идей Дж. Уордена о параллельных ударах по ключевым центрам противника, чтобы вызвать «стратегический паралич» и заставить его сдаться, концепция предполагала использование разветвленной информационно-разведывательной сети для получения тотальной осведомленности об обстановке для быстрого и одновременного применения регулярных и специальных сил на суше, на море, в воздухе и в космосе по широкому спектру боевого потенциала врага. К ним, помимо собственно военной системы также относятся политическая, экономическая, социальная, инфраструктурная и информационная системы.²⁶⁹

Первыми практическую значимость внедрения теории «системы систем» осознали военно-морские силы, которые не только попытались интегрировать ее положения в собственную доктрину, но и стали примером, позволившим в начале XXI в. распространить ее на принципы всей военной организации США. В отсутствие угрозы войны с советским флотом и на волне повышения «объединенности» по результатам конфликта в Персидском заливе ВМС посчитали, что могут и должны с помощью новых технологий улучшить

²⁶⁶ Shimko, K. *The Iraq Wars and America's Military Revolution*, Cambridge University Press, 2010. P.110-111

²⁶⁷ Ullman H., Wade, J. (with L.A. Edney, Fred Franks, Charles Horner, Jonathan Howe, and Kieth Bradley) *Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance*. Washinton, DC: The National Defense University, 1996.

²⁶⁸ *US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction* / Ed. by Harvey M. Sapolsky, Benjamin H. Friedman and Brendan Rittenhouse Green. London; New York: Routledge, 2012. P.73.

²⁶⁹ Owens, W. The Emerging U.S. System of Systems // *Strategic Forum*. February 1996, No. 63. URL: www.ndu.edu/inss/Struforum/SF_63/forum63.html (дата обращения: 07.03.2016)

применение своих средств, а также координировать их действия с другими видами ВС. Логика того периода диктовала военачальникам необходимость более экономичного применения сил и средств.

Движимые пониманием о том, что военная сфера отстает от общества и частного сектора в восприятии информационных технологий, военно-морские стратеги полагали, что успех боевых действий все больше будет зависеть от гибкости и способности управления данными. Это наводило их на гипотезу о том, что все компоненты ВМС (надводные боевые корабли, подводные лодки и военно-морская авиация) должны стать узлами единой сети, которая позволит им мгновенно обмениваться данными и вместо массового применения отдельных средств, или платформ, интегрально использовать имеющиеся рассредоточенные по ТВД средства для высокоэффективного удара по противнику, из чего родилось ключевое для современного этапа реформирования ВС США понятие «сетецентричной войны».²⁷⁰

Более того, к концу десятилетия американские военные теоретики также стали задумываться о проекции теории «системы систем» на квазивоенный уровень, когда для более успешного проведения операций требовалось не просто достижение межвидового взаимодействия войск, но и применение более широкого инструментария, выходящего за рамки военной организации. «Особое влияние на направления совершенствования функций и процессов оперативного управления оказала ... концепция «планирования и проведения операций с нацеливанием на конкретный результат», или концепция «операций на основе эффектов», которую США впервые апробировали на Балканах. Она предполагает «интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур» в отношении противника, которого рассматривают «как сложную систему, функционирование которой необходимо нарушить, избирательно воздействуя на уязвимые элементы».²⁷¹

²⁷⁰ Cebrowski, A., Garstka, J. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future // US Naval Institute Proceedings. January 1998. Vol. 124, No. 1. P. 28-35.

²⁷¹ Паршин С.А. Современные тенденции в теории и практике совершенствования оперативного управления вооруженными силами США. М.: Едиториал УРСС, 2009. С.15-16.

С конца десятилетия теория «системы систем» стала получать отражение в военно-стратегических документах, которые подчеркивали долгосрочную необходимость внедрения упомянутых выше инновационных достижений для повышения эффективности объединенной военной организации, а в официальный лексикон вошли термины, употребляемые и сегодня. И хотя в 1990-е гг. описанные концептуальные нововведения так и не стали официальной доктриной, они внесли значимый интеллектуальный вклад в уточнение перспективных направлений реформирования ВС США в 2000-е – 2010-е гг.

3.3. «Трансформация» ВС США и зарубежные боевые кампании в начале XXI века

Реформирование американских ВС в 2000-е гг. совпало с завершением переходного периода после окончания «холодной войны». Приход к власти неоконсервативного военно-политического руководства с особым видением роли США в мире не только отразился в ключевых доктринальных документах, но и стал многообещающим обстоятельством для войск. Несмотря на присущую военачальникам ригидность восприятия изменений, новый курс развития военной организации, или «трансформация», давал уникальную возможность приступить к реализации теоретических наработок и внедрению новейших технических достижений предыдущего десятилетия.

Важную роль в реформировании ВС также сыграла война с террором. После террористических актов 11 сентября 2001 г. у США впервые после «холодной войны» появился реальный враг, на борьбу с которым, необходимо было развернуть ВС. Кроме того, эти события давали финансовый рычаг, позволявший одновременно воплощать видение военной реформы и участвовать в крупных зарубежных операциях. Апробация «трансформации» на ранних этапах боевых действий в Афганистане и Ираке давала американскому руководству надежду на правильность выбранного курса.

Но на практике «трансформация» и война с террором оказались несовместимы, поскольку первая была излишне ориентирована на проведение коротких победоносных операций против регулярных ОВС с опорой на современные системы ВВТ, как это было в Ираке в 1991 г. Войска же столкнулись с более сложным, многоликим противником в непривычных боевых условиях, заставивших вновь обратиться к опыту войны во Вьетнаме, повторения которой ВС США старались избегать в течение 30 лет, а потому не учитывали в ходе внедряемых ранее изменений. Опыт применения заставил отложить попытки перехода от войн «индустриальной эпохи» к войнам «информационной эпохи» и скорректировать курс реформирования с учетом проведения длительных операций, связанных с поддержанием стабильности и послевоенным восстановлением оккупированных территорий.

Теоретические основы «трансформации» ВС США. Первое упоминание «трансформации» в контексте реформирования ВС США появилось в военно-теоретическом дискурсе сразу после окончания «холодной войны», однако в своем современном значении термин стал оформляться лишь ближе к началу 2000-х гг. В 1997 г. по заданию Конгресса был подготовлен доклад независимой комиссии по делам национальной обороны, в котором наметился отход от риторики достижений «революции в военном деле» в пользу нового понимания.²⁷² Примечательно, что термин «трансформация» также фигурировал в опубликованном несколькими месяцами ранее Четырехлетнем обзоре оборонной политики, однако семантически являлся обыкновенной модернизацией существующей военной организации и не предполагал качественных изменений.

В докладе комиссии были обозначены общие контуры «трансформации», которая предполагала создание принципиально иной структуры ВС, адаптированной для требований безопасности в XXI в. Предлагалось выйти за рамки существующего взгляда о построении ВС, сократив устарелую военную

²⁷² Transforming Defense: National Security in the 21 st Century // Report of the National Defense Panel. Washington, DC, December 1997. URL: http://chnm.gmu.edu/cipdigitalarchive/files/97_TransformingDefenseNationalDefensePanelFullReport.pdf (дата обращения: 15.05.2017)

организацию, предназначенную для отражения традиционных конфликтов, чтобы трансформировать войска, перераспределив финансирование на развитие новых технологий, оперативных концепций и организационных структур.

США должны были сконцентрироваться на отражении асимметричных угроз, в т.ч. для своей национальной территории, и быстро применять объединенные войска на удаленных ТВД во всех оперативных пространствах, иногда в составе коалиций, меньшими, но более способными силами и средствами при ограниченном материально-техническом обеспечении и с минимальными потерями личного состава, в т.ч. в городских условиях и операциях по поддержанию стабильности. Например, костяк СВ должен был состоять из небольших подразделений, которые рассредоточено ведут бои с опорой на сеть малых пунктов обеспечения. ВМС также будут опираться на сетевые и распределенные возможности. ВВС предложено увеличивать дальность пилотируемых и беспилотных средств и точность оружия, чтобы иметь возможность совершать налеты с баз за пределами ТВД вне зоны покрытия оборонительных и ударных средств противника. Кроме того, предполагались значительные изменения хозяйственных процессов внутри минобороны, отражен новый взгляд на организацию американской военной промышленности, а также военной инфраструктуры за рубежом.

Вопросы «трансформации» стали быстро проникать в официальные документы. В частности, в 1998 г. отражены в ежегодном докладе министра обороны президенту и Конгрессу, где уделено внимание «сетевым войнам» и необходимости создания новых оперативных концепций, их применению и НИОКР, способствующих реформированию²⁷³, а в 1999 г. в докладе научного совета МО термин получил определение как «объективный процесс, направленный на фундаментальное изменение принципов деятельности военной

²⁷³ Annual Report to the President and the Congress, Washington, DC: Secretary of Defense William S. Cohen, 1998. URL: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1998_DoD_AR.pdf (дата обращения: 12.07.2018)

организации и стремящийся к непрерывному совершенствованию возможностей проведения боевых операций».²⁷⁴

Однако, даже несмотря на это идеи не были восприняты руководством США до прихода в Белый дом новой республиканской администрации, которая сделала «трансформацию» определяющим подходом к реформированию ВС. Дж. Буш-мл. почти слово в слово озвучил подходы, впервые высказанные в докладе комиссии по делам нац.обороны, еще во время избирательной кампании. Он пообещал с опорой на революционные достижения в военных технологиях «приступить к созданию войск нового столетия», пересмотрев стратегию, задачи и структуру ВС, принципы их организации и базирования за рубежом, закупочные приоритеты, а также обеспечить оборону национальной территории от ОМУ, ракетных и информационных угроз, и усилить разведывательные возможности для борьбы с терроризмом с помощью сил специальных операций и ударов с большой дальности. «Трансформация потребует упора на НИОКР» и станет «массивным усилием», направленным на переход от промышленной эпохи к информационной. Будущему министру обороны в этой связи предоставлялся «широкий мандат на изменение статус-кво и создание новой архитектуры обороны на десятилетия вперед».²⁷⁵

Сразу после назначения в 2001 г. новый глава Пентагона Д. Рамсфельд поручил нескольким независимым от ВС и законодателей экспертным группам провести всестороннюю оценку различных аспектов военной стратегии, организации, систем ВВТ, бюджетных требований и т.д., чтобы проложить детальный курс реформирования войск. Исследователи при этом отмечают, что, несмотря на то, что это был «наиболее далеко идущий и значительный обзор американской военной структуры за долгие годы», он встретил ожесточенное

²⁷⁴ DoD Warfighting Transformation // Report of the Defense Science Board. Washington, DC: Office of The Under Secretary of Defense for Acquisition and Technology, September 1999. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a369135.pdf> (дата обращения: 25.05.2016)

²⁷⁵ Bush, G.W. A Period of Consequences // Speech by Presidential candidate George W. Bush, The Citadel, South Carolina, Thursday, September 23, 1999. URL: http://www3.citadel.edu/pao/addresses/pres_bush.html (дата обращения: 12.09.2017)

противодействие в военных кругах, и Д.Рамсфельд едва не ушел в отставку.^{276,277} Однако события 11 сентября подчеркнули политическую необходимость «трансформации», а последовавшие за этим успехи ВС в Афганистане в 2001-2002 гг. и разгром армии С. Хуссейна в Ираке в 2003 г. укрепили руководство США в правильности выбранного курса с опорой на применение сил спецопераций, высокоточные вооружения и небольшие мобильные сухопутные соединения.

Суть видения изменений точно описали российские исследователи американской оборонной политики и ВС В.И. Батюк и Н.А. Дьякова, по словам которых «министр обороны... Д. Рамсфельд и его люди, будучи страстными энтузиастами «революции в военном деле», были твердо уверены в том, что именно передовые, и прежде всего информационные, технологии — ключ к американскому абсолютному военному превосходству в XXI веке».²⁷⁸ Как отмечал сам Д. Рамсфельд, информационные технологии, развитие и защита соответствующих систем и проведение с их помощью скоординированных операций во всех оперативных пространствах наряду с защитой территории США, развертыванием ВС на отдаленные ТВД, гарантированным обнаружением и уничтожением врагов, и беспрепятственным доступом в космос стали ключевыми целями «трансформации».²⁷⁹

В МО определяли подход как «процесс, который формирует меняющуюся природу военного соревнования и сотрудничества путем нового сочетания концепций, [технических] возможностей, кадров и организаций, которые используют преимущества США и защищают асимметрично уязвимые места с целью сохранения стратегической позиции, которая помогает поддерживать мир

²⁷⁶ Sloan, E. *Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook*. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2008. P.139.

²⁷⁷ *Post-Cold War Defense Reform: Lessons Learned in Europe and the United States* / Ed. by István Gyarmati and Theodor Winkler. Washington, DC: Brassey's, Inc., 2002. P.65.

²⁷⁸ Батюк В.И., Дьякова Н.А. Военная политика США в Евразии: российский ответ. Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2010. С.8.

²⁷⁹ Rumsfeld, D. *Transforming the Military* // *Foreign Affairs*, May/June 2002. Vol. 81, No.3. P.20-32.

и стабильность во всем мире».²⁸⁰ Стратегия трансформации, которая предполагала укрепление объединенных операций, эксплуатацию разведывательных преимуществ, разработку новых концепций и экспериментирование, а также создание новых систем ВВТ, стала фундаментом для достижения одновременно высокоскоростной и точной непрерывной масштабной проекции интегрированных сил в рамках новой концепции «быстрого ответа», лежавшей в основе т.н. «доктрины Рамсфельда».

«Трансформация» стала образом мысли, который поощрял культуру реформирования ВС, чем качественно отличалась от представлений о «революции в военном деле». Если «революция» ассоциировалась с быстрыми, глубокими и неконтролируемыми изменениями, целью которых является отмена старых принципов устройства военной организации в пользу принятия нового, то «трансформация» рассматривалась как постоянное стремление к достижению лучших возможностей, или непрерывный процесс, направленный в отличие от модернизации не на эволюционное улучшение способности выполнять текущие задачи, а на создание качественно иных стандартов их выполнения.

В итоге, «трансформация» нашла широкое отражение в таких ключевых доктринальных документах администрации Дж. Буша-мл., как стратегия национальной безопасности 2002 г., четырехлетний обзор в области оборонной политики 2001 и 2006 гг. Но к 2006 г., когда оперативные неудачи в Ираке и Афганистане в конфликте с совершенно иным противником, к борьбе с которым ВС США оказались не готовы, Пентагону пришлось переключиться на решение насущных задач, ввиду чего сменивший Д. Рамсфельда Р. Гейтс отложил намеченное реформирование до прихода следующей администрации.

Практика применения идей «трансформации» ВС США в 2000-е гг.
Понимая ошибки применения нововведений в 1990-е гг., новая администрация решила проводить «трансформацию» централизованно, для чего осенью 2001 г. создала в МО специальное управление трансформации ВС (*Office of Force*

²⁸⁰ Military Transformation: A Strategic Approach. Washington, DC: Office of Force Transformation, Department of Defense, Fall 2003. P.2.

Transformation), которое возглавил один из основоположников теории «системы систем» и «сетевцентричной войны» А. Себровски. Новой инстанции поручили детальное оформление и воплощение реформаторского видения, а также проверку его реализации, в связи с чем была введена система регулярной отчетности видов ВС о выполнении изменений.

На заре «трансформации» ее архитекторы предполагали, что, следуя установившейся после «холодной войны» тенденции финансирования обороны, расходы на обеспечение ВС продолжат снижаться. В этих условиях требовалось подумать о более эффективном распределении бюджетов, ввиду чего предлагалось отказаться от систем ВВТ, ориентированных на крупные сражения прошлого, в пользу технологических решений будущего, основанных на достижениях в информационных средствах.

Теракты 11 сентября 2001 г. спровоцировали резкое увеличение оборонных расходов. В теории это создавало благоприятные условия для закупок, но на практике противоречило идеям «трансформации», поскольку вводило дополнительные препятствия для избавления от оборудования, концепций и организации, ориентированных на решение задач прошлого. На протяжении всего срока администрация Дж.Буша-мл. не смогла сформулировать четкие закупочные приоритеты «трансформации», так и не ликвидировав до конца вооружения предыдущей эпохи.

Ранние этапы войны с террором в Афганистане (2001-2002 гг.) и в Ираке (2003 г.) свидетельствовали об успехе более совершенного разведывательно-ударного комплекса ВС США и открыли путь к массовому внедрению средств связи и обмена данными и совершенствованию систем командования и управления войсками.²⁸¹ Это позволяло впервые на практике приступить к реализации предсказанной десятилетием ранее «сетевизации» сил и средств внутри и между видами ВС. Однако, по сути, все это было лишь внедрением

²⁸¹ Паршин С.А., Горбачев Ю.Е., Кожанов Ю.А. Современные тенденции развития теории и практики управления в вооруженных силах США. М.: URSS, 2009. 272 с.

предыдущих технологических достижений – модернизацией, но не «трансформацией».

Несмотря на то, что военно-политическое руководство США уделяло первостепенное внимание внедрению технологий, их влияние на «трансформацию» в 2000-е гг. можно считать условным. При этом по-настоящему значимыми, хотя и менее заметными, стали организационные нововведения в войсках, четко отражавшие военно-стратегические установки ключевых доктринальных документов того периода.

Активное участие в мировых делах и проведение крупных зарубежных операций говорили о более динамичном применении ВС. В этой связи важным результатом «трансформации» стал пересмотр сложившегося в годы «холодной войны» подхода к базированию сил за рубежом. Отныне опора на ротационное присутствие вместо постоянного размещения и создание т.н. «попутной инфраструктуры» служили оптимизации возможностей стратегической переброски и мобильности на дальних ТВД, позволяя находиться ближе к источникам угрозы и добиваться быстрой концентрации сил в отдельных местах при возникновении необходимости.

Новый подход к глобальному присутствию предполагал поддержание трех типов инфраструктуры – «главные оперативные базы», «передовые боевые позиции» и «пункты совместной безопасности». Первые были крупными объектами постоянного размещения ВС и их семей, с командно-управленческими структурами, независимым обеспечением и улучшенными мерами защиты. Вторые – объекты меньшего размера с ограниченным материально-техническим обеспечением, но с возможностью расширения, для небольших ротационных контингентов ВС для двустороннего и регионального взаимодействия. Третьи – объекты с минимальным американским присутствием, поддержание которых осуществляется преимущественно подрядчиками или силами принимающей стороны для быстрого доступа к месту проведения операций или осуществления военного взаимодействия на местах. На базах и боевых позициях также могут находиться «передовые объекты складского хранения», которые снизят

необходимость переброски тяжелой боевой, ремонтной и обслуживающей техники с континентальной части США.

В долгосрочной перспективе это позволяло поддерживать поток в/из зон боевых действий и создать стратегический резерв сил, синхронизировав подготовку всех ударных и обслуживающих подразделений видов ВС, а также ориентировать силы и ресурсы на проведение целевых миссий.^{282,283}

Важным «трансформационным» дополнением экспедиционного развертывания стало повышение мобильности на местах, особенно для СВ. Уроки операций в Ираке в 1991 г. и в Косово в 1999 г., выявившие неповоротливость сухопутных формирований, вынудили их повысить маневренность соединений без отказа от общей организационной структуры «дивизия-бригада-батальон».

Частично предполагалось решить проблему за счет более совершенных вооружений, ввиду чего возник проект «боевых систем будущего». Предусматривалось создание семейства облегченной (массой до 20 тонн) управляемой и безэкипажной техники с улучшенной совместимостью за счет ее объединения в единую информационно-огневую сеть, которая давала тотальную оперативную картину. Однако, инженерные сложности в ходе НИОКР привели к кратному увеличению предполагаемых затрат, и не решали проблему экспедиционности, поскольку на переброску полноценного дивизионного формирования с полным штатным комплектом таких систем ВВТ по-прежнему требовалось слишком много времени.²⁸⁴

Параллельно, в развитие идей, высказанных накануне 2000-х гг., начался переход к новому типу войсковой структуры, в которой основной организационной единицей вместо громоздких дивизий стали более поворотливые ударные бригады, или в американской терминологии «бригадные

²⁸² Jones, J. The Global Posture Review of United States Military Forces Stationed Overseas // Prepared Statement of Gen. James L. Jones, Jr., USMC, Commander, United States European Command and Supreme Allied Commander, Europe, Hearing, Committee on Armed Services, United States Senate, September 23, 2004.

²⁸³ Strengthening U.S. Global Defense Posture // Report to Congress. Washington, DC: Department of Defense, September 2004. P.16. URL: http://www.dmhawaii.org/wp-content/uploads/2008/12/global_posture.pdf (дата обращения: 12.08.2016)

²⁸⁴ The Army's Future Combat Systems Program and Alternatives. Washington, DC: Congressional Budget Office, August 2006.

тактические группы», укомплектованные обозначенной техникой. Такая реорганизация не сказывалась на численности личного состава, но значительно повышала скорость и точность развертывания сил. Если раньше военным приходилось разворачивать крупные соединения даже для отражения незначительной по размерам угрозы, поскольку бригады зависели от подразделений обслуживания (разведка, материально-техническое обеспечение и т.д.), которые предоставлялись только на дивизионном уровне, то бригадные тактические группы были сделаны более самостоятельными в этом отношении. Соединения отлично зарекомендовали себя в Ираке в 2003 г., в результате чего в рамках «трансформации» к началу 2010-х гг. Пентагон переформировал 10 дивизий, оставшихся после «холодной войны», в 42 ударные бригады активного компонента ВС трех типов – обыкновенные, или т.н. бригады «Страйкер» на основе данной колесной техники, бронетанковые бригады, укомплектованные танками «Абрамс» и боевыми машинами «Брэдли», и воздушно-десантные бригады с ударными вертолетами «Апач». В 2006 г. СВ внедрили новый процесс формирования сил таких бригад (*ARFORGEN*).

Развивая концептуальные достижения 1990-х гг. с опорой на повышение точности и дальности поражающих средств, ВМС в ходе «трансформации» в целом сравнялись с ВВС по эффективности нанесения ударов по суше, и даже превзошли летчиков в противодействии подвижным целям. Для координации прибрежных операций в 2006 г. ВМС создали новую оргструктуру – экспедиционное боевое командование. Тогда же приступили к созданию плавучих средств для операций в прибрежных районах, ставших важным техническим достижением «трансформации», – прибрежных боевых кораблей. В планах было построить 55 единиц, заменив ими три типа судов времен «холодной войны», но при администрации Дж. Буша-мл. на воду спустили лишь прототип и два серийных судна.

Важной характеристикой «трансформации» также стал модульный принцип построения организационных структур и техники. В отношении соединений СВ это означало, что батальоны и роты в рамках новых бригад могут сочетаться в

различных вариантах в зависимости от поставленных задач и ТВД, что давало им гораздо большую гибкость на поле боя. В отношении систем ВВТ, на примере прибрежных боевых кораблей, это означало, что на одном корпусе возможно несколько разных комплектаций – для перехвата малых судов, для противоминных операций или для противодействия подводным лодкам. В 2000-е гг. данный принцип только начинал внедряться и распространился в ВС лишь в середине 2010-х гг.

В итоге, несмотря на то, что «трансформация» дала жизнь множеству систем ВВТ, используемых и сегодня, ее основные реформаторские достижения заключались в изменении принципов построения ВС. Эти достижения, однако, не удалось адаптировать под условия боя с противником, с которым США столкнулись на более поздних фазах боевых действий в Афганистане и Ираке. Военно-политическое руководство США критиковали за нереалистичное убеждение в том, что технологии способны заменить человека в бою. Однако главное наследие реформ того периода заключается в организационных и концептуальных преобразованиях, ставших отличным заделом для долгосрочного реформирования ВС в XXI веке.

Проблемы реформирования ВС США в условиях войны с террором в Афганистане и Ираке. Опыт продвинутых фаз боевых действий в Афганистане и Ираке показал, что применение «трансформации» столкнулось с проблемой адаптации под изменившиеся боевые условия. В этой связи следует отметить, что военное реформирование в 2000-е гг. не было одномерным, не фокусировалось только на внедрении изначального видения преобразований, и после событий 11 сентября стало развиваться в параллельном направлении – для ориентации ВС на борьбу с нетрадиционным противником, повстанческим движением, которое отличалось от обычных войск отсутствием тяжелой техники и регулярных формирований, меньшей численностью, разнообразием состава, гибкостью структуры подразделений, а также способами ведения войны.

Ряд военных теоретиков и экспертов указывали на отсталость американских ВС в противодействии подобному врагу еще в рамках анализа боевых действий в

Сомали в 1993 г. Но в тот период крупные успехи «Бури в пустыне» затмили относительно небольшие неудачи в Африке, и вплоть до начала 2000-х гг. в войсках предпочитали игнорировать возможность участия в небоевых операциях, рассматривая их как второстепенные и маловероятные.²⁸⁵

Нетрадиционный характер врага, с которым ВС столкнулись в Ираке и Афганистане, заставил военно-политическое руководство США обратиться к опыту проведения контрповстанческих боевых действий и начать искать нетрадиционные решения для борьбы с небольшими и децентрализованными в терминах командования/управления и дислокации группами противника, маскирующимися под мирное население.

Частично, проблему решала опробованная в начале боевых действий в Афганистане тактика, при которой небольшие подразделения американских сил специальных операций вместе с бойцами из местного населения при поддержке американской авиации с ВТО проводили разведку боем по позициям противника. Примечательно, что в основе успеха тактики лежала инновационная концепция, предложенная военным в ЦРУ.²⁸⁶ И, хотя на проведении крупных наземных операций по поддержанию стабильности и послевоенному восстановлению она отразилась лишь косвенно, в долгосрочной перспективе это повлияло на повышение значения спецподразделений в практике применения ВС США в начале XXI века. С начала 2000-х гг. стабильно увеличивается финансирование Командования специальных операций и численность соответствующих сил, расширяется их зарубежное присутствие, улучшаются методы подготовки, а учебно-боевая практика распространяется и на регулярные подразделения ВС.

Под реалии боевых действий пришлось спешно адаптировать ВВТ. Достижения военно-технической и информационной революции в виде передового разведывательно-ударного комплекса, даже несмотря на растущее применение ударной беспилотной авиации, в 2000-е гг. оказались относительно малоэффективны в условиях партизанской войны. Высокоточное оружие было в

²⁸⁵ Shimko, K. The Iraq Wars and America's Military Revolution, Cambridge University Press, 2010. P.104.

²⁸⁶ Bearden, M. Afghanistan, Graveyard of Empires // Foreign Affairs, November/December 2001. Vol. 80, No. 6. P.17-30.

целом бесполезно против врага, у которого отсутствовала стационарная инфраструктура, и он, как правило, смешивался с местным населением, а, значит, требовались войска на местах, снабженные улучшенными средствами персональной защиты, связи и стрелковым оружием. Облегченная подвижная техника (в частности, бронемашины «Страйкер») оказалась уязвимой к самодельным взрывным устройствам, в результате чего пришлось отказаться от повышенной мобильности на ТВД в пользу защищенности, что привело к разработке и закупке транспортных средств, устойчивых к минам (*MRAP*).

Но главные преобразования произошли на концептуальном уровне. Впервые со времен войны во Вьетнаме ВС США подготовили директивные документы, определявшие порядок участия регулярных американских подразделений в необычных боевых условиях с учетом опыта действий в Ираке и Афганистане в рамках поддержания стабильности и послевоенного восстановления.^{287,288,289} Новые оперативные концепции проведения нетрадиционных, контрповстанческих операций и боевых действий в городских условиях рассказывали, как выстраивать отношения с местным населением, развивать институты местного самоуправления, отличать гражданское население от комбатантов и т.д. Как отмечает в этой связи С.М. Самуйлов, «впервые в истории Минобороны США ... послевоенные операции по стабилизации ... по степени значимости приравнялись к военным».²⁹⁰

Стало понятно, что оперативная необходимость заставляла ВС США перейти от межвидового взаимодействия к межведомственному и даже международному с использованием широкого инструментария (дипломатия, оборона, разведка, правоохранительные органы, экономическое и социальное развитие). Победить врага можно только с помощью слаженных, терпеливых действий, которые предполагали участие всех необходимых государственных

²⁸⁷ Counterinsurgency, Field Manual, FM 3-24. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, December 2006.

²⁸⁸ Irregular Warfare (IW), Joint Operating Concept (JOC), Version 1.0. Washington, DC: Department of Defense, 11 September 2007.

²⁸⁹ Joint Urban Operations, Joint Integrating Concept, Version 1.0. Washington, DC: Department of Defense: 23 July 2007.

²⁹⁰ Самуйлов С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование. М.: ИСКРАН, 2013. С.230.

органов и частного сектора, в связи с чем особое развитие в 2000-е гг. получило концепция проведения ООЭ, которую характеризовали как «процесс получения желаемого стратегического результата через синергетическое применение всего спектра военных и невоенных возможностей на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях».²⁹¹

Но что важнее, опыт Афганистана и Ирака позволил дать новаторскую характеристику особенностям участия в подобных операциях, описанных рядом т.н. «контрповстанческих парадоксов».²⁹² В частности, что защищенность ВС не гарантирует безопасности. Численность контингента не означает эффективности его применения. В некоторых случаях бездействие войск может быть наилучшим ответом на действия противника, а опора на действия местных ВС лучше, чем активное участие собственных сил. Достижение боевого успеха возможно меньшими силами, которые подвержены большему риску, однако тактический успех не универсален и не гарантирует победы. Важные решения не обязательно принимаются на самом верху, а лучшим оружием является не военная сила, а диалог. Разработанные в 2000-е гг. принципы участия в нетрадиционных конфликтах нашли отражение в т.н. «парадоксе безопасности», который с начала в 2010-х гг. американские военачальники используют для описания подходов к применению ВС США в сложной геополитической обстановке в XXI веке.

3.4. Реформирование ВС США на современном этапе

Подводя итоги предыдущего этапа военной реформы, который сопровождался внедрением достижений «трансформации» и приспособлением к проведению длительных операций по поддержанию стабильности, руководство МО на стыке администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы пришло к выводу о необходимости «восстановления равновесия» войск на фоне глобального

²⁹¹ Transforming Defense / C. Lamb [and others]. National Defense University. Washington, DC, September 2005. P.13.

²⁹² Counterinsurgency, Field Manual, FM 3-24. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, December 2006.

финансово-экономического кризиса и долгосрочной тенденции сокращения расходов на оборону после завершения кампаний в Афганистане и Ираке.²⁹³

Стремительные изменения перспективного характера боевых действий вынуждают США воевать далеко за пределами передовых баз и основных боевых позиций и сталкиваться с широким кругом противников. На результат боевых действий в будущем все большее влияние будут оказывать ускорение взаимодействия, быстрое распространение информации в глобальных масштабах, необходимость сохранять превосходящий силовой и технический потенциал в труднодоступных боевых условиях, распространение ОМУ и, как следствие, подготовка к участию в боевых действиях с его применением, а также распространение новейшего электронного и противокосмического оружия и проведение операций на сложной местности.

Новый подход требует качественных и количественных изменений, которые касаются всех видов войск. В 2010-е гг. в условиях жесткой экономии средств и в рамках таких геополитических тенденций, как нарастание нестабильности в результате смещения центров силы, неравномерного экономического развития, стремительного роста взаимозависимости и потребности в ресурсах, повышение значимости и уязвимости «сфер всеобщего достояния», а также технологические прорывы в смежных с военным делом областях, в США начались значительные сокращения личного состава и пересмотр приоритетов военного развития, включая практические усилия в области объединенного применения американской межвидовой группировки сил и средств вместе с союзниками.

Концептуальные основы современного этапа реформирования ВС США. Адаптация к новым условиям безопасности в мире требовала от ВС США, в первую очередь, масштабных интеллектуальных усилий, направленных на повышение эффективности применения войск и, как следствие, переосмысление доктрин, способов управления, организации, методов подготовки и образования, материально-технического и кадрового обеспечения войск. С этих позиций

²⁹³ Gates, R. A Balanced Strategy: Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs, January/February 2009. Vol.88, No.1. P.28-40.

наибольшее влияние на реформирование ВС США на современном этапе оказал ряд концептуальных документов в развитие стратегических оборонных директив 2012 г. Теоретическим «двигателем» преобразований выступила созданная в КНШ концепция обеспечения доступа объединенных сил к местам проведения операций, которая служит «настольным пособием» по реорганизации американских войск для участия в конфликтах XXI века.²⁹⁴ Облик таких войск заложен в сводной концепции объединенных операций.²⁹⁵

В этих документах военное руководство США по сути признает, что эпоха слабых противников заканчивается. В будущем ВС будут сталкиваться преимущественно с сильными, хорошо защищенными и современно вооруженными субъектами, которые обладают широким набором средств отказа в проникновении и получении преимуществ на поле боя. Основным элементом оперативного успеха, рассматриваемого как достижение силового превосходства и обеспечение гарантированной свободы действий, являются взаимодополняющие действия различных сил и средств в нескольких оперативных пространствах, из которых ключевыми для победы являются космос и киберсреда, – т.н. «междоменная синергия». Главная цель ВС США – заблаговременное формирование благоприятных условий для получения и поддержания упомянутого доступа.

Предполагается, что к 2020 г. виды ВС должны добиться более глубокой интеграции действий (на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях), чтобы проводить одновременно на нескольких направлениях комплексные операции в глобальном масштабе. В связи с этим перед войсками стоит ряд оперативных задач, наиболее приоритетными из которых являются быстрая проекция силы по всему миру, внутренняя и внешняя оперативно-функциональная совместимость и стандартизация тактики, методики и процедур внутри ВС США и с силами союзников и партнеров, развитие системы

²⁹⁴ Joint Operational Access Concept (JOAC), Version 1.0. Washington, DC: Department of Defense, 17 January 2012. URL: https://archive.defense.gov/pubs/pdfs/JOAC_Jan%202012_Signed.pdf (дата обращения: 15.11.2018)

²⁹⁵ Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, 10 September 2012.

межвидового образования офицерского, сержантского и рядового состава с особым акцентом на глубокое знание регионов мира, осуществление командования и управления на основе цифровых «облачных» технологий, интеграция сил общего и специального назначения, разработка новых методов и средств обработки больших массивов данных, единая координация огневых средств разных видов ВС, создание техники для преодоления средств отказа в доступе со стороны противника, улучшение оперативно-стратегической мобильности и тактического маневрирования при наращивании транспортно-логистических возможностей, укрепление наступательного и оборонительного потенциала в космическом и киберпространстве, интеграция противоракетных средств, создание единой системы материально-технического обеспечения, повышение энергонезависимости войск. В общих чертах обозначены и технические средства, которые потребуются для выполнения таких ключевых функций объединенных сил, как командование и оперативное управление, ведение разведки и огня, передвижение и маневрирование, охрана сил и их поддержание, а также военное сотрудничество с зарубежными странами и доведение позиции ВС США до остального мира.²⁹⁶

Важным развитием этого видения стала вспомогательная концепция проведения «совместных воздушно-морских операций» для обеспечения доступа в «сферы всеобщего достояния» и достижения бесперебойности всего боевого цикла от обнаружения целей до их уничтожения. Ее оформление началось еще в 2009 г., когда ВВС и ВМС подписали соглашение о совместном применении своих сил и средств и обмене развед.информацией на поле боя. В конце 2011 г. в МО создано специальное управление по реализации концепции, которое в 2013 г. обнародовало первые доктринальные наработки – документ «Air-Sea Battle: Service Collaboration to Address Anti-Access & Area Denial Challenges» – по преодолению широкого набора технических средств противника: высокоточные ракетные вооружения (баллистические, крылатые, противовоздушные и т.д.),

²⁹⁶ Ibid. P.9.

подводный флот, противокорабельные и противолодочные возможности (включая торпеды и мины), кибероружие, противоспутниковые средства, а также более простые боевые системы.

Тогда же стало известно о приоритетных направлениях технологического развития в рамках концепции. К ним относятся 1) надежная и защищенная система связи для взаимодействия между различными боевыми платформами (включая придание истребителям F-22 возможности корректировки полетного задания КРМБ «Томагавк»); 2) деятельность в киберпространстве (новые методы эксплуатации и защиты компьютерных сетей); 3) системы противодействия РЭБ (цифровое радиочастотное модулирование); 4) средства и способы совместного применения ПРО, «активная» ПРО, удаленное уничтожение пусковых установок; 6) наращивание разведывательной авиагруппировки, в т.ч. БЛА; 7) противодействие маломерным и малозаметным плавсредствам; 8) обнаружение и нейтрализация подводных мин.²⁹⁷

Изначально в реализации концепции не предполагалось участие СВ, которым в соответствии с Четырехлетним обзором в области обороны 2010 г. поручалось сокращаться после завершения операции в Ираке и по мере вывода сухопутного контингента из Афганистана. Однако боевой опыт и оперативная необходимость заставили военных пересмотреть роль наземной группировки в будущих конфликтах с учетом того, что любая победа в воздухе и на море не будет полной без последующего наземного вторжения на территорию противника. В связи с этим в 2015 г. концепция получила новое расширительное название – «доступ и маневрирование объединенных сил в сферах всеобщего достояния».²⁹⁸

В рамках ее реализации предполагалось развитие сетевой, межвидовой структуры ВС для глубокого наступления с целью дезорганизации, уничтожения и разгрома противника. Это требовало одновременного комплексного проведения

²⁹⁷ The Future of AirSea Battle 30 October 2013 // USNI News. URL: <https://news.usni.org/2013/10/30/future-air-sea-battle> (дата обращения: 04.04.2017)

²⁹⁸ Joint Concept for Access and Maneuver in the Global Commons, Memorandum, Joint Staff. 8 January 2015 // USNI News. URL: <https://news.usni.org/2015/01/20/document-air-sea-battle-name-change-memo> (дата обращения: 04.04.2017)

операций в воздухе, на море и суше, в космосе и компьютерных сетях и влекло за собой беспрецедентный уровень интеграции сил от штабов до позиций на местах внутри отдельных видов, усиление межвидового, межведомственного и международного военного сотрудничества, совместное планирование, подготовку и обучение, командно-штабные и оперативные учения, а также единые закупки и модернизацию.

Практика внедрения преобразований в деятельность ВС США. По мере завершения крупных наземных операций и снижения оборонных расходов Пентагон продолжает поиск возможностей приспособления ВС к выполнению более широкого круга перспективных боевых задач. Стремительно меняющиеся условия безопасности в мире порождают новые угрозы для США во всех оперативных пространствах, что требует адекватного ответа со стороны американских военных.

В немалой степени современный этап реформирования ВС США затронул СВ, которым после завершения операций в Афганистане и Ираке, как и после окончания «холодной войны», вновь приходится сокращать численность и расходы, не теряя при этом боеспособности на фоне роста угроз. В свете директив 2012 г. СВ взяли курс на адаптацию до конца нынешнего десятилетия к условиям мирного времени, предполагающим повышение оперативной гибкости, расширение зарубежного присутствия и выполнение небоевых функций.

Военные стремятся сохранить и приумножить боевой опыт длительных операций и навыки борьбы с терроризмом и повстанческим движением. Однако тенденции развития военного дела в XXI веке требуют качественно иного подхода к боевым действиям и критического взгляда на участие в операциях по всему оперативному спектру. С учетом того, что угрозы во всех оперативных пространствах рождаются на суше, в перспективных войнах применение СВ очень важно для достижения широкого круга целей с длительными политическими результатами.

В 2012 г. руководство СВ обозначило программу действий. Войска вступили в «переходный период», во время которого требуется приспособиться к

качественным и количественным геополитическим, экономическим, оперативным и технологическим изменениям, создав новые оперативные концепции, методы и средства ведения боя. Они должны выполнять широкий круг задач вместе с другими видами ВС, ведомствами и государствами, быстро адаптироваться к любой оперативной обстановке, гибко и самостоятельно реагировать на изменения в отсутствие связи с командованием, использовать научно-технические достижения и обладать улучшенной подготовкой для выполнения таких небоевых задач, как ликвидация последствий природных бедствий, гуманитарных и техногенных катастроф, поддержание мира и послевоенное восстановление, обучение местных сил безопасности, в т.ч. в рамках идеи «регионального приспособления».²⁹⁹ Тогда же в Военной академии СВ новый акцент приобрели спецкурсы по кросскультурной коммуникации, а Лингвистический институт МО сделал ставку на изучение восточных языков и редких диалектов Азии и Африки.

Предполагалось, что в течение 2020-х гг. в США сформируется «стратегическая наземная группировка», основу которой составят качественно новые сухопутные войска, которые будут находиться в тесном контакте с подразделениями КМП, ССО и Киберкомандования США. Также требовалось привлечение ВВС (пилотируемая авиация, БЛА и космические разведсредства) и мощного тыла, что позволяло подготовить армию для выполнения задач независимо от места проведения операций.³⁰⁰

В рамках доктринальной проработки перспективного облика СВ на период 2020-2040 гг. разработан долгосрочный план развития (*Force 2025 and Beyond*), реализацией которого занималось специально созданное управление внутри сухопутного командования боевой подготовки и разработки доктрин (г. Форт Юстис, шт. Вирджиния).³⁰¹ План предусматривал решение таких задач, как ответ

²⁹⁹ Odierno, R. The U.S. Army in a Time of Transition: Building a Flexible Force // Foreign Affairs, May/June 2012. Vol. 91, No. 3. P.7-11.

³⁰⁰ Strategic Landpower: Winning the Clash of Wills. Army Capabilities Integration Center, October 28, 2013. URL: http://www.arcic.army.mil/app_Documents/Strategic-Landpower-White-Paper-28OCT2013.pdf (дата обращения: 28.02.2018)

³⁰¹ Force 2025 and Beyond: Unified Land Operations, Win in a Complex World. U.S. Army Training and Doctrine Command, October 2014. URL: www.arcic.army.mil/app_Documents/tradoc_ausa_force2025andbeyond-unifiedlandoperations-wininacomplexworld_07oct2014.pdf (дата обращения: 28.02.2018)

на угрозы в глобальном масштабе и формирование пространства безопасности, проекцию силы в отдельные регионы, обеспечение безопасности больших территорий, быстрое понимание оперативной обстановки, участие в объединенных межвидовых операциях, ведение боевых действий высокой интенсивности, закрепление на ТВД, предотвращение и ликвидацию кризисных ситуаций на территории США, совершенствование организации и хозяйственных процессов, улучшение пригодности личного состава, совместные маневры во всех оперативных пространствах, проведение специальных и киберопераций. Однако, дальше теоретических наработок дело не пошло.

С целью повышения эффективности межвидовых наземных операций в глобальном масштабе с начала 2010-х гг. идут преобразования в доктринальных документах, организации и управлении, комплектовании, подготовке и образовании личного состава, а также в снабжении и содержании сопутствующей сухопутной инфраструктуры.

На практике оргструктура СВ США стала претерпевать изменения. Качественным преобразованиям подверглись бригады и батальоны. С 2013 г. численность каждой из БТГ незначительно сократили (с 4500 до 4000 чел.), укомплектовав высвободившимся личным составом кадрированные части. Постепенно стали «возрождать» самостоятельные штабы дивизий, по сути упраздненные в ходе «трансформации». К 2016 г. в целом достигли, как тогда казалось военным, желаемого экспедиционного характера для участия в широком наборе операций по всему миру. Однако добиться полного выполнения поставленных задач не удалось. Все более очевидными становились глубокие структурно-функциональные проблемы, на которые долгое время не обращали внимания.

С недавних пор состояние СВ вызывает у военного руководства США ощущение «дежавю», оживляя в памяти образ «дутой армии» (*'hollow force'*) 1970-х гг., когда поражение во Вьетнаме заставило войска болезненно осознать бесполезность приобретенного боевого опыта для борьбы с главным противником

– Советским Союзом.^{302,303} Спустя 40 лет СВ вновь оказались в затруднительном положении. По мере пробуждения от «после-холодно-военного» сна в Вашингтоне развеялась убежденность в том, что США навсегда останутся единственной сверхдержавой. Более уверенное военно-политическое поведение России и Китая в мире в последние годы вернуло Вашингтон к новой реальности. «Эти страны хорошо изучили американские доктрины, методики подготовки, оборудование и организацию и пересмотрели собственные подходы к войне, что сделало их сильнее».³⁰⁴

Важную роль в «деградации» американской боеспособности на суше сыграла смена концептуальных подходов к проведению операций на фоне тектонических сдвигов на международной арене. Военно-стратегические документы рубежа XX–XXI веков свидетельствуют – окончание «холодной войны» лишило США врага и устранило необходимость подготовки к масштабным маневрам. Уверенность в победе за счет технических возможностей подменила опору на реальные угрозы. Как результат, сухопутные доктрины последних десятилетий предусматривали не то, что вооруженные силы *должны и могли делать*, а что *хотели бы делать* в случае столкновения с тождественным противником.³⁰⁵

В связи с этим, «море концепций, возникших после «холодной войны», брало в расчет лишь существующие или вымышленные боевые возможности и часто пренебрегало законами физики и экономики, но, что важнее, было лишено конкретной цели. Бесконечная погоня за возможностями, которыми бы хотелось вести войну, без учета того, против кого и где она будет проходить, сопровождалась ростом издержек и прочих сложностей. Военная мысль стала

³⁰² Mehta, A. Bob Work: Army Challenges Reminiscent of 1970s // Defense News, October 4, 2016. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ausa/2016/10/04/bob-work-army-challenges-reminiscent-of-1970s/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁰³ South, T. 2-star: Modernization starts with how the Army trains its leaders for war // Defense News, October 8, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/news/your-army/2017/10/08/2-star-modernization-starts-with-how-the-army-trains-its-leaders-for-war/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁰⁴ Maze, R. Radical Change Is Coming: Gen. Mark A. Milley Not Talking About Just Tinkering Around the Edges // ARMY Magazine, Association of the U.S. Army, December 13, 2016. Vol. 67, No. 1 January 2017. URL: <https://www.ousa.org/articles/radical-change-coming-gen-mark-milley> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁰⁵ Johnson, D. An Army Trying to Shake Itself from Intellectual Slumber, Part I: Learning from the 1970s // War on the Rocks, February 2, 2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/02/army-trying-shake-intellectual-slumber-part-learning-1970s/> (дата обращения: 09.05.2018)

жертвой военно-технологического детерминизма, когда в основу боевых концепций ставилась техника без учета угроз».³⁰⁶ Одностороннее внедрение «революции в военном деле», веру в которую подкрепляли успехи в Персидском заливе, на Балканах и ранних этапах войны с терроризмом, превратилось в самоцель. Однако, к середине 2010-х гг. руководству СВ стало очевидно, что «после шока и трепета всегда следует наступление и бой [на земле]».³⁰⁷

Немалое влияние на снижение готовности СВ к участию в конфликтах высокой интенсивности также оказало мышление, укоренившееся в результате «трансформации» и боевых действий в Афганистане и Ираке. В угоду центральному элементу преобразованной оргструктуры СВ – бригадным тактическим группам – Пентагон по сути избавился от крупных соединений, которые лишились ключевых подразделений обеспечения, а их штабы стали выполнять второстепенные функции. В итоге в ходе «бригадоцентричных» контрповстанческих и стабилизационных операций войска утратили навыки борьбы с крупным противником и в целом понимание роли дивизий и корпусов на поле боя, снизилась способность армии проводить операции по всему спектру и сузился опыт командования, на возвращение чего потребуются годы.^{308,309}

Ситуацию усугубило «восстановление равновесия», задуманное администрацией Б. Обамы, чтобы разгрузить войска после изнурительных кампаний на Большом Ближнем Востоке. С начала 2010-х гг. на фоне вывода основного контингента из Ирака и Афганистана, а также ввиду принятия «Закона о бюджетном контроле» ВС второй раз после «холодной войны» подверглись глубоким сокращениям, что значительно снизило способность сухопутчиков выполнять в полном объеме поставленные задачи. С пиковых значений

³⁰⁶ Johnson, D. An Army Trying to Shake Itself from Intellectual Slumber, Part II: From 9/11 to Great Power Competition // War on the Rocks, February 6, 2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/02/army-trying-shake-intellectual-slumber-part-ii-great-power-competition/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁰⁷ Vergun, D. Milley dispels 4 seductive myths of warfare. October 13, 2015. URL: https://www.army.mil/article/157020/milley_dispels_4_seductive_myths_of_warfare (дата обращения: 09.05.2018)

³⁰⁸ House Committee on Armed Services, Subcommittee on Readiness Hearing on the Current State of U.S. Army Readiness, Full Transcript, March 8, 2017. URL: <http://www.fednews.com/transcript.php?item=571741> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁰⁹ Senate Committee on Armed Services, Subcommittee on Readiness and Management Support Hearing on Current Readiness of U.S. Forces, Full Transcript, February 8, 2017. URL: <http://www.fednews.com/transcript.php?item=571332> (дата обращения: 09.05.2018)

2011 фин.г. общая численность СВ (включая резерв и нацгвардию) к 2017 фин.г. снизилась на 9 процентов (с более 1,1 млн. чел. до почти 1 млн. чел.), регулярные силы – на 14 проц. (с 566 тыс. чел. до 476 тыс. чел.), причем количество БТГ – на 31 проц. (с максимума в 45 ед. в 2013 фин.г. до 31 в 2017 фин.г.).^{310,311}

Но эти показатели не в полной мере отражают настоящее положение. С одной стороны, в рамках преобразований оргструктуры 2015 г. по мере сокращения количества БТГ командование увеличило с двух до трех количество линейных батальонов в «легких» и «тяжелых» бригадах, нарастило численность и оснащенность подразделений инженерной и огневой поддержки. С другой стороны, в последние полтора десятилетия все лучшее получали лишь части, направляемые в зоны боевых действий, – значительная же доля СВ испытывала недостаток в подготовке. Поэтому с середины 2010-х гг. наблюдается ситуация, при которой далеко не все соединения бригадного уровня способны в любой момент времени вступить в бой. В 2017 фин.г. лишь 10 БТГ из 31 были «условно боеготовны», причем только три могли «немедленно принять участие в конфликте». Таким образом, можно сделать вывод, что, реальная боеготовность СВ – «на крайне низком уровне».³¹²

В отличие от остальных видов войск, сумевших компенсировать сокращение численности и финансирования за счет внедрения военно-технических достижений, СВ этого сделать не получается. Напротив, очередное изменение геополитической обстановки требует именно наращивания американского сухопутного присутствия в мире³¹³, что отчасти подтверждается почти 10-процентным приростом численности СВ за рубежом в 2011-2017 фин.гг. (со 168 тыс. чел. до 186 тыс. чел.). Основываясь на статистике войн в Корее, Вьетнаме и Персидском заливе, эксперты подсчитали, что для успеха в крупном

³¹⁰ 2015 Index of U.S. Military Strength: Assessing America's Ability to Provide for the Common Defense / Ed. By Dakota L. Wood. Washington, DC: The Heritage Foundation, January 2015. URL: <http://index.heritage.org/military/2015/chapter/us-power/us-army/> (дата обращения: 09.05.2018)

³¹¹ 2018 Index of U.S. Military Strength, Davis Institute for National Security and Foreign Policy. Washington, DC: The Heritage Foundation, October 2017. URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2017-10/2018_IndexOfUSMilitaryStrength-2.pdf (дата обращения: 09.05.2018)

³¹² Ibid.

³¹³ Dearen, W., Slattery, B. US Army Needs More Troops to Confront Global Threats // The Daily Signal, May 11, 2017. URL: <http://dailysignal.com/2017/05/11/us-army-needs-troops-confront-global-threats/> (дата обращения: 09.05.2018)

региональном конфликте США «в среднем» требуется контингент, эквивалентный 21 БТГ. Для участия одновременно в двух конфликтах (намек на Россию и Китай) необходимо вдвое больше, плюс около 20 проц. в качестве стратегического резерва – 50 БТГ, или 14 дивизий. Сейчас в структуре СВ – 31 БТГ. Таким образом нужно еще 19 бригад суммарной численностью около 85 тыс. чел.³¹⁴

Расчеты политологов совпадают с мнением военных, которые с приходом администрации Д. Трампа, настроенного на наращивание военной мощи, также провели анализ и решили, что исходя из стоящих задач, в том числе в новой редакции стратегии национальной безопасности и стратегии национальной обороны, для исправления ситуации нужно увеличить численность активного компонента СВ с нынешних 476 тыс. до 540-550 тыс.³¹⁵

Если в начале 2010-х гг. в Пентагоне считали крупномасштабные конфликты с равноценным противником маловероятными, то череда событий после 2014 г., включая дестабилизацию на Украине, военную модернизацию КНР, ракетно-ядерные испытания КНДР и военно-политическую линию Ирана, убедила СВ США в необходимости подготовки после многолетней паузы к «большой» войне, для чего требовалась доктрина с фокусом на задействование крупных войсковых соединений. Пришлось вспомнить уроки прошлого, когда после поражения во Вьетнаме МО направило интеллектуальные усилия на адаптацию военной мысли к противостоянию с СССР. Тогда комплексный пересмотр подходов и внедрение передовых технологий привели к разработке стратегии «совместных наземно-воздушных операций», которая в теории позволяла победить численно превосходящую Советскую Армию. В итоге за десятилетие, к началу 1990-х гг., СВ преобразовались из организации, способной преимущественно на тактические действия против партизан, в структуру, готовую к масштабным действиям против Советского Союза. Однако навыки быстро забылись.

³¹⁴ 2018 Index of U.S. Military Strength, Davis Institute for National Security and Foreign Policy. Washington, DC: The Heritage Foundation, October 2017. URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2017-10/2018_IndexOfUSMilitaryStrength-2.pdf (дата обращения: 09.05.2018)

³¹⁵ Senate Appropriations Subcommittee on Defense Hearing on the U.S. Army Fiscal Year 2018 Budget, Full Transcript, June 7, 2017. URL: <http://www.fednews.com/transcript.php?item=573129> (дата обращения: 04.07.2017)

На современном этапе СВ вновь погрузились в аналогичный поиск. Уже несколько лет руководство СВ прогнозирует радикальные перемены в военном деле на горизонте 2025-2050 гг. По мнению военачальников, конфликты будущего будут разрешаться преимущественно на суше, а задействование наземной группировки станет неотъемлемым условием достижения политических результатов. Войны будут долгими, потребуют закрепления победы, более квалифицированного личного состава, а вести и выигрывать их будут не отдельные армии, как инструменты войны, а целые нации.³¹⁶ Оперативные условия не будут статичными – придется быстро переключаться с задачи на задачу, зачастую сочетая их выполнение, что подчеркивает необходимость сохранения навыков борьбы с террористами и повстанцами и одновременную подготовку к войне с регулярными армиями, к чему «лучшие в мире сухопутные силы» пока не готовы.³¹⁷

Рассуждая о том, что *природа войны*, т.е. применение или угроза применения силы для достижения политических целей путем навязывания врагу своей воли, остается неизменной, военные и аналитики указывают на то, что мир находится на краю фундаментальных изменений в *характере войны*, или формы конфликта как производной от изменения условий. Геополитика, демография, технологии, информационные потоки быстро меняют не только общества и экономики, но и все больше – причины, способы, средства, место и участников боевых действий. В этой связи сухопутчики ориентируются на ставшую классической формулу британского военного историка М. Говарда, который полагал, что задача военных институтов не в том, чтобы совершенно правильно понять будущую войну, а в том, чтобы понять ее лучше, чем противники, и соответственно, гораздо быстрее приспособиться к реальным боевым условиям.³¹⁸

³¹⁶ Myers, M. Milley: Future wars will be long, they'll be fought on the ground, and spec ops won't save us // Army Times, July 27, 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/07/27/milley-future-wars-will-be-long-theyll-be-fought-on-the-ground-and-spec-ops-wont-save-us/> (дата обращения: 09.05.2018)

³¹⁷ Schadow, N. For the U.S. Army, It's Not About the Story // War on the Rocks, July 12, 2016. URL: <https://warontherocks.com/2016/07/for-the-u-s-army-its-not-about-the-story/> (дата обращения: 09.05.2018)

³¹⁸ Howard, M. Military Science in an Age of Peace // Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies, March 1974, No.119. PP.3-9.

В октябре 2016 г. начальник штаба СВ США М. Милли наметил контуры нового видения.³¹⁹ По нему, в следующие 25 лет угрозы и задачи сегодняшнего дня сохранятся, но их затмит соперничество между великими державами. Доминирование США на море и в воздухе, которое было несомненным преимуществом на протяжении 75 лет, более не будет само собой разумеющимся. СВ должны быть готовы к наземному бою против технологически развитого и численно превосходящего врага. Боевые действия в будущем предполагают переброску, бой и поддержание географически рассредоточенных подразделений, объединенных и многонациональных сил на большие расстояния в труднодоступные районы. Силы на ТВД будут действовать под непрерывным наблюдением и массированным высокоточным дальним огнем с большой площадью поражения. Внедренные в рамках «трансформации» структура базирования, предполагавшая ведение операций с передовых стационарных объектов, уйдет в прошлое. Продолжительное присутствие сил на базах будет означать гибель, о чем свидетельствует общая тенденция к рассредоточению по полю боя по мере роста поражающей способности вооружений. По подсчетам военных историков, за последние два столетия концентрация живой силы на один квадратный километр снизилась в 200 раз, до порядка 25 чел/кв.км.³²⁰

«Новой нормой» в таких условиях станут более подвижные, рассредоточенные по полю боя, малочисленные соединения и подразделения, способные вести бои в густонаселенных городских условиях. Им придется быстрее ориентироваться, группироваться и действовать, что приведет к повышению личной ответственности за принятие решений на более низком уровне и как следствие к децентрализации ведения боя, позволив войскам на местах корректировать поставленные задачи для более успешного достижения

³¹⁹ Milley, M. Chief of Staff of the Army: Changing Nature of War Won't Change Our Purpose, October 01, 2016. URL: <https://www.ausa.org/articles/changing-nature-war-wont-change-our-purpose/> (дата обращения: 09.05.2018)

³²⁰ Crane, C. The Future Soldier: Alone in a Crowd // War on the Rocks, January 19, 2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/01/the-future-soldier-alone-in-a-crowd/> (дата обращения: 09.05.2018)

главной цели.^{321,322} Управление войсками потребует руководства и выполнения задач в условиях непрерывной смены дислокации, для чего нужны более эргономичные и защищенные от средств РЭБ информационные сети и системы связи с самыми отдаленными подразделениями «на ходу».³²³ Вызовами для сухопутных войск будут материально-техническое обеспечение и возможности по переброске на большие расстояния. Кроме того, потребуются новые решения в сфере разведки, длительного автономного функционирования без связи с командованием, безэкипажные конвои и т.д.

Американские военные теоретики приходят к заключению, что войны будут выигрываться на индивидуальном уровне, если удастся сломить волю к борьбе отдельных солдат противника. Ведь именно человек – непосредственная мишень и первичный инструмент войны.³²⁴ Высокие требования будут предъявляться не только к физической подготовке, как прежде, но и все больше к умственным способностям. Боец должен уметь самостоятельно собирать и анализировать большие объемы информации, выносить суждения и принимать решения. Кроме того, важна социально-психологическая подготовка, включая повышенную устойчивость к стрессу. Командиры должны быть инициативными, критически осмыслять происходящее, волевыми с твердым характером, что позволит им делать верный морально-нравственный выбор, при этом у них должна быть определенная доля умственной и организационной гибкости, которая не наблюдается в сегодняшней армии.³²⁵ В целом же военнослужащие СВ должны идти на риск (кампании в Афганистане и Ираке наоборот привели к

³²¹ Maze, R. Radical Change Is Coming: Gen. Mark A. Milley Not Talking About Just Tinkering Around the Edges // ARMY Magazine, Association of the U.S. Army, December 13, 2016. Vol. 67, No. 1 January 2017. URL: <https://www.ansa.org/articles/radical-change-coming-gen-mark-milley> (дата обращения: 09.05.2018)

³²² Myers, M. Milley: In future wars, creature comforts are out and disobeying orders is in // Army Times, May 4, 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/05/04/milley-in-future-wars-creature-comforts-are-out-and-disobeying-orders-is-in/> (дата обращения: 09.05.2018)

³²³ Pomerleau, M. The operating environment of the future // C4ISRNET, March 15, 2017. URL: <https://www.c4isrnet.com/show-reporter/global-force-symposium/2017/03/15/the-operating-environment-of-the-future/> (дата обращения: 09.05.2018)

³²⁴ Crane, C. The Future Soldier: Alone in a Crowd // War on the Rocks, January 19, 2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/01/the-future-soldier-alone-in-a-crowd/> (дата обращения: 09.05.2018)

³²⁵ Tan, M. Army Leaders: Service Must Look to the Future While Training for Today // Defense News, October 3, 2016. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ansa/2016/10/03/army-leaders-service-must-look-to-the-future-while-training-for-today/> (дата обращения: 09.05.2018)

повсеместному распространению культуры избегания опасности), принимать решения на нижних уровнях и поощрять инициативу снизу, бороться с чрезмерной неповоротливостью процессов и ригидностью мышления, инвестируя в образование и воспитание более этичного и честного поведения.³²⁶

Результатом интеллектуальных исканий последних лет стал опубликованный в октябре 2017 г. Полевой устав «Операции».³²⁷ Документ, основанный на Оперативной концепции СВ и теории «мультидоменного боя», радикально отличается от предыдущей редакции и отражает новые ориентиры для сухопутных сил в условиях масштабных изменений геополитического ландшафта, при этом следуя принципу «новое – это хорошо забытое старое». В уставе говорится, что войны в будущем будут кардинально отличаться от операций в Ираке и Афганистане. Впервые со времен «холодной войны» у США на доктринальном уровне появляются конкретные противники, на войну с которыми ориентируют СВ. Это Россия, Китай, Иран и КНДР, которые «стремятся получить стратегическое преимущество и сократить американское влияние в мире». Превзойти их будет непросто. Современные средства ПВО и ракетные вооружения серьезно затрудняют свободу действий американских сил в воздухе и на море, а, значит, ВВС и ВМС не смогут оказать поддержки на суше. Наоборот – именно СВ должны удачно провести операцию, чтобы позволить морским силам и авиации вступить в бой.³²⁸

Как отмечалось, сухопутные доктрины последних десятилетий не давали ответа на подобные вызовы. Из-за заикленности на участии БТГ, штабов дивизий и соединений поддержки и обеспечения в борьбе против врагов с ограниченными военными возможностями армия разучилась вести крупномасштабные конфликты. СВ были оптимизированы для участия в операциях, где в ближний бой вступают подразделения не больше роты, не встречались с противником,

³²⁶ Barno, D., Bensahel, N. Six Ways to Fix the Army's Culture // War on the Rocks, September 6, 2016. URL: <https://warontherocks.com/2016/09/six-ways-to-fix-the-armys-culture/> (дата обращения: 09.05.2018)

³²⁷ Field Manual No. 3-0 Operations. Headquarters, Department of the Army, Washington, DC, 6 October 2017

³²⁸ Lundy, M., Creed, R. The Return of U.S. Army Field Manual 3-0 Operations // Military Review, November-December 2017, pp.14-21.

способным к масштабному огню или крупным маневрам. Новый полевой устав «вдыхает новую жизнь» в эшелоны выше бригады. Впервые после окончания «холодной войны» признается, что в конфликтах ведущую роль должна играть не нынешняя «бригадоцентричная» модель, а дивизии и корпуса, долгие годы сосредоточенные на выполнении тактических задач. Именно эти соединения являются первым эшелоном, который способен планировать и координировать применение самого широкого набора средств по всему театру войны.

В Пентагоне считают, что оперативный успех отныне не определяется физическими параметрами ТВД. Операции обладают нелинейной природой, т.е. проходят не в двух измерениях (пространство и время), а, как минимум, в четырех, включая «когнитивное» (связанное с поведением, мышлением, принятием решений, волей участников войны) и «виртуальное», или киберпространство. Боевой опыт последних полутора десятилетий показал, что БТГ, для которых гораздо важнее мобильность, поражающее действие и защищенность на местности, не успевают вести бой одновременно в прочих средах, включая информационную, кибернетическую, радиоэлектронную и космическую. Эти функции необходимо передать более высоким звеньям (дивизия, корпус, армия), которые будут находиться на удалении от ближнего боя, но обладать лучшим представлением о происходящем по всему спектру операций.

Устав развивает положения основополагающей концепции проведения объединенных наземных операций. Выстраивается четкая схема взаимосвязи между тактическими задачами и стратегическими целями, достижение которых является залогом военной победы. Авторы устава пришли к выводу, что в крупномасштабных операциях в будущем не достаточно только разгрома противника. Требуется удержать результат (контроль объектов критической инфраструктуры и гражданского управления, формирование общественного мнения на завоеванных территориях, поддержание стабильности и т.д.). А, значит, для «большой» войны необходимо гораздо больше сил и средств и более широкий

набор выполняемых задач.³²⁹ В соответствии с этим видением все типы операций, которые предписано проводить сухопутным войскам, выстроены в единую линию: *небоевые операции с целью предотвращения войны* (1. формирование оперативных условий; 2. сдерживание) – *крупные наземные операции с целью победы* (3. оборона; 4. наступление) – *закрепление военных достижений* (5. поддержание стабильности; 6. передача управления гражданским органам власти). Отмечается, что СВ будут участвовать в «гибридных» боевых действиях в тесной координации с дипломатическими, информационными и экономическими инструментами в распоряжении США и союзников, а также уделять внимание подготовке к боям в городских условиях.

Принимая в расчет дополнительную боевую мощь, необходимую для закрепления победы на завоеванных территориях, *де-юре* расширяются границы проведения боевых действий. Со времен доктрины «совместных наземно-воздушных операций» поле боя разделялось на *тыл, фронтовую полосу и район нанесения удара*. В новом уставе тыл становится шире, надежнее и динамичнее и делится на *стратегический тыл*, включающий пространство от континентальной части США до ТВД, в т.ч. порты и аэродромы, линии коммуникации, по которым осуществляется снабжение; *совместноконтролируемую демилитаризованную зону* – район защиты межвидовых баз и линий коммуникации, обеспечивающих проведение операций; а также совпадающий с собственно тылом *район концентрации сил*, где сосредотачиваются соединения, которые будут проводить операции по поддержанию стабильности и обеспечению безопасности на завоеванных территориях по мере наступления, чтобы освободить от этого войска во фронтовой полосе. Район нанесения удара разделен рубежом безопасного удаления на *зону наступательного маневра и зону дальнего огневого поражения*.

Новый устав, ориентированный на «большую» войну, одновременно позволяет военным обосновать необходимость увеличения состава и структуры СВ, а также избавиться от подготовки только к борьбе с повстанцами и

³²⁹ Ibid.

террористами. Документ влияет на обучение и боевую подготовку, на его основании идет ревизия концепций более низкого порядка, включая уставы для штабов крупных формирований.³³⁰ Очевидно, что ключевые положения документа легли в основу редакции стратегии национальной безопасности от декабря 2017 г., которая также провозглашает необходимость подготовки к крупным межгосударственным конфликтам.

Следует отметить, что СВ США начали готовиться к участию в конфликтах с равными по силе противниками еще до публикации полевого устава.³³¹ С 2016 г. через учебные центры пропускают на четверть больше бригад – 19 БТГ вместо 15. Нарращивают программы повышения взаимодействия между всеми компонентами СВ, с другими видами ВС и силами специальных операций, повышают физические и интеллектуальные стандарты отбора в войска. Внедряют новый подход к отработке совместного ведения боя – тактику «решительных действий», которая основана на таких принципах, как «сближение с противником», «уничтожение всего, что попадает в поле зрения», «синхронизация ударов с закрытых огневых позиций» и т.д. Особый акцент на повышении экспедиционных возможностей подразделений, которые должны быть способны моментально вступить в бой после перемещения на расстояния более 600 км.³³²

С учетом того, что в настоящее время немало сухопутных частей укомплектовано личным составом лишь на 80 и менее проц. от максимально возможного уровня, наивысший приоритет по мере наращивания численности СВ будут отдавать доукомплектованию подразделений тактического звена на 90-95 проц. от штатного расписания.³³³ Наиболее востребованы бойцы бронетанковых и воздушно-десантных специальностей. С конца 2016 г. США приступили к

³³⁰ Judson, J., South, T. The new way to fight: US Army unveils Field Manual 3-0 // Defense News, October 10, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ausa/2017/10/10/the-new-way-to-fight-army-unveils-field-manual-3-0/> (дата обращения: 09.05.2018)

³³¹ Judson, J. Interview: Army secretary talks vision for modern war fighter // Defense News, January 23, 2018. URL: <https://www.defensenews.com/interviews/2018/01/23/interview-mark-esper-us-army-secretary/> (дата обращения: 09.05.2018)

³³² Army preps for massive, Great Power land war // Scout Warrior March 16, 2016. URL: <https://www.wearethemighty.com/articles/army-preps-for-massive-great-power-land-war> (дата обращения: 09.05.2018)

³³³ Judson, J. Milley: Additional Troops Would Join Undermanned Tactical Units // Defense News, January 12, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/01/12/milley-additional-troops-would-join-undermanned-tactical-units/> (дата обращения: 09.05.2018)

повышению именно их боеготовности, методично наращивают интенсивность учений, возможности по переброске, усиливают ротацию, увеличивают количество «тяжелых» БТГ.³³⁴ За счет Нацгвардии и Резерва также усиливают урезанные командно-штабные структуры регулярных войск. В частности, прикрепили 13 оперативных подразделений численностью до 100 чел. каждое к основным командным пунктам трех корпусов и десяти дивизий в составе СВ.³³⁵

Кроме того, СВ не хватает техники для сдерживания и тем более разгрома сильных противников. Расходы на модернизацию ВВТ в 2008-2015 гг. упали на 74%, что хуже в сравнении с другими периодами сокращений (-64% после Вьетнама и -59% после «холодной войны»). За этот же период НИОКР «просели» на 52% (-29% после Вьетнама и -17% сразу после «холодной войны»). СВ отстают от ВВС и ВМС, у которых внушительные модернизационные портфели на десятилетия вперед.³³⁶ Следующие пять-шесть лет придется воевать с техникой, которая была создана еще до окончания «холодной войны». Речь о т.н. «большой пятерке» – танках «Абрамс», боевых машинах «Брэдли», вертолетах «Апач» и «Блэкхок», комплексах ПВО/ПРО «Пэтриот», которые за три десятилетия были лишь незначительно доработаны. 2000-е гг. и вовсе стали «потерянным десятилетием» в терминах ВВТ. Если так продолжится, то, по оценкам экспертов, к 2030 г. США будут отставать от России по шести пунктам сухопутной номенклатуры вооружений (включая РЭБ, дальнобойную артиллерию, ПВО и противотанковые системы), находиться на одном уровне всего по трем пунктам и опережать только по одному.³³⁷

³³⁴ Myers, M. Army moves to beef up armored force // Army Times, December 8, 2016. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2016/12/08/army-moves-to-beef-up-armored-force/> (дата обращения: 09.05.2018)

³³⁵ Myers, M. These new Guard and Reserve units will deploy with active Army divisions and corps // Army Times, January 29, 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/01/29/these-new-guard-and-reserve-units-will-deploy-with-active-army-divisions-and-corps/> (дата обращения: 09.05.2018)

³³⁶ Hunter, A., McCormick, R. Modernization: Army Leadership Must Seize Initiative // Breaking Defense, August 02, 2016. URL: <https://breakingdefense.com/2016/08/modernization-army-leadership-must-seize-initiative/> (дата обращения: 09.05.2018)

³³⁷ Goure, D. Near-Term U.S. Army Modernization: Buying What is Available and Buying Time. Arlington, VA: Lexington Institute, January 2017. URL: <http://www.lexingtoninstitute.org/wp-content/uploads/2017/01/Army-Modernization.pdf> (дата обращения: 09.05.2018)

Осознав масштаб проблемы, сухопутные войска приступили к срочной реструктуризации органов управления, отвечающих за модернизацию ВВТ, – ведь на разработку и внедрение новейших систем понадобится не менее 10-20 лет. В августе 2016 г., вдохновившись опытом Управления стратегических возможностей МО, СВ создали собственное управление по ускоренному созданию боевых возможностей. Цель – сделать процесс приобретения вооружений более гибким и инновационным, нацеленным на быстрое создание прототипов самых необходимых систем и их обкатку в войсках. Для этого планируется искать существующие технологии и с их помощью быстро доводить до ума имеющуюся технику под нужды военных. Управление, проекты которого рассчитаны на срок от года до пяти лет, стало промежуточным звеном между Отделом быстрого комплектования СВ, внедряющим готовые решения в течение шести месяцев, и головными закупочными программами, на исполнение которых уходит 15-20 лет. Эта структура по типу венчурной компании с участием представителей оборонной промышленности и разработчиков гражданских технологий будет контролировать весь цикл от определения требований с оглядкой на возможности таких противников, как Россия и Китай, до испытаний и заключения контрактов. Организационное ядро – Бюро развивающихся технологий.³³⁸

В октябре 2017 г. руководство СВ пошло дальше, объявив о намерении создать новое Командование по вопросам модернизации ВВТ. Конечные потребители техники – военные на местах – будут участвовать в определении требований ко всем сухопутным системам вооружений, создании прототипов, их тестировании и апробации до начала мелкосерийного производства. В основе деятельности Командования – портфельный подход. Подразделение будет вести «портфели» по шести темам, которыми займутся восемь междисциплинарных целевых групп, – по высокоточным ударным средствам большой дальности; боевым машинам нового поколения; перспективным системам вертикального

³³⁸ Judson, J. Army Launches Rapid Capabilities Office // Defense News, August 31, 2016. URL: <https://www.defensenews.com/land/2016/08/31/army-launches-rapid-capabilities-office/> (дата обращения: 09.05.2018)

взлета; электронным сетям; ПВО и ПРО; персональной экипировке и вооружению. Проработкой облика структуры занимается спецгруппа под началом руководителя «офиса бизнес-трансформации» СВ.^{339,340,341} С лета 2018 г. Командование работает в тестовом режиме и вышло на полноценное функционирование к середине 2019 г. Параллельно с этим велась реструктуризация исследовательских лабораторий СВ, шел обзор научно-технических приоритетов, результатом которого должна стать модернизационная стратегия на 10 лет.

Эта инициатива – крупнейшая за последние десятилетия оптимизация процесса приобретения ВВТ. Предполагается, что в ее рамках консолидируют функции по вопросам закупок новой техники, ранее раскиданные по разным подразделениям СВ, чтобы исключить дублирование выполняемых задач. Вероятнее всего, создание нового командования повлечет радикальные изменения и в других сухопутных командованиях – в Командовании сил континентальной части США, Командовании материально-технического обеспечения и Командовании боевой подготовки и разработки доктрины.^{342,343,344,345}

В ответ на значительное изменение геополитической обстановки с 2016 г. в структуре СВ создается новый тип наземных соединений – бригады содействия силам безопасности – БССБ, которые на постоянной основе займутся обучением и боевой подготовкой вооруженных сил других стран, сохранив при этом обычные

³³⁹ Judson, J. Army's modernization command taking shape under freshly picked leaders // Defense News, November 6, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/11/06/armys-modernization-command-taking-shape-under-freshly-picked-leaders/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴⁰ Judson, J. The Army is creating a modernization command to keep projects on track // Defense News, October 9, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ausa/2017/10/09/the-army-is-creating-a-new-modernization-command-to-keep-projects-on-track/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴¹ Myers, M. Acting SECARMY: The Army's new modernization command can learn from rapid special ops acquisitions // Army Times October, 12, 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/10/12/acting-secarmy-the-armys-new-modernization-command-can-learn-from-rapid-special-ops-acquisitions/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴² Freedberg, Jr. S. 2018 Forecast: Can The Army Reinvent Itself? // Breaking Defense, January 3, 2018. URL: <https://breakingdefense.com/2018/01/2017-forecast-can-the-army-reinvent-itself/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴³ Judson, J. Army Futures Command might be in a city // Defense News, February 8, 2018. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/02/08/army-futures-command-might-be-in-a-city/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴⁴ Judson, J. Fundamental changes afoot at major commands as US Army sets up modernization outfit // Defense News, November 8, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/11/08/fundamental-changes-afoot-at-major-commands-as-army-sets-up-new-modernization-outfit/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴⁵ Judson, J. New Army secretary committed to designing fresh future readiness blueprint // Defense News, January 5, 2018. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/01/05/new-army-secretary-committed-to-designing-fresh-future-readiness-blueprint/> (дата обращения: 09.05.2018)

боевые навыки. Это позволит сократить прямое участие ВС США в операциях по поддержанию стабильности и противодействию повстанческим движениям, чтобы ударные подразделения сосредоточились на ведении «большой» войны.³⁴⁶

Последние 15 лет на содействие иностранным войскам, в первую очередь, афганским и иракским, в основном «отвлекались» не предназначенные для этого силы общего назначения. По мнению руководства СВ США, это негативно сказывается на их боеготовности. По действующей схеме, за рубеж отправляли группы военной подготовки, каждая из которых состоит из офицеров и сержантов отдельной бригады из США. На время их командировки (9-12 месяцев) рядовой состав оставался без дела, что влияло на боевой дух, дисциплину и навыки, на восстановление которых «разделенным» бригадам требуется два-три года.³⁴⁷

На деле БССБ – это кадрированное соединение, которое может составить «костяк» (500-800 военнослужащих офицерского и сержантского состава) дополнительной пехотной или бронетанковой бригады. В каждой БССБ будет от 36 до 58 боевых отделений советников численностью 12 человек, ориентированных на подготовку частей любого типа – от роты до дивизии и даже корпуса. Инновации в том, что БССБ – в отличие от МТГ – по типу полноценных БТГ обладают командным звеном, включая собственный штаб, подразделения разведки, материально-технического обеспечения и прочие вспомогательные элементы. При необходимости их можно быстро доукомплектовать до нормального размера, тем самым нарастив ударные возможности сухопутной группировки США. К началу 2020-х гг. СВ планируют сформировать шесть таких частей (пять – в действующей армии и одну – в Национальной гвардии), прикрепив каждую к отдельному географическому боевому командованию. Подбором и обучением личного состава займется специально созданная Академия подготовки военных советников на базе Форт Беннинг, шт. Джорджия. Там же

³⁴⁶ Keller, J. The 1st SFAB's Afghan Deployment Is A Moment Of Truth For The Global War On Terror // Task&Purpose, Lafayette Media Group, January 22, 2018. URL: <https://taskandpurpose.com/sfab-train-advise-assist-afghanistan/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴⁷ Judson, J. Army Chief Taking Hard Look At Building Advise-And-Assist Brigades // Defense News, January 21, 2016. URL: <https://www.defensenews.com/land/2016/01/21/army-chief-taking-hard-look-at-building-advise-and-assist-brigades/> (дата обращения: 09.05.2018)

развернута первая БССБ, которая весной 2018 г. должна была отправиться в Афганистан. Вторая бригада создается в Форт Брагг, шт. С.Каролина, третья также появится в 2018 г., четвертая и пятая – в 2019 г.³⁴⁸

Руководство СВ рассматривает первую БССБ в качестве одного из столпов новой стратегии в Афганистане – экспериментального соединения, предназначенного для ведения «сетцентричных» операций. Боевые отделения советников оснащают средствами связи и навигации, которые раньше были доступны только на уровне штаба бригады. Такой подход может позволить более эффективно выполнять боевые задачи на местах. В Пентагоне будут наблюдать за тем, как бригада зарекомендует себя в деле, чтобы возможно распространить ее опыт на всю армию.³⁴⁹ Как бы то ни было, новые соединения в структуре СВ по-видимому надолго и свидетельствуют о преемственности администрации Д.Трампа начатому предшественником курсу на проведение зарубежных операций преимущественно «чужими руками». В штабе СВ отмечают – американцы тренируют местные армии по всему миру, и потребность в этом продолжит расти. Это означает, что БССБ «позволят США достигать целей национальной безопасности ... в течение следующих 25-50 лет».^{350 351}

На протяжении нескольких лет американские сухопутчики обращают пристальное внимание на быстрые темпы глобальной урбанизации, указывая, что крупные военные операции исторически проводились именно в местах концентрации людей. Цифры говорят за себя. В 2008 г. доля городского населения в мире сравнялась с сельским, и, согласно прогнозу Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН, к середине столетия

³⁴⁸ Myers, M. Army chief: SFABs will do a completely different job than Special Forces // Army Times, October 31, 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/10/31/army-chief-sfabs-will-do-a-completely-different-job-than-special-forces/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁴⁹ Pomerleau, M. A special Afghan unit could be the Army's test case for its future network // C4ISRNET, February 2, 2018. URL: <https://www.c4isrnet.com/special-reports/special-reports/network-proficiency/2018/02/02/a-special-afghan-unit-could-be-the-armys-test-case-for-its-future-network/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁵⁰ Department of the Army announces upcoming deployment of the 1st Security Force Assistance Brigade // U.S. Army Public Affairs, January 11, 2018. URL: https://www.army.mil/article/198507/departments_of_the_army_announces_upcoming_deployment_of_the_1st_security_force_assistance_brigade (дата обращения: 09.05.2018)

³⁵¹ Myers, M. Milley: A bigger Army will mean more soldiers to support training missions around the world // Defense News, October 9, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/news/your-army/2017/10/09/milley-a-bigger-army-will-mean-more-soldiers-to-support-training-missions-around-the-world/> (дата обращения: 09.05.2018)

может достигнуть двух третей. Наибольший прирост будет обеспечен за счет развивающихся стран юга, где одновременно продолжится демографический взрыв.³⁵² Кроме того, прогнозируется, что к 2030 г. количество городов с населением более 1 млн. жителей вырастет по сравнению с 2016 г. на 30% до 662 городов.³⁵³

В настоящее время СВ приспособлены к ведению войны на широких открытых пространствах. Однако, в штабе СВ США полагают, что будущее – за боями в густонаселенных районах.³⁵⁴ В качестве примера приводят битву за Мосул в 2016-2017 гг. Такие перспективы требуют значительных изменений доктрины, подготовки, численности, структуры командования и оперативного управления, тактики перемещения по ТВД и технической оснащенности.³⁵⁵

Отвечая на вызов времени, теоретики из Военной академии США в Вест-Пойнте предлагают очередные изменения оргструктуры СВ – новый тип бригад для ведения боев в городских условиях на основе бригад «Страйкер», которые можно приспособливать под условия конкретных мегаполисов, расширить до 5000 чел. и оснастить следующими «модулями».³⁵⁶

Ударные подразделения должны пройти подготовку по программе «тяжелых» частей для городских условий. Это – три мотопехотных батальона с усиленной броней и огневой мощностью (два – на основе машин «Страйкер», один – с машинами «Брэдли») и один бронетанковый батальон (с танками «Абрамс»). Со временем имеющуюся технику, явно не приспособленную для узких улиц, мостов и холмистой местности предлагается заменить новым поколением ВВТ, специально

³⁵² World Urbanization Prospects, The 2014 Revision, Highlights (ST/ESA/SER.A/352). Department of Economic and Social Affairs, United Nations, New York, 2014. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/publications/files/wup2014-highlights.pdf> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁵³ The World's Cities in 2016 – Data Booklet (ST/ESA/SER.A/392). Department of Economic and Social Affairs, United Nations, New York, 2016. URL: www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/urbanization/the_worlds_cities_in_2016_data_booklet.pdf (дата обращения: 09.05.2018)

³⁵⁴ Myers, M. Milley: Future conflicts will require smaller Army units, more mature soldiers // Army Times, March 21, 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/03/21/milley-future-conflicts-will-require-smaller-army-units-more-mature-soldiers/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁵⁵ Cavallaro, G. The Way Forward: Bringing Change to the World's Most Powerful Land Force, October 4, 2017 / Army Green Book 2017-2018. Association of the U.S. Army. URL: <https://www.ausa.org/articles/bringing-change-most-powerful-land-force> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁵⁶ Spencer, J. What an Army megacities Unit Would Look Like. Modern War Institute, U.S. Military Academy, West Point, NY. March 8, 2017. URL: <https://mwi.usma.edu/army-megacities-unit-look-like/> (дата обращения: 09.05.2018)

сконструированной для города и способной к десантированию с транспортной авиации.

Подразделения поддержки и обеспечения. Опыт битвы за Мосул также показал необходимость огневой поддержки, для которой каждой такой бригаде потребуется один артиллерийский дивизион с высокоточными ракетными вооружениям, включая ближнюю ПВО с возможностью защиты от БЛА. На передовой будет находиться один инженерный батальон со знанием гражданского строительства для устранения/возведения препятствий в городах, чтобы освобождать путь собственным войскам, например, через здания, минуя открытые улицы, а также направлять противника в нужную сторону. В свете этого в Разведуправлении Минобороны США прогнозируют, что воевать в городах придется и под землей, где проложены основные коммуникации и линии жизнеобеспечения.³⁵⁷

Несмотря на то, что в городских условиях весьма непросто придется авиатехнике – слишком много проводов, узкие улицы, вероятность обстрела низколетящих объектов, мало мест для высадки подразделений, – в состав БТГ все равно необходимо включить один батальон армейской авиации. Кроме того, нужен один батальон тылового обеспечения, который обязан стать более функциональным, чем сегодня. Например, взять на вооружение передовые производственные технологии, чтобы в полевых условиях в короткие сроки «довести до ума» имеющиеся образцы ВВТ или создать необходимые детали, а также роботизировать транспортные средства снабжения. А ввиду того, что в будущем войска столкнутся с обилием самодельных взрывных устройств на поле боя, нужен один модульный саперный батальон. Ведь от саперов зависит выживание личного состава как на бригадном уровне, так и на уровнях вплоть до роты и даже отделения.

³⁵⁷ Tucker, P. 'Underground' May Be the U.S. Military Next Warfighting Domain // DefenseOne, June 26, 2018. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2018/06/underground-may-be-us-military-next-warfighting-domain/149296> (дата обращения: 27.06.2018)

Повышенные требования к сбору агентурных данных, анализу социальных сетей, перехвату электронных сигналов требуют наличия в бригаде собственного модульного батальона военной разведки (современная структура бригад предусматривает только одну такую роту). При этом позитивный опыт применения подразделений разведподдержки в Ираке показывает, что разведчики должны действовать не только в интересах штаба бригады, но и быть в каждой линейной роте. Для взаимодействия с местным населением при ударных батальонах всегда должны быть и подразделения информационной поддержки со знанием культурно-лингвистических особенностей. В связке с ними должен действовать один батальон кибер- и радиоэлектронной борьбы (КРЭБ), в функции которого будет входить обнаружение, обман и подавление электронных средств противника, защита собственных сетей, линий связи, средств навигации, командования и управления, проведение наступательных и оборонительных мероприятий в компьютерных сетях.

СВ США находятся только в начале этого пути. Изучают возможность проведения операций в городских условиях, методично проводят соответствующие командно-штабные учения с прицелом на конфликты в 2035-2050 гг.³⁵⁸ Тесно координируют усилия на данном направлении, в первую очередь, на европейском ТВД с союзниками по Североатлантическому альянсу. Трансформационное командование НАТО с недавних пор проводит КШУ, где отрабатывает десантирование, боевые операции по наступлению и обороне, а также поддержанию стабильности в результате чрезвычайных ситуаций в городах.³⁵⁹ По-видимому, в рамках общенатовских приготовлений к возможной «большой» войне, как это закреплено в новом полевом уставе.

Как и СВ, в свете директив администрации Б. Обамы и необходимости экономии поддерживать боеспособность меньшими силами пришлось и КМП. К

³⁵⁸ Crane, C. The Future Soldier: Alone in a Crowd // War on the Rocks, January 19, 2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/01/the-future-soldier-alone-in-a-crowd/> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁵⁹ Challenges of Urban Cities in 2035 – NATO Needs to Act Today to Prepare the Alliance for the Future. URL: www.act.nato.int/challenges-of-urban-cities-in-2035-nato-needs-to-act-today-to-prepare-the-alliance-for-the-future/ (дата обращения: 09.05.2018)

2018 г. его численность сократилась на 10%, до 180 тыс.чел. Восполнять «потери» удалось за счет адаптации к мирному времени и технического перевооружения. Несмотря на солидный боевой опыт в Афганистане и Ираке, морпехи по сути стали дублировать функции СВ. В связи с этим с 2012 г. они радикально пересмотрели свои доктринальные установки и стали заново готовиться к десантным операциям с моря.³⁶⁰

В начале XXI века наметилась устойчивая взаимозависимость регулярных сухопутных формирований со спецподразделениями, в связи с чем они приступили к совместной оперативной и боевой подготовке. В перспективе эффективность боевых действий будет зависеть от того, как силы общего назначения предоставляют специальным силам бесперебойную транспортную, медицинскую, продовольственную, топливную поддержку.

Командование сил специальных операций образовано на заключительном этапе «холодной войны», однако его роль значительно изменилась только в последнее 10-15 лет, в ходе глобальной войны с террором. Стимулом современного развития стало успешное участие на ранних этапах войны в Афганистане, но только после стратегических директив 2012 г. ССО стали одним из основных элементов ВС в борьбе с перспективными вызовами и угрозами.

На фоне масштабных сокращений личного состава и бюджетов СВ и КМП по мере завершения крупных зарубежных операций, численность и финансирование спецназа в начале XXI века стабильно увеличиваются. В настоящее время эти силы объединяют военнослужащих из всех видов и родов ВС (около 70 тыс.чел.). Расширяется их географическое присутствие. В планах Пентагона разместить на постоянной основе до 12 тыс.чел. почти в 100 странах для заблаговременного решения проблем.³⁶¹

³⁶⁰ Amos, J. Address of General J. Amos, Commandant, United States Marine Corps, to the National Press Club Luncheon, Office of the Commandant of the Marine Corps, 28 August 2012, URL: <http://www.hqmc.marines.mil/Portals/142/Docs/120828%20--%20Address%20at%20the%20National%20Press%20Club%20Luncheon%20TRANSCRIPT.pdf> (дата обращения: 09.05.2018)

³⁶¹ McRaven, W. Posture Statement on FY2013 Budget Authorization for U.S. Central Command and U.S. Special Operations Command, Admiral William H. McRaven, USN, Commander, United States Special Operations Command, Senate Armed Services Committee, March 6, 2012.

В последние годы существенно расширился и круг задач спецназа. Растущее значение приобретает «непрямое» участие в боевых действиях. В связи с этим, помимо координации планов по подавлению террористических сетей и проведению спец.операций по всему миру (в т.ч. в связке с минфином и минюстом США выявлять и пресекать финансовые источники терроризма), Командованию спецопераций США поручено вести психологическую борьбу (в тесной кооперации с госдепартаментом), выполнять задачи по спасению, а также обучать иностранные войска, содействовать гум.операциям, взаимодействовать с ключевыми группами населения в зонах боевых действий. В связи с этим меняются методы подготовки ССО со ставкой на получение коммуникационных навыков (иностраные языки, ведение пропаганды) и социальных знаний (общество, культура, история, экономика, политика).

На фоне глубоких количественных изменений сухопутной группировки США после завершения операций в Афганистане и Ираке и в условиях глобального экономического кризиса, к новым условиям безопасности в начале XXI века качественно приспосабливаются ВВС. В соответствии с долгосрочными планами, в течение следующих 25-30 лет этот вид войск будет внедрять в свою деятельность принципы работы инновационных фирм частного сектора.^{362,363} Представляется, что такая модель может стать образцом для последующего применения в других видах ВС.

В основе реформирования ВВС в XXI веке лежит принцип стратегической гибкости, или возможности быстрых действий, направленных на формирование глобальных условий безопасности. Приоритетом на этом направлении является способность реагировать на угрозы раньше противника за счет инвестиций в человеческий капитал, поддержания баланса между боевой готовностью и технической модернизацией и разумного расходования средств. В оперативные

³⁶² America's Air Force: A Call to the Future. Washington, DC: Headquarters, US Air Force, July 2014. URL: http://www.defenseinnovationmarketplace.mil/resources/2014_AF_30_Year_Strategy_2.pdf (дата обращения: 15.01.2017)

³⁶³ USAF Strategic Master Plan, United States Department of the Air Force, May 21, 2015. URL: http://www.af.mil/Portals/1/documents/Force%20Management/Strategic_Master_Plan.pdf (дата обращения: 15.01.2017)

задачи входит, в первую очередь, стратегическое сдерживание, характер которого претерпевает в настоящее время серьезные изменения и предусматривает внедрение асимметричных технических решений. Не менее важные задачи – беспрепятственные действия в воздушно-космическом и информационном пространствах и присутствие в ключевых регионах мира.

Повышение эффективности требует внесения изменений в организационно-штабную культуру ВВС, которые задумываются об углублении информационной интеграция подразделений и соединений всех уровней как по горизонтали, так и по вертикали. Процесс только начинает набирать обороты и предусматривает оптимизацию структуры за счет достижения нового соотношения между регулярными частями и резервом. Кроме того, предполагается укрепить взаимодействие с другими видами ВС, федеральными ведомствами и законодательной властью США, зарубежными союзниками и партнерами, а также тесно сотрудничать с военной и гражданской промышленностью, научным и экспертным сообществом.

В этой связи с середины 2010-х гг. военно-воздушные силы меняют управленческую парадигму и хозяйственные процессы. Например, пересматривают подходы к использованию кадрового потенциала, переходят к новым методам образования и подготовки военнослужащих, создают новые крупные учебные центры, развивают перспективные технические возможности на основе интегрального подхода к определению требований на всех этапах цепочки приобретения ВВТ, тестируя их в моделируемых боевых условиях, на симуляторах.

В практической плоскости это означает постепенный отход от крупных программ с длительным жизненным циклом к быстрому созданию прототипов модульных высокотехнологичных платформ и их ускоренному внедрению в серийное производство, а также заимствование достижений гражданской промышленности. В приоритетном порядке будут развиваться нанотехнологии и наука о материалах, создаваться гиперзвуковые ударные средства, высокоэнергетическое оружие направленного действия, а также многозадачные

беспилотные летательные системы с повышенной автономностью – т.е. платформы, способные самостоятельно принимать решения исходя из условий окружающей среды.

Необходимость продолжения преобразований в XXI веке стоит и перед ВМС США, которые стремятся к повышению эффективности обеспечения американской безопасности по всему миру за счет сохранения передового присутствия военно-морской группировки за рубежом и функционально-технической интеграции с другими видами и родами ВС и службами (ВВС, КМП, Береговая охрана), а также с зарубежными государствами для проведения эшелонированных операций в открытом море и в прибрежной зоне.

Насущные оперативные задачи ВМС предусматривают 1) обеспечение доступа во все оперативные пространства; 2) сдерживание вероятных противников; 3) осуществление морского контроля путем установления военного превосходства в численности и оснащенности; 4) развитие сил спец.операций; 5) ударных; и 6) транспортных возможностей; а также 7) обеспечение безопасности территориальных вод и исключительной экономической зоны США.³⁶⁴

В последние годы реформирование ВМС направлено на получение превосходства над вероятным противником за счет наращивания передового базирования сил на постоянной основе в ключевых регионах мира, развития «глобальной военно-морской сети» союзников и партнеров и повышения экспедиционности сил в море при проведении нелинейных операций, перехода соединений и техники на модульную архитектуру при решении широкого круга задач имеющимися средствами, проведения полного спектра радиотехнических и электронных операций, обеспечения связи между всеми подразделениями по горизонтали и вертикали и автоматизации процесса принятия решений для того, чтобы рассредоточенные силы и средства самостоятельно оценивали ситуацию на поле боя и действовали в отсутствие связи с командными пунктами.

³⁶⁴ A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower, Washington, DC, March 2015, https://www.uscg.mil/seniorleadership/DOCS/CS21R_Final.pdf (дата обращения: 22.02.2017)

В связи с этим совершенствуется подготовка личного состава, укрепляются его гуманитарные навыки и знания, а для повышения боевой эффективности планируется внедрять передовые методики отбора и обучения и повышать физическую и психологическую устойчивость бойцов. Параллельно ВМС изучают передовой зарубежный опыт и начинают инвестировать в создание новейших образцов вооружений на основе «открытой» архитектуры, приступают к быстрому созданию прототипов и поиску новаторских производственных методов, которые позволят обеспечить надежность и миниатюризацию при сокращении стоимости и продолжительности цикла приобретения ВВТ.³⁶⁵

В практической плоскости в приоритетном порядке ВМС расширяют технологические горизонты в таких областях, как противодействие средствам отказа в проникновении на ТВД для обеспечения гарантированного доступа ВМС в глобальном масштабе, развитие противолодочных и противоминных возможностей для обеспечения подводного доминирования, создание разветвленной сети разведсредств для составления подробной картины океанских глубин, разработка инновационных подходов к интеграции систем ВВТ с виртуальной отработкой их применения на симуляторах в моделируемых боевых условиях, а также прогнозирование морских и атмосферных погодных условий.

Модернизация боевых платформ и вооружений сосредоточена на повышении их выживаемости, мобильности, автономности, функционально-технической совместимости, снижении заметности, унификация интерфейсов и стандартов для монтажа дополнительного оборудования, налаживании ремонтных процессов и быстрого материально-технического обеспечения. Задачи интегрированной обороны и проекции силы предполагается обеспечить за счет высокоточных сверхскоростных ударных средств большой дальности, систем направленной энергии и эшелонированных средств ПРО.

Значительное внимание уделено автономным и роботизированным системам, способным самостоятельно планировать операции. Усилия, в

³⁶⁵ Naval Science and Technology (S&T) Strategy. Washington, DC: The Office of Naval Research, February 2015. URL: <http://www.navy.mil/strategic/2015-Naval-Strategy-final-web.pdf> дата обращения: 22.02.2017)

частности, направлены на повышение взаимодействия пилотируемых и роботизированных средств, сетевое управление и обмен данными между ними. В связи с этим ВМС поступательно усиливают вычислительные мощности для создания архитектуры автономного управления, ведут разработку устойчивых к внешнему воздействию средств РЭБ, новейшей электроники, расширяют частотный диапазон радиосредств, ищут новые алгоритмы боевого управления, учатся манипулировать большими массивами данных и внедряют «облачные» технологии.

С начала XXI века отчетливо проявляются признаки реформирования военно-космической архитектуры США. В настоящее время численность космической группировки США составляет порядка 570 единиц, из которых около половины – военного или разведывательного назначения.³⁶⁶ МО тратит на деятельность в космосе около 25 млрд. долл. в год. В свете ускорения глобального развития космических вооружений США всерьез обеспокоены вопросом обеспечения физической безопасности орбитальных средств от внешней угрозы. В этой связи требования обеспечения доступа ВС к месту проведения операций подталкивают Пентагон к принятию комплекса доктринальных и организационно-технических изменений по защите КА и функционирования ВС в случае потери космической группировки.

К началу 2010-х гг. КА, разработанные в годы «холодной войны» для связи, навигации и предупреждения о ракетном нападении, морально устарели, их производство и эксплуатация стали обходиться слишком дорого. Кроме того, они уязвимы – потеря даже одного аппарата весьма ощутима для ВС. Всерьез воспринимая угрозу от разработки противоспутникового оружия (ПСО) за рубежом, а также от космического «мусора», американские военные стремительно внедряют качественные преобразования, направленные на сохранение оперативного преимущества в космосе, несмотря на действия неприятеля, влияние окружающей среды, системные сбои и жесткую экономию.

³⁶⁶ Union of Concerned Scientists Satellite Database. URL: <http://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.Vx61JGThAy4> (дата обращения: 31.12.2015]

Практические усилия опираются на долгосрочную директиву МО 2012 г.³⁶⁷, которая не обновлялась с 1999 г. Она вводит в действие положения Национальной космической политики США 2010 г.³⁶⁸ и Стратегии безопасности в космосе 2011 г., в соответствии с которыми, высший приоритет отдается устойчивому и свободному использованию космического пространства к сфере важнейших интересов США, а целенаправленное вмешательство в деятельность американских космических систем, включая их наземную инфраструктуру, будет трактоваться как нарушение прав США, и потребует ответных шагов во время кризиса.³⁶⁹ В ее основе новаторская концепция «разукрупнения», которая предполагает рассредоточение задач, функций и оборудования между множеством систем, находящихся на нескольких орбитах, аппаратах и даже в различных оперативных пространствах.

Директива предусматривает 1) повышение защищенности отдельных КА и обеспечение функционирования ВС в случае частичного выведения космической группировки из строя; 2) усиление межвидового обмена информацией и средствами для повышения результативности объединенных операций; 3) взаимодействие между различными ведомствами, развитие сотрудничества с зарубежными союзниками партнерами, а также с частным сектором; 4) облегчение мер экспортного контроля в космической сфере; 5) развитие международных норм ответственного поведения в космосе и 6) создание коалиций коллективной безопасности при поддержании возможностей ответа на нападения в отношении космических средств США и союзников с применением всех элементов национальной мощи, включая Проведение объединенных коалиционных операций в космосе, разделение ответственности за производство и управление КА. По сути, говорится о создании в перспективе «космической

³⁶⁷ Department of Defense Directive 3100.10, Washington, DC, 18 October 2012. URL: <http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/310010p.pdf> (дата обращения: 26.06.2017)

³⁶⁸ National Space Policy of the United States of America. Washington, DC: The White House, June 28, 2010. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf (дата обращения: 26.06.2017)

³⁶⁹ National Security Space Strategy: Unclassified Summary. Washington, DC: Department of Defense/Office of the Director of National Intelligence, January 2011. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NSSS/NationalSecuritySpaceStrategyUnclassifiedSummary_Jan2011.pdf (дата обращения: 26.06.2017)

НАТО», в рамках которой нападение на одного из участников коалиции будет считаться нападением на всех ее членов.

В развитие обозначенного подхода в 2013 г. ВВС США обозначили способы снижения ущерба для КА за счет 1) физического разделения различных элементов одной космической системы между группой спутников; 2) функционального распределения одной задачи между группой спутников; 3) размещения военной аппаратуры на коммерческих спутниках и аппаратах союзников; 4) разведения группы КА по разным орбитам и 5) выполнения их задач в различных оперативных средах.³⁷⁰

До недавних пор ВВС опирались на создание сложных многофункциональных полезных нагрузок, пытаясь монтировать на один аппарат различную аппаратуру. Сборка занимала много времени и увеличивала издержки. В этой связи в оборонную программу будущих лет заложен качественно новый подход. Вместо масштабных проектов закупить за те же деньги больше менее дорогих КА. Это позволит сделать системы менее сложными, облегчит их обслуживание, снизит стоимость и усилит возможности индустриальной базы благодаря повышению эффективности системы приобретения ВВТ и перманентному внедрению инноваций и ориентации на бизнес-модели создания гражданских спутников, которые собирают быстрее и дешевле военных аналогов, что особо актуально в условиях жесткой бюджетной экономии.

С 2014 г. Пентагон перешел на консолидированное финансирование ранее разрозненных и небольших по объемам военно-космических программ,кратно усилив инвестиции в НИОКР по широкому набору возможностей, включая ударные. Наиболее приоритетные проекты – по преодолению помех, спровоцированных ядерными взрывами в верхних слоях атмосферы, а также защита от ПСО. Ведутся комплексные исследования в области атмосферной физики и частотного моделирования, создаются системы радиоволнового и

³⁷⁰ Resiliency and Disaggregated Space Architectures. White Paper. Air Force Space Command, August 2013. URL: <http://www.ndiarmc.org/wp-content/uploads/2013/08/Resiliency-and-Disaggregated-Space-Architectures.pdf> (дата обращения: 26.06.2017)

лазерного подавления орбитальных аппаратов с Земли и менее затратные некосмические альтернативы дальней связи и навигации, которые позволят ВС ориентироваться на поле боя без помощи КА.

Наконец, с начала XXI века в США наметилась тенденция к обособлению еще одного вида сил – для проведения операций в электронных сетях. В рамках Командования киберопераций сформировано 133 боевых подразделения для отражения компьютерных нападений на американскую военную и критическую инфраструктуру и проведение наступательных киберопераций в обеспечение объединенной межвидовой группировки ВС США. С начала 2010-х гг. финансирование киберкомандования стабильно растет. В настоящее время продолжается формирование концепций и доктрин применения данных войск, идет подбор личного состава, разрабатываются методы его подготовки и обучения, а также определяются перспективные научно-технические и закупочные приоритеты. Однако, в силу высокой секретности известно об этих усилиях мало.

3.5. Выводы

Опыт реформирования ВС США в в конце XX – начале XXI веков говорит в пользу того, что это самостоятельный многоуровневый процесс, уходящий корнями во вторую половину XX века. В отличие от динамичного характера угроз, которые влияют на эволюцию военно-стратегической базы, реформа войск происходит с единственной целью – повышение эффективности применения в любых условиях – и направлена на примирение корпоративных интересов отдельных видов с общими задачами и целями.

На примере ВС США на рубеже XX–XXI вв. заметна эволюция представлений о внедрении преобразований, которые прошли путь от идей качественной компенсации количественных отставаний от сил противника с помощью достижений «военно-технической революции» или «революции в военном деле» до «трансформации» и «восстановления равновесия» в условиях

сокращения финансирования и численности личного состава. Это свидетельствует о том, что в отличие от изменений в процессах и структуре МО, ВС США оказались более последовательны в проведении реформ. Конечно, они должны следовать установкам, отраженным в доктринальных документах высшего звена. Однако их относительно широкая трактовка позволяет без ущерба для общей линии внедрения инноваций проводить преобразования в заданном направлении.

Оценивая идеи, возникшие на рубеже XX–XXI веков, стоит подчеркнуть тенденцию к расширению охвата функциональной интеграции ВС. Средства и методы, изначально разрабатывавшиеся для применения на отдельных ТВД, получили приложение для решения задач в глобальном масштабе. Информационно-боевая совместимость в рамках отдельной группы систем ВВТ превратилась во взаимодействие сил и средств в рамках отдельного вида ВС с последующим расширением на общевойсковой уровень. Если на заре формирования концепции «операций на основе эффектов» говорили в целом о широком национальном инструментарии, где войска являлись лишь одной из составляющих, то теперь уже требуется общее снижение доли участия всех американских элементов достижения целей в общемировом уравнении, в котором основная ответственность за обеспечение американской безопасности за рубежом ложится на зарубежных союзников и партнеров США.

История показала, что после каждой крупной войны ВС США испытывают болезненный, но нужный переходный период от военного времени к мирному. Именно в эти периоды наступают наибольшие перспективы для реформирования. После Второй мировой войны сложились современные военные институты, после Вьетнама заложены основы для их реформирования, после «холодной войны» началась интеллектуальная проработка тех решений, практическая реализация которых получила широкое распространение после завершения длительных стабилизационных операций в Афганистане и Ираке. Это очень важные периоды, изучение которых может дать ключ к пониманию перспективных направлений реформирования военной организации.

Несмотря на то, что ВС США как отдельный институт существуют относительно давно, в течение длительного времени они не были подвержены глубоким изменениям даже в рамках объективных перемен окружающих условий. В отличие от начавшихся в годы «холодной войны» институциональных преобразований, связанных с процессами внутри МО, системное реформирование не касалось взаимодействия, командования и управления войсками, а большинство усилий носило дискретный характер в силу того, что вплоть до конца XX века ВС США рассматривались как сумма разрозненных видов войск, каждый из которых развивался по-своему, имел собственные принципы организации, методы управления и подходы к реализации процессов.

Слом этого представления наметился лишь в середине 1980-х гг., когда в результате серии оперативных неудач в Пентагоне пришли к выводу об острой необходимости преобразований. Если раньше в этой среде преобладали внутривидовые интересы, то постепенно военное руководство США стало рассматривать ВС как единое целое, в рамках которого отдельные элементы должны дополнять друг друга для более эффективного выполнения задач.

Окончание «холодной войны» привело к масштабному поиску новых идей и практических шагов в области реформирования ВС, которые продолжаются и на современном этапе. Однако в течение десятилетия ВС США не могли определить свое место и роль в общенациональной стратегии обеспечения безопасности, теряясь в обилии доктринальных установок того времени. Опыт боевых действий в 1990-е гг. обозначил перспективы развития военной организации. Причем, как с учетом успехов на поле боя, которые подсказывали необходимость внедрения и совершенствования технических достижений «революции в военном деле», так и с учетом недостатков, выявленных в результате последующего анализа тактических и оперативных неудач. Несмотря на отсутствие масштабных практических шагов, в эти годы сформировался интеллектуальный фундамент реформирования ВС США в условиях постбиполярного мира.

Лишь с началом боевых операций в Афганистане и Ираке в 2000-е гг. США приступили к серьезным изменениям ВС. «Трансформация» войск была тем, чего

так не хватало предыдущие годы. Изначально она задумывалась для повышения эффективности ВС в условиях сокращения бюджетов и численности личного состава на фоне расширения военных угроз безопасности. Однако, война с террором внесла коррективы в курс реформирования, которое почти десять лет шло по двум параллельным направлениям. В рамках первого велось формирование ВС для мирного времени. Второе же требовало от ВС приспосабливаться к реальным боевым условиям. Столь большая разница желаемого и действительного вынудили военное руководство США временно приостановить реализацию курса на «трансформацию», но не отказаться от него в долгосрочной перспективе. В результате, в 2010-е гг. ВС стали двигаться в сторону интегрированного управления, в рамках которого все силы и средства во всех оперативных пространствах должны обмениваться данными, чтобы в критических ситуациях сохранялась возможность обеспечения непрерывного управления войсками.

Анализируя изменения геополитического, правового, социально-антропологического и культурного контекста восприятия насилия в XXI веке, американские военные и теоретики идут в своих рассуждениях дальше и отмечают стремление глобальной системы безопасности к состоянию «вечной войны», или «непрерывного конфликта», что, по их мнению, в ближайшем времени потребует и постоянной адаптации военной организации.³⁷¹ По сути же это то, что военно-политическое руководство США пытается осуществить после окончания «холодной войны», когда состояние постоянной мобилизации, ориентированной на противостояние с СССР, заменяется состоянием «перманентной реформой», в котором должна находиться военная организация США для эффективного ответа на весь спектр угроз безопасности.

Одновременно с этим в Пентагоне разворачивается теоретическая дискуссия о нарождающейся «военно-информационной революции», которая

³⁷¹ Future of War: proceedings of the Second Annual Conference on the future warfare / Washington, DC: New America Foundation ; University of Arizona. – 2016. – March 10. URL: <http://futureofwar.newamerica.org/> (дата обращения: 08.11.2018)

становится логичным продолжением «военно-технической революции» или «революции в военном деле» рубежа 1980-х – 1990-х гг.³⁷² Военное руководство США прогнозирует, что к середине 2030-х – началу 2040-х гг. организационно-технические достижения такой революции будут влиять на общество и характер боевых действий примерно так же, как в свое время появление компьютерной техники и информационно-коммуникационных сетей, вроде «Интернет».

Приспособление к таким условиям в будущем вновь указывает на необходимость адекватного ответа со стороны ВС. На протяжении последних десятилетий они стремились перейти от проведения войн «индустриальной» эпохи к войнам «информационной» эпохи, где ключевую роль играет быстрый обмен данными внутри межвидовой группировки войск для получения преимуществ над противником. Однако с недавних пор в свете нарождающейся «военно-информационной революции» военные и теоретики в США стали говорить о том, что важно уже сейчас приступить к подготовке общества и ВС к новой общественной формации – т.н. «комплексной» или синтетической эпохе, в которой, в отличие от «информационной» эпохи, для тотальной информационно-боевой интеграции и достижения максимальной эффективности принятия решений недостаточно простого повышения уровня подготовки и слаженности действий между людьми, а необходима помощь искусственного интеллекта и робототехники.³⁷³

Представляется, что с этой целью ВС США продолжают совершенствовать организационную структуру и систему управления войсками в заданном векторе реформирования. Для этого, в частности, понадобится создание, повышение защищенности и автоматизация оптоволоконных, радиочастотных и спутниковых «суперсетей», которые станут «умными» системами и будут способны к обучению в ходе взаимодействия с людьми, чтобы облегчить человеку процесс

³⁷² Selva, P., Trends in military technology and the future force // Speech by Vice-Chairman of the Joint Chiefs of Staff Paul Selva. Brookings Institute, January 21, 2016, Washington, DC.

³⁷³ Future of War: proceedings of the Second Annual Conference on the future warfare / Washington, DC: New America Foundation ; University of Arizona. – 2016. – March 10. URL: <http://futureofwar.newamerica.org/> (дата обращения: 08.11.2018)

принятия решений. Не меньшее значение для боевых действий в будущем будет иметь медикаментозное и физиологическое усовершенствование человеческого тела, которое позволит ускорить обучение, принятие решений, взаимодействие и адаптацию военнослужащих к условиям боевых действий, а также интеллектуальное развитие военнослужащих, у которых зачастую отсутствует комплексное представление о том, как вести боевые действия, поскольку не хватает понимания всего набора проблем в рамках конфликта, включая психологию поведения, состав населения, религию, социально-экономическую ситуацию, политическую систему, историю противника. В перспективе это может дать лучшее представление о возможностях людей на поле боя, позволит осмыслить процессы и уловить изменения в мире, эффективнее работать с данными и прогнозировать события и в результате повлияет на получение превосходства над любым противником.

Однако на этом пути ВС США могут приблизиться к пределу в способности достигать оперативного успеха. В будущем материальные ресурсы не будут соответствовать масштабу и характеру угроз, которые США уже сегодня не в состоянии сдерживать в одиночку. Для этого нужны новые подходы к участию в будущих конфликтах, что предполагает применение интегрированного инструментария, выходящего за рамки национальных возможностей. В свою очередь, это потребует от США масштабного реформирования не только военной организации, но и в целом системы национальной безопасности и международного сотрудничества.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд общих выводов относительно хода и результатов военного реформирования в США в конце XX – начале XXI веков. Благодаря тому, что это явление впервые рассматривается не как линейное совершенствование отдельных характеристик вооруженных сил и органов управления, не как совокупность изменений в методах работы институтов и сопутствующих процессов, не как эволюция представлений об угрозах и вариантах реакции на них, можно заключить, что военное реформирование в США после окончания «холодной войны» – комплексное, упорядоченное, системное политическое явление, для которого характерны сложные многосторонние и многофункциональные связи между различными элементами.

На основании проведенного в работе анализа можно уверенно говорить о том, что в США военное реформирование обладает дуалистичной природой. С одной стороны, это *процесс*, направленный на изменение существующего статуса в оборонной сфере. С другой стороны, это *состояние*, в котором вооруженные силы и оборонная организация находятся последние несколько десятилетий.

Представляется, что такое положение дел обусловлено рядом следующих обстоятельств. Военное реформирование в США на рубеже XX – XXI вв. обладает рядом отличительных характеристик. К ним можно отнести, в первую очередь, *многоуровневость*. Для составления наиболее полной оценки военного реформирования в США в работе проведено интегральное рассмотрение наиболее важных составляющих этого явления, в результате чего делается вывод о том, что реформирование представляется в виде сложной трехуровневой системы, в которой все уровни взаимосвязаны таким образом, что развитие одного невозможно рассматривать в отрыве от других.

Во-первых, это изменения, которые привели к созданию системы доктринальных документов высшего порядка, отражающих видение высшего военно-политического руководства США, ее совершенствованию и встраиванию

в общую схему военного строительства как ключевого ориентира для дальнейшего развития и реформирования (*теоретико-доктринальный уровень*). Во-вторых, это системная оптимизация процессов, регулирующих функционирование оборонных и военных институтов, что направлено на постоянное поддержание боевой готовности войск (*организационный уровень*). В-третьих, это совокупность интегрированных нововведений и преобразований в методах ведения войны для достижения целей, обозначенных в директивных документах (*функциональный уровень*).

С учетом этого можно говорить и о такой характеристике, как *многомерность* реформирования. В силу своей системной природы реформа состоит из множества преобразований в административной, хозяйственной, социальной, технической, интеллектуальной и прочих сферах. Кроме того, изменения можно разделить на теоретический и практический пласты и оценить как по количественным, так и по качественным показателям.

Проведенный в исследовании анализ дает основания полагать, что военная организация США является очень восприимчивой системой. Она постоянно совершенствуется, позитивно реагируя как на внешние, так и на внутренние изменения, что в конечном счете делает ее крайне жизнеспособной.

В связи с этим, однако, важно отметить, что еще одной чертой военного реформирования в США является *неравномерность* протекания, которая обусловлена разной скоростью внедрения изменений в силу различной природы обстоятельств, или *факторов*, оказывающих влияние на те или иные уровни и направления преобразований. Для целей данного исследования предлагается самостоятельная классификация основных факторов, которые влияют на место и роль военной силы в инструментарии обеспечения безопасности и, соответственно, стимулируют или замедляют проведение реформирования после окончания «холодной войны».

Реформирование на практике выходит за рамки сугубо теоретических представлений о необходимости изменений и происходит ввиду объективных требований *реакции на изменения окружающей среды*. Вслед за распадом

биполярного миропорядка в мире сформировались определенные условия, которые в силу глобальной направленности американской военной политики можно считать наиболее значимыми при оценке внедряемых преобразований. Во-первых, это состояние системы международных отношений (стремление к полицентричности), которая обладает рядом общих генерических характеристик (множественность и неопределенность угроз, постоянное усиление взаимозависимости свойственных системе процессов, событий и субъектов). Во-вторых, это растущая потребность в разнообразных ресурсах (природные, географические, информационные, космические и т.д.) и конкуренция за доступ к ним. Таким образом, можно утверждать, что реформы возникают как реакция на изменения геополитической ситуации.

К данной категории факторов можно также причислить и реакцию на изменения технологического контекста. Безусловно, появление и развитие новых военных технологий, сказавшихся на усилении геополитического противоборства в начале XXI века, отчасти подтолкнуло ВС США к совершенствованию своей деятельности и способов применения.

Военное реформирование после окончания «холодной войны» также очень тесно связано с изменением внутривполитической обстановки в США. Преобразования напрямую зависят от того, представители какой партии и идейных взглядов находятся в Белом доме. Для оценки успешности реализации изменений необходимо понимание отношений между органами исполнительной и законодательной власти, а также традиции стратегического мышления, поскольку военная политика зависит от того, существует ли преемственность в восприятии стратегической культуры прошлого или нет.

Кроме того, реформирование военной организации отчасти является отражением социальных и экономических изменений в стране. Так, социальная динамика сказывается, в первую очередь, на структуре войск, их расовом и гендерном разнообразии. Интенсивность оборонных реформ также коррелируется с экономическими колебаниями. В зависимости от фазы макроэкономического цикла (подъем, пик, спад, кризис) экономическая ситуация влияет на

финансирование вооруженных сил и их строительство, обеспеченность вооружениями, вынуждая приспосабливаться к неблагоприятным условиям или в годы изобилия инвестировать про запас.

Разумеется, глубокий отпечаток на реформирование военной организации США накладывает опыт военных операций. Боевые действия, особенно оперативные неудачи, на протяжении последних десятилетий подталкивали Пентагон к непрерывному проведению реформ. Более того, на дальнейшее развитие преобразований военной организации продолжает влиять применение вооруженных сил в локальных конфликтах, о чем свидетельствуют теоретические и практические инновации, происходящие в США в результате операций в регионе Ближнего Востока, прежде всего, в Сирии, и отчасти на африканском континенте, а также в рамках участия ВС США в многочисленных миротворческих миссиях по всему миру.

Важно упомянуть и тот факт, что после каждой крупной кампании ВС США находились в переходном периоде от военного к мирному времени. Так было после «холодной войны», так происходит по мере снижения присутствия в Ираке и Афганистане. Во время таких периодов, как правило, военные проводят детальный анализ преимуществ и недостатков и вырабатывают установки на будущее. В связи с чем стоит отметить, что изучение переходных периодов может дать ключ к пониманию перспективных направлений военного реформирования.

Еще одной важнейшей характеристикой американского военного реформирования после окончания «холодной войны» является *непрерывность*. Можно сделать вывод о том, что изученные в диссертации изменения по большей части были задуманы для достижения некоего идеального состояния, при котором войска должны быть способны эффективно выполнять весь комплекс задач, т.е. побеждать, нести низкие боевые потери, внутренние хозяйственные процессы будут отлажены настолько, что не будет смещения сроков и роста издержек по программам ВВТ, а НИОКР по ним будут предвосхищать угрозы, а концептуальные документы и представления о том, как воевать, будут четко отвечать всем задачам и предусматривать решение широкого спектра угроз.

Рассмотрение преобразований в США на протяжении длительного времени от истоков до современного состояния в оговоренном событийном контексте дает основания говорить о «перманентной реформе».

Представляется, что, помимо этого, в случае США существуют и другие качественные величины преобразований. В первую очередь, это общий вектор развития, который определяется **целью** реформирования. В силу тесной взаимосвязи со стратегическими установками государства в сфере внешней и военной политики США такой целью выступает обеспечение оперативно-стратегического успеха в виде получения и поддержания превосходства в максимально широком круге боевых и небоевых операций на различных локальных и региональных ТВД и во всех оперативных пространствах.

Объективная необходимость реформирования обусловлена требованием поддержания лидирующего положения ВС в обеспечении национальной безопасности США. Изучение военного реформирования чрезвычайно важно для понимания того, как Вашингтон будет вести себя в мире, поскольку американские военные являются одной из важнейших составляющих проведения внешней политики. При этом важно отметить, что реформирование также влияет не только на внутреннюю составляющую развития вооруженных сил и министерства обороны, но и является одним из ключевых условий поддержания американского силового превосходства и сохранения глобального доминирования в XXI веке.

Для достижения этой цели перед американскими реформаторами стоит основная **задача** – повышение эффективности принятия решений в рамках всей военной организации США как одного из определяющих элементов национального инструментария внешней и военной политики. Представляется, что большое влияние на такой подход к реформированию оказали взгляды американского военно-воздушного теоретика Дж. Бойда.³⁷⁴ Он внес значимый вклад в организационную теорию, выработав схему «цикла принятия решений», состоящую из четырех этапов на основании оценки поведенческой реакции на

³⁷⁴ Boyd, J. Destruction and Creation. US Army Command and General Staff College, September 3, 1976. P.1-8.; Osinga, F. Science, Strategy and War: The Strategic Theory of John Boyd. Routledge, 2006. 336 p.

внешние события и явления – «наблюдение, ориентирование, непосредственно решение и последующее действие» (*OODA loop*).

Изначально разработанная для ускорения принятия решений летчиками ВВС США в открытом воздушном противостоянии во второй половине XX века, концепция предполагает непрерывную адаптацию к постоянным изменениям внешней среды для достижения более быстрого, опережающего действия, чтобы получить подавляющее преимущество над противником в бою. К настоящему времени теория Дж. Бойда находит все большее применение в областях повышенной конкуренции, например, в политике, юриспруденции, спорте, экономике. На основании же проведенного исследования можно сделать вывод о том, что, по-видимому, бойдовские положения «*OODA loop*» де-факто применяются к военному реформированию в США.

Во исполнение задачи повышения эффективности преобразований применяются особые **методы** реформирования, которые предусматривают внесение изменений и внедрение новаторских достижений военной мысли для совершенствования всех составляющих единой системы, включая структуру, организацию, оснащение, подготовку, передовые практики, ускорение разработки и закупки вооружений, военной техники и услуг, улучшение производства, установление контактов с другими ведомствами внутри страны, а также поддержание прочных отношений с союзниками и развитие сотрудничества и установление связей с новыми зарубежными партнерами.

Особую роль во внедрении преобразований играет интеллектуальная составляющая. Реформирование чрезвычайно сложно проводить в условиях, когда отсутствует воля к его проведению или возникают препятствия ввиду институционального сопротивления. Как показывает практика США, залогом успеха отдельных этапов реформирования было кадровое обеспечение за счет людей с «гибким» умом, способных и желающих адаптировать имеющуюся систему для достижения качественных изменений. Объективная необходимость требует от них постоянно приспосабливаться к быстро меняющимся условиям, возникновение которых не всегда возможно спрогнозировать.

Ввиду этого на основе проведенного в исследовании анализа можно сделать вывод о том, что в начале XXI века в США уверенно складывается определенная «культура военного реформирования» как в среде высшего военно-политического руководства США, так и на уровне среднего офицерского состава и рядовых бойцов. Американцы понимают, что институты военной подготовки должны инвестировать в интеллектуальные процессы, которые помогут сформировать видение будущего боевых действий. Такое видение должно основываться на национальных целях и реалистичных оперативных условиях, которые диктуют, что может и не может быть достигнуто. Эти интеллектуальные потребности оказывают глубокое влияние на тип и разнообразие военно-учебных заведений и курсы, которые способствуют созданию такой интеллектуальной среды.

Вместе с тем идеализировать реформирование военной организации США все же не стоит. Несмотря на в целом успешное проведение административно-бюрократической оптимизации, опыт применения ВС США последних десятилетий был не таким однозначным. Во многом виной тому стала переоценка политической элитой США возможностей и постановка перед военными нереалистичных задач, к выполнению которых войска были слабо подготовлены.

Представляется, что, сделав ставку на «перманентное реформирование», военно-политическое руководство США просчиталось в том, насколько организационно-функциональные преобразования будут способны стимулировать эффективность достижения целей внешней политики США. С подачи политиков американские военные чересчур увлеклись изменением внутренних процессов, поставив во главу угла само реформирование как состояние, в котором непрерывно должна находиться военная организация.

При этом позабыли о главной цели – обеспечении более эффективного ответа на стоящие перед США вызовы в глобальном масштабе. Реформирование же не проходит само по себе, и его эффективность оценивается, в первую очередь, успехами или неудачами на поле боя. Как следствие, итоги зарубежных операций оказались противоположными тому, какими они виделись политическому руководству США до начала боевых действий. А за ошибки

политиков военнослужащие заплатили тысячами жизней.

После окончания «холодной войны» американские военные предполагали опираться в своих действиях на «доктрину Вайнбергера-Пауэлла». В теории она предусматривала, что применение ВС возможно лишь при условии, что существует реальная угроза жизненно важным интересам США, войскам поставлены четкие задачи, просчитаны все риски, издержки и последствия, исчерпаны все политические возможности урегулирования кризиса, обеспечена широкая общественная поддержка и обязательно есть варианты выхода из войны.

Однако столь прагматичные подходы так и остались в узких коридорах Пентагона. Они никак не совпадали с целями, которые ставили перед военными политики, чье внешнеполитическое сознание оказалось оторванным от реальной международной жизни. Весь позитив от достижений реформирования военной организации свелся на нет из-за политической близорукости и непродуманных действий американского правящего класса, самонадеянности, однозначном восприятии внешнего мира через призму ценностей по американскому образцу и неприятию иных моделей развития.

Уверенность в непобедимости, во многом вызванная бескровным окончанием биполярного противостояния на американских условиях, убедила Вашингтон, что США с легкостью смогут побеждать и в локальных конфликтах. Однако, оперативная обстановка на местах обнажила неспособность достичь политических целей, и американская военная машина пала жертвой политических амбиций. Вопрос, смогут ли США в дальнейшем справиться с этим перекосом, чтобы избежать повторения ошибок, остается открытым.

Рекомендации. Приведенные выше выводы по исследованию позволяют говорить о понятии «супер-реформирование» при описании преобразований военной организации США в конце XX – начале XXI вв. и о существовании уникальной американской модели военного реформирования. Дальнейшая научная разработка данного явления, включая сопоставление с опытом проведения военных преобразований после окончания «холодной войны» в других странах, позволит не только подтвердить уникальный характер этой

модели, но также, вероятнее всего, найти общие закономерности и сформулировать единые принципы военного реформирования. На их основе можно будет по-новому взглянуть на общее понятие «реформирования», разработать подходящий научно-методологический аппарат, благодаря которому повысить точность оценки эффективности внедрения изменений и прогнозировать вероятные направления их дальнейшего развития.

Все это может послужить ценным вкладом в политическую науку в виде уточнения и разработки такой дисциплины, как знание о реформировании. Представляется, что опыт, рассмотренный в исследовании, может найти применение в других областях, помимо военной, – например, в целом, в области национальной и международной безопасности (реформирование международных институтов, органов исполнительной власти, включая внешнеполитические ведомства и специальные службы), государственного хозяйства (финансовая, банковская реформы и пр.), социально-экономической сфере (система здравоохранения, пенсионного обеспечения и пр.) и т.д.

Полученные результаты могут быть использованы при формулировании подходов российских государственных органов, ответственных за проведение внешней и военной политики, к взаимодействию с США в свете особой роли военного инструментария в глобальной политике. На основе изучения уроков американской модели военного реформирования возможно сделать ряд рекомендаций, которые могут стать особенно актуальными в свете проведения преобразовательных процессов внутри органов управления и процессов в Министерстве обороны и Вооруженных силах Российской Федерации.

Россия может кое-чему поучиться на примере реформирования военной организации США в последние десятилетия. Конечно, нельзя копировать все, что сделали американцы, да это и не получится, в силу того, что американская военная организация строится на совершенно иных принципах. Но необходимо продолжать изучать опыт участия США в боевых действиях, их достижения военной мысли, методологические и технологические разработки, образцы

создаваемых ВВТ, сопоставлять это с нашими задачами и национальными интересами, оценивать насколько это применимо.

Следует признать, что реформирование военной организации должно проводиться не ради реформирования, а для получения преимуществ над конкурирующими военными организациями противников. Задача не в том, чтобы правильно понять, какой будет следующая война, а в том, чтобы понять это лучше противника и гораздо быстрее подготовиться. В этой связи следует внимательнее изучить опыт внедрения в деятельность военной организации методов Дж. Бойда и гибких преобразований в деятельность вооруженных сил.

Российскому оборонному ведомству стоит обратить более пристальное внимание на ход военного реформирования в США во многом и потому, что оно отчасти увязывается с действиями нашей страны на международной арене. Мы традиционно оказывали немалое влияние на совершенствование военной организации США. Достижения советской военной мысли на завершающем этапе «холодной войны» легли в основу практической реализации военно-технической революции в Америке. На протяжении многих лет американцы весьма глубоко изучали опыт участия российских ВС в боевых действиях на Северном Кавказе, в Южной Осетии, в Сирии и предприняли соответствующие преобразования у себя.

Военное реформирование в США в конце XX – начале XXI веков началось как реакция на ослабление нашей страны в результате распада СССР. В основе американского стратегического курса сразу после этого было стремление не допустить появления новой сверхдержавы-конкурента. Во многом с этой целью происходило расширение НАТО – чтобы обеспечить себе «страховку» на будущее. Сегодня же реформирование военной организации приобретает новый импульс – в связи с реакцией на усиление международного положения России.

Американские военные прогнозируют в скором времени обострение соперничества между великими державами, прямо говорят о необходимости сдерживания России. Доктринальные установки США провозглашают нашу страну в долгосрочной перспективе одним из ключевых противников и соперников за геополитическое влияние. Поняв заранее специфику тех

приготовлений, которые США предпринимают со своей военной организацией относительно нас, можно заблаговременно усилить собственные возможности.

Следует также иметь в виду, что участие в конфликтах низкой интенсивности и операциях с нерегулярными негосударственными формированиями в американской стратегии будет отходить на второй план по сравнению с межгосударственным противостоянием. Приход к власти республиканской администрации Д. Трампа совпал с интеллектуальным разворотом военной доктрины США к «большой» войне. Идет очередная переоценка обстановки и выработка военного ответа. Американцы постепенно ориентируют войска на то, что им было привычно в эпоху биполярного противостояния, – «армии должны воевать».

Ход реформирования военной организации в США в последние несколько лет свидетельствует о том, что Вашингтон задумывается о возвращении к подготовке к крупным наступательным операциям, в которых ключевое значение для успеха будут иметь взаимодействие с силами союзников, осуществление стратегических перебросок с территории США, обеспечение дипломатического и информационного сопровождения своих действий в глобальном масштабе.

Представляется, что такой вектор закрепится надолго, учитывая масштаб предпринятых инвестиций и изменений в организации, подготовке и прочих сферах деятельности ВС США, что в обозримом будущем может оказать влияние в целом на развитие военно-политической обстановки в мире.

Условия войны тоже сильно меняются. Надо принять как данность, что такие количественные показатели, как военно-техническое и численное превосходство, не гарантируют военной и политической победы. Войскам придется быть в непрерывном движении. Мобильность – залог выживания, ключевая характеристика ВС в обозримом будущем. Исходя из совокупности факторов и тенденций, повышается вероятность сухопутных войн с боями в городских условиях. Полезным будет вспомнить в этой связи богатейший опыт штурма крупных населенных пунктов, наработанный Красной Армией в годы Великой Отечественной войны и описанный историками и военными.

Еще одна тенденция, на которую следует обратить самое пристальное внимание, – развитие робототехники и беспилотных/безэкипажных средств боя для минимизации человеческих потерь. Что касается личного состава, то в будущем ставка делается на совершенствование возможностей человека – психологическую подготовку, улучшение биологических характеристик бойцов, повышение автономности действий тактического звена, взаимодействие с «умной техникой». Все большее значение приобретает внедрение в военное дело искусственного интеллекта.

Готовиться, однако, необходимо не только к прямому столкновению крупных группировок войск (сил), но и к более сложным действиям, протекающим ниже порога применения военной силы – т.н. «гибридной войне», предполагающей использование чрезвычайно широкого инструментария возможностей, применение которых в совокупности способно заставить противника – что важно, не прибегая к сугубо военным средствам, – изменить поведение нужным образом. Эти инструменты – информационно-пропагандистские, кибервойна, разведывательно-диверсионная деятельность, экономическое давление, санкции и запреты, политическая изоляция и т.д.

Нужно уметь адаптировать военную организацию даже в неблагоприятных условиях. Для нашей страны это особенно актуально – в условиях ужесточения санкционного давления и совершенствующегося инструментария сдерживания со стороны США. Сохранение боеспособности наших вооруженных сил должно осуществляться более творческими методами. Немаловажную роль в этом призвано сыграть дальнейшее улучшение системы социальных гарантий военнослужащих – и американский опыт в этой связи весьма показателен.

Все это требует дополнительного серьезного осмысления. Нужно понимать горизонт планирования в меняющихся международных отношениях, учиться просчитывать перспективы развития военно-политической обстановки в мире на хотя бы на 10-15 лет. В связи с чем надо усовершенствовать отечественные возможности стратегического планирования, определения приоритетов на доктринальном уровне и развития на их основе военной организации.

Список сокращений

- АМР – Агентство по международному развитию
АНБ – Агентство национальной безопасности
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
АУГ – авианосная ударная группа
БЛА – беспилотный летательный аппарат
БССБ – бригада содействия силам безопасности
БТГ – бригадная тактическая группа
ВВС – Военно-воздушные силы
ВВТ – вооружения и военная техника
ВМС – Военно-морские силы
ВПК – военно-промышленный комплекс
ВС – вооруженные силы
ВТС – военно-техническое сотрудничество
ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия
КА – космический аппарат
КМП – Корпус морской пехоты
КНШ – Комитет начальников штабов
КР – крылатая ракета
КРМБ – крылатая ракета морского базирования
КШУ – командно-штабные учения
МО – министерство обороны
НАСА – Национальное аэрокосмическое агентство США
НАТО – Организация Североатлантического договора
НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
ОВД – Организация Варшавского договора
ОВС – обычные вооруженные силы
ОМУ – оружие массового уничтожения
ООН – Организация Объединенных Наций

ООЭ – операции на основе эффектов
ПВО – противовоздушная оборона
ПЛАРК – атомная подводная лодка с крылатыми ракетами
ПРО – противоракетная оборона
ПСО – противоспутниковая оборона
РНР – разведка, наблюдение, рекогносцировка
РУМО – Разведывательное управление министерства обороны США
РЭБ – радиоэлектронная борьба
СВ – Сухопутные войска
СВУ – самодельное взрывное устройство
СНБ – Совет национальной безопасности США
ССО – силы специальных операций
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СТРАТКОМ – Стратегическое командование
США – Соединенные Штаты Америки
СЯС – стратегические ядерные силы
ТВД – театр военных действий
ТЯО – тактическое ядерное оружие
ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
ЭУГ – экспедиционная ударная группа
ЯО – ядерное оружие

Список источников и литературы

Источники

Законодательные акты

1. Public Law 80-253, Title II, Section 203: The National Security Act of 1947, July 26, 1947.
2. Title 10, U.S. Code, Public Law 99-433, Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986, October 1, 1986.
3. Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part I, Chapter 2, paragraph 118: National Defense Authorization Act (NDAA) for FY1997, NDAA for FY2000, NDAA for FY2002, NDAA for FY2003.
4. Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part I, Chapter 5, Paragraph 153, as amended by the NDAA for FY2004, November 24, 2003, P.L. 108-136, Paragraph 903.
5. Public Law No. 104-106, National Defense Authorization Act for FY1996, February 10, 1996.
6. Public Law No. 104-201, National Defense Authorization Act for FY1997, September 23, 1996.
7. Public Law No. 105-85, National Defense Authorization Act for FY1998, November 18, 1997.
8. Public Law No. 105-261, National Defense Authorization Act for FY1999, October 17, 1998.
9. Public Law No. 106-65, National Defense Authorization Act for FY2000, October 5, 1999.
10. Public Law No. 106-398, National Defense Authorization Act for FY2001, October 30, 2000.
11. Public Law No. 107-107, National Defense Authorization Act for FY2002, December 28, 2001.
12. Public Law No. 107-314, National Defense Authorization Act for FY2003, December 2, 2002.

13. Public Law No. 108-136, National Defense Authorization Act for FY2004, November 24, 2003.
14. Public Law No. 108-375, National Defense Authorization Act for FY2005, October 28, 2004.
15. Public Law No. 109-163, National Defense Authorization Act for FY2006, January 6, 2006.
16. Public Law No. 109-364, National Defense Authorization Act for FY2007, October 17, 2006.
17. Public Law No. 110-181, National Defense Authorization Act for FY2008, January 28, 2008.
18. Public Law No. 110-417, National Defense Authorization Act for FY2009, October 14, 2008.
19. Public Law No. 111-84, National Defense Authorization Act for FY2010, October 28, 2009.
20. Public Law No. 111-383, National Defense Authorization Act for FY2011, January 7, 2011.
21. Public Law No. 112-81, National Defense Authorization Act for FY2012, December 31, 2011.
22. Public Law No. 112-239, National Defense Authorization Act for FY2013, January 3, 2013.
23. Public Law No. 113-66, National Defense Authorization Act for FY2014, December 26, 2013.
24. Public Law No. 113-291, National Defense Authorization Act for FY2015, December 19, 2014.
25. Public Law No. 114-92, National Defense Authorization Act for FY2016, November 25, 2015.
26. Public Law No. 114-328, National Defense Authorization Act for FY2017, December 23, 2016.
27. Public Law No. 115-91, National Defense Authorization Act for FY2018, December 12, 2017.

28. Public Law No. 115-232, National Defense Authorization Act for FY2019, August 13, 2018.

Официальные документы

29. A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower. – Washington, DC, March 2015. URL: https://www.uscg.mil/seniorleadership/DOCS/CS21R_Final.pdf
30. A National Security Strategy for a Global Age. – Washington, DC: The White House, December 1, 2000. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2001.pdf>
31. A National Security Strategy For A New Century. – Washington, DC: The White House, May 1, 1997. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1997.pdf>
32. A National Security Strategy For A New Century. – Washington, DC: The White House, October 1, 1998. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1998.pdf>
33. A National Security Strategy For A New Century. – Washington, DC: The White House, December 1, 1999. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2000.pdf>
34. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Washington, DC: The White House, July 1, 1994. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1994.pdf>
35. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Washington, DC: The White House, February 1, 1995. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1995.pdf>
36. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Washington, DC: The White House, February 1, 1996. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1996.pdf>
37. A Quest for Excellence: Final Report to the President by the President's Blue Ribbon Commission on Defense Management. – Washington, DC, June 30, 1986. URL: <http://www.ndia.org/Policy/AcquisitionReformInitiative/Documents/Packard-Commission-Report.pdf>
38. America's Air Force: A Call to the Future. – Washington, DC: Headquarters, US Air Force, July 2014. URL: http://www.defenseinnovationmarketplace.mil/resources/2014_AF_30_Year_Strategy_2.pdf
39. Annual Report to the President and the Congress. – Washington, DC: Secretary of Defense William S. Cohen, 1998. URL: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1998_DoD_AR.pdf

40. Better Buying Power 2.0: Continuing the Pursuit for Greater Efficiency and Productivity in Defense Spending. – Washington, D.C.: Department of Defense, November 13, 2012.
41. Better Buying Power: Guidance for Obtaining Greater Efficiency and Productivity in Defense Spending. – Washington, D.C.: Department of Defense, September 14, 2010.
42. Bringing Together the DoD Science and Technology Enterprise / Reliance 21: Operating Principles. – Washington, DC: Defense Technical Information Center, January 2014. URL: <http://www.acq.osd.mil/chieftechnologist/publications/docs/Reliance21OpPrinciples-Jan2014.pdf>
43. Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020. – Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, 10 September 2012.
44. Concept Plan (CONPLAN) 8022 (Global Strike). – Washington, DC, August 2003. URL: <http://www.nukestrat.com/us/stratcom/CONPLAN8022brief.pdf>
45. Concepts for Modernizing Military Retirements. – Washington, D.C.: Department of Defense, March 2014.
46. Counterinsurgency / Field Manual, FM 3-24. –Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, December 2006.
47. Defense laboratory enterprise. – Arlington: Department of Defense Research and Engineering, 2011. URL: http://www.acq.osd.mil/chieftechnologist/publications/docs/Defense_Laboratory_Enterprise.pdf
48. Defense Management Report to the President. – Washington, DC: Secretary of Defense, Department of Defense, July 1989.
49. Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. – Washington, DC, January 1993.
50. Department of Defense Directive 3100.10. – Washington, DC, 18 October 2012. URL: <http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/310010p.pdf>

51. Department of Defense Directive 5105.79. – Washington, DC: Department of Defense, May 19, 2008. URL: <http://dcmo.defense.gov/Portals/47/Documents/510579p.pdf>
52. Description of the National Military Strategy 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf
53. Deterrence Operations Joint Operating Concept, Version 2.0. – Washington, DC: Department of Defense, December 2006. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/concepts/joint_concepts/joc_deterrence.pdf
54. Doctrine for Joint Nuclear Operations (Joint Publication 3-12). – Washington, DC, 15 December 1995. URL: <http://www.wslfweb.org/docs/doctrine/nukeops.pdf>
55. Doctrine for Joint Nuclear Operations (Joint Publication 3-12). – Washington, DC, 29 April 1993. URL: https://fas.org/nuke/guide/usa/doctrine/dod/jp3_12.pdf
56. Doctrine for Joint Nuclear Operations, (Joint Publication 3-12), Final Coordination (2). – Washington, DC, 15 March 2005. URL: http://www.wslfweb.org/docs/doctrine/3_12fc2.pdf
57. Doctrine for Joint Theater Nuclear Operations (Joint Publication 3-12.1). – Washington, DC, 9 February 1996. URL: <http://www.wslfweb.org/docs/doctrine/theaternukeops.pdf>
58. DoD Research and Engineering Enterprise. Strategic Guidance. – Washington, D.C.: Assistant Secretary of Defense for Research and Engineering, 1 May 2014.
59. DoD Warfighting Transformation // Report of the Defense Science Board. – Washington, DC: Office of The Under Secretary of Defense for Acquisition and Technology, September 1999. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a369135.pdf>
60. Field Manual No. 3-0 Operations. – Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 6 October 2017.
61. Force 2025 and Beyond: Unified Land Operations, Win in a Complex World. – U.S. Army Training and Doctrine Command, October 2014. URL:

www.arcic.army.mil/app_Documents/tradoc_ausa_force2025andbeyond-unifiedlandoperations-wininacomplexworld_07oct2014.pdf

62. Implementation Directive for Better Buying Power 3.0 – Achieving Dominant Capabilities through Technical Excellence and Innovation. – Washington, D.C.: Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics, April 9, 2015. URL: <http://bbp.dau.mil/docs/BBP3.0ImplementationGuidanceMemorandumforRelease.pdf>
63. Interorganizational Coordination During Joint Operations, Joint Publication 3-08. – Washington, DC, 24 June 2011. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp3_08.pdf
64. Irregular Warfare (IW), Joint Operating Concept (JOC), Version 1.0. – Washington, DC: Department of Defense, 11 September 2007.
65. Joint Concept for Access and Maneuver in the Global Commons / Memorandum, Joint Staff // USNI News. – 2015. – January 8. URL: <https://news.usni.org/2015/01/20/document-air-sea-battle-name-change-memo>
66. Joint Operational Access Concept (JOAC), Version 1.0. – Washington, DC: Department of Defense, 17 January 2012. URL: https://archive.defense.gov/pubs/pdfs/JOAC_Jan%202012_Signed.pdf
67. Joint Urban Operations, Joint Integrating Concept, Version 1.0. – Washington, DC: Department of Defense, 23 July 2007.
68. Joint Vision 2010. Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, July 1996. URL: <http://www.dtic.mil/jv2010/jv2010.pdf>
69. Military Transformation: A Strategic Approach. – Washington, DC: Office of Force Transformation, Department of Defense, Fall 2003.
70. National Defense Strategy. – Washington, DC: Department of Defense, June 2008.
71. National Military Strategy of the United States of America: A Strategy of Flexible and Selective Engagement. – Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, February 1995.

72. National Military Strategy of the United States of America. Shape, Respond, Prepare Now: A Military Strategy for a New Era. – Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, September 1997.
73. National Military Strategy of the United States. – Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, January 1992.
74. National Security Decision Directive 13. – Washington, DC: White House, December 1981. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-13.pdf>
75. National Security Space Strategy: Unclassified Summary. – Washington, DC: Department of Defense/Office of the Director of National Intelligence, January 2011. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NSSS/NationalSecuritySpaceStrategyUnclassifiedSummary_Jan2011.pdf
76. National Security Strategy of the United States of America. – The White House, December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
77. National Security Strategy of the United States. – Washington, DC: The White House, March 1, 1990. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1990.pdf>
78. National Security Strategy of the United States. – Washington, DC: The White House, August 1, 1991. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1991.pdf>
79. National Security Strategy of the United States. – Washington, DC: The White House, January 1, 1993. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1993.pdf>
80. National Security Strategy. – Washington, DC: The White House, February 6, 2015. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2015.pdf>
81. National Security Strategy. – Washington, DC: The White House, May 27, 2010. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>
82. National Space Policy of the United States of America. – Washington, DC: The White House, June 28, 2010. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/national_space_policy_6-28-10.pdf

83. Naval Science and Technology (S&T) Strategy. – Washington, DC: The Office of Naval Research, February 2015. URL: <http://www.navy.mil/strategic/2015-Naval-Strategy-final-web.pdf>
84. Nuclear Posture Review [Excerpts] / Excerpts of Classified Nuclear Posture Review Submitted to Congress of 31 December 2001. – Washington, DC, 8 January 2002. URL: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf
85. Nuclear Posture Review 2010. – Washington, DC, 2010
86. The Nuclear Posture Review. – Washington, DC: Office of the Assistant Secretary of Defense for Public Affairs, U.S. Department of Defense, 1994. URL: <http://oldsite.nautilus.org/archives/nukestrat/USA/Npr/dodnprslides092294.pdf>
87. Quadrennial Defense Review 2014. – Washington, DC: Department of Defense, March 2014. <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2014.pdf>
88. Quadrennial Defense Review Report. – Washington, DC: Department of Defense, September 30, 2001. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf>
89. Quadrennial Defense Review Report. – Washington, DC: Department of Defense, February 6, 2006. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf>
90. Quadrennial Defense Review Report. – Washington, DC: Department of Defense, February 2010. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2010.pdf>
91. Repeal of Don't Ask Don't Tell and Future Impact on Policy. Memorandum for Secretaries of the Military Departments. – Washington, D.C.: Under Secretary of Defense for Personnel and Readiness, January 28, 2011. URL: http://archive.defense.gov/home/features/2010/0610_dadt/USD-PR-DADT_28Jan11.pdf
92. Report on the Bottom-Up Review. – Washington, DC: Department of Defense, October 1993. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA359953>
93. Report to Congress Restructuring the Department of Defense Acquisition, Technology and Logistics Organization and Chief Management Officer Organization, Response to Section 901 of the National Defense Authorization Act

- for Fiscal Year 2017 (Public Law 114 – 328). – Washington, D.C.: Department of Defense, August 2017.
94. Resiliency and Disaggregated Space Architectures. White Paper. – Air Force Space Command, August 2013. URL: <http://www.ndiarmc.org/wp-content/uploads/2013/08/Resiliency-and-Disaggregated-Space-Architectures.pdf>
 95. Space policy directive-4. – Department of Defense, February 19, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Mar/01/2002095015/-1/-1/1/SPACE-POLICY-DIRECTIVE-4-FINAL.PDF>
 96. Strategic Landpower: Winning the Clash of Wills. – Army Capabilities Integration Center, October 28, 2013. URL: http://www.arcic.army.mil/app_Documents/Strategic-Landpower-White-Paper-28OCT2013.pdf
 97. Strategic technology planning: Volume iii (21st Century Strategic Technology Vectors) / Defense Science Board study. – Washington, D.C.: Office of the Under Secretary of Defense for acquisition, technology and logistics, February 2006.
 98. Strengthening U.S. Global Defense Posture // Report to Congress. – Washington, DC: Department of Defense, September 2004. URL: http://www.dmzhawaii.org/wp-content/uploads/2008/12/global_posture.pdf
 99. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
 100. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century. – Washington, DC: Department of Defense; The White House, January 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf
 101. The Implementation of Network-Centric Warfare. – Washington, D.C.: Department of Defense, Office of Force Transformation, January 2005.
 102. The National Defense Strategy of the United States. – Washington, DC: Department of Defense, March 2005.

103. The National Military Strategy of the United States of America: The United States Military's Contribution to National Security. – Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, June 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf
104. The National Military Strategy of the United States of America. A Strategy for Today; A Vision for Tomorrow. – Washington, DC: Joint Chiefs of Staff, 2004. URL: <http://archive.defense.gov/news/Mar2005/d20050318nms.pdf>
105. The National Military Strategy of the United States of America. Redefining America's Military Leadership, 2011. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/2011-National-Military-Strategy.pdf>
106. The National Security Strategy of the United States. – Washington, DC: The White House, September 17, 2002. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>
107. The National Security Strategy of the United States. – Washington, DC: The White House, March 16, 2006. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>
108. The Nuclear Posture Review. – Office of the Secretary of Defense, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF>
109. The Report of the Quadrennial Defense Review. – Washington, DC: Secretary of Defense, May 1997. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf>
110. Transforming Defense: National Security in the 21st Century // Report of the National Defense Panel. – Washington, DC, December 1997. URL: http://chnm.gmu.edu/cipdigitalarchive/files/97_TransformingDefenseNationalDefensePanelFullReport.pdf
111. USAF Strategic Master Plan. – United States Department of the Air Force, May 21, 2015. URL: http://www.af.mil/Portals/1/documents/Force%20Management/Strategic_Master_Plan.pdf

Официальные сайты государственных структур

- 112. DARPA. URL: <http://www.darpa.mil>
- 113. Federal Business Opportunities. URL: <https://www.fbo.gov>
- 114. Military Pay and Benefits. URL: militarypay.defense.gov
- 115. The White House. URL: <http://www.whitehouse.gov>
- 116. US Air Force. URL: <http://www.af.mil><http://www.af.mil>
- 117. US Army. www.army.mil
- 118. US Department of Defense. URL: <http://www.defense.gov>
- 119. US Joint Chiefs of Staff. URL: <http://www.jcs.mil>
- 120. US Navy. URL: <http://www.navy.mil>

*Официальные выступления, интервью, статьи
военно-политического руководства США*

- 121. Amos, J. Address of General J. Amos, Commandant, United States Marine Corps, to the National Press Club Luncheon. – Office of the Commandant of the Marine Corps, 28 August 2012. URL: <http://www.hqmc.marines.mil/Portals/142/Docs/120828%20--%20Address%20at%20the%20National%20Press%20Club%20Luncheon%20TRANSCRIPT.pdf>
- 122. Democratic National Convention Remarks by President Bill Clinton. – Chicago, August 29, 1996.
- 123. House Committee on Armed Services, Subcommittee on Readiness Hearing on the Current State of U.S. Army Readiness / Full Transcript. – March 8, 2017. URL: <http://www.fednews.com/transcript.php?item=571741>
- 124. Senate Appropriations Subcommittee on Defense Hearing on the U.S. Army Fiscal Year 2018 Budget / Full Transcript. – June 7, 2017. URL: <http://www.fednews.com/transcript.php?item=573129>
- 125. Senate Committee on Armed Services, Subcommittee on Readiness and Management Support Hearing on Current Readiness of U.S. Forces / Full

- Transcript. – February 8, 2017. URL:
<http://www.fednews.com/transcript.php?item=571332>
126. Shalikashvili, J. A Word from the Chairman // Joint Forces Quarterly. – Autumn 1996. – P. 1-6.
127. Statement by President Donald J. Trump on the Elevation of Cyber Command. – The White House, August 18, 2017.
128. Bush G. H.W. Remarks at the Aspen Institute Symposium. – Aspen, Colorado, August 2, 1990. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18731>
129. Bush, G.W. A Period of Consequences // Speech by Presidential candidate George W. Bush. – The Citadel, South Carolina, September 23, 1999. URL: http://www3.citadel.edu/pao/addresses/pres_bush.html
130. Gates, R. A Balanced Strategy: Reprogramming the Pentagon for a New Age / R. Gates // Foreign Affairs. – 2009. – Vol.88, No.1. – P. 28-40.
131. Gates, R. Building Partnership Capacity and Development of the Interagency Process / Testament before the House Armed Services Committee by Secretary of Defense Robert M. Gates. – Washington, D.C., April 15, 2008.
132. Gates, R. Defense Spending // Speech by Secretary of Defense Robert M. Gates. – Eisenhower Library, Abilene, KS, May 8, 2010. URL: <https://archive.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1467>
133. Hagel, C. Statement on Strategic Choices and Management Review / As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. – Pentagon Press Briefing Room, July 31, 2013.
134. Horner, C. interview // PBS Frontline: The Gulf War, 1996 URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/gulf/oral/commanders.html>
135. Jones, J. The Global Posture Review of United States Military Forces Stationed Overseas // Prepared Statement of Gen. James L. Jones, Jr., USMC, Commander, United States European Command and Supreme Allied Commander, Europe, Hearing, Committee on Armed Services, United States Senate, September 23, 2004.
136. Judson, J. Interview: Army secretary talks vision for modern war fighter / J. Judson // Defense News. – 2018. – January 23. URL:

- <https://www.defensenews.com/interviews/2018/01/23/interview-mark-esper-us-army-secretary/>
137. Kendall, F. Version 4.0: The unfinished business of DoD acquisition, sustainment / F. Kendall // Defense News. – 2018. – June 25. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2018/06/25/version-40-the-unfinished-business-of-dod-acquisition-sustainment/>
 138. McRaven, W. Posture Statement on FY2013 Budget Authorization for U.S. Central Command and U.S. Special Operations Command / Admiral William H. McRaven, USN, Commander, United States Special Operations Command, Senate Armed Services Committee, March 6, 2012.
 139. Milley, M. Chief of Staff of the Army: Changing Nature of War Won't Change Our Purpose / M. Milley // Association of the U.S. Army. – 2016. – October 1. URL: <https://www.ausa.org/articles/changing-nature-war-wont-change-our-purpose/>
 140. Odierno, R. The U.S. Army in a Time of Transition: Building a Flexible Force / R. Odierno // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91, No. 3. – P. 7-11.
 141. Owens, W. Jointness is his job / W. Owens // Government Executive. – April 1995. – P.61.
 142. Owens, W. The Emerging U.S. System of Systems / W. Owens // Strategic Forum. – 1996. – No. 63. – P. 1-4. URL: www.ndu.edu/inss/Struforum/SF_63/forum63.html
 143. Perry, W. Speech by Secretary of Defense William Perry // C-SPAN. – 1996. – July 12 // C-SPAN. URL: <http://www.c-span.org/video/?73560-1/senator-nunn-full-honors-ceremony>
 144. Powell, C. U.S. Forces: Challenges Ahead / C. Powell // Foreign Affairs. – 1992. – Vol. 71, Issue 5. – P. 32-45.
 145. Rumsfeld, D. Transforming the Military // Foreign Affairs. – 2002. – Vol. 81, No.3. – P. 20-32.
 146. Selva, P. Trends in military technology and the future force // Speech by Vice-Chairman of the Joint Chiefs of Staff Paul Selva. – Washington, DC: Brookings Institute, January 21, 2016.

147. Shinseki, E. Address to the Eisenhower Luncheon // 45th Annual Meeting of the Association of the United States Army, October 12, 1999.
148. Sullivan, G. Force XXI / G. Sullivan // The Collected Works of the Thirty-Second Chief of Staff of the United States Army: June 1991 – June 1995. Washington, DC: CMH, 2004. – 484 p.
149. Weinberger, C. The Uses of Military Power // Remarks prepared for delivery by the Honorable Caspar W. Weinberger, Secretary of Defense, to the National Press Club. – Washington, D.C., November 28, 1984.

Материалы личного происхождения

150. Bush, G.W. Decision Points / G.W. Bush. – New York: Crown Publishers, 2010. – 497 p.
151. Gates, R. A Passion for Leadership: Lessons on Change and Reform from Fifty Years of Public Service / R. Gates. – NY: Knopf Borzoi Books, 2016. – 239 p.
152. Gates, R. Duty: Memoirs of a Secretary at War / R. Gates. – NY: Knopf Borzoi Book, 2014. – 618 p.
153. Graham, B. By His Own Rules: The Ambitions, Successes, and Ultimate Failures of Donald Rumsfeld / B. Graham. – NY: PublicAffairs, 2009. – 832 p.
154. McChrystal, S. My Share of the Task: A Memoir / S. McChrystal. – NY: Portfolio; Penguin, 2014. – 456 p.
155. Panetta, L. Worthy Fights: A Memoir of Leadership in War and Peace / L. Panetta. – NY: Penguin Press, 2014. – 512 p.
156. Rumsfeld, D. Known and Unknown: A Memoir / D. Rumsfeld. – NY: Sentinel, 2011. – 832 p.
157. Rumsfeld, D. Rumsfeld's Rules: Leadership Lessons in Business, Politics, War, and Life / D. Rumsfeld. – NY: Broadside Books, 2013. – 352 p.

Справочные и статистические материалы

158. Хендрикс Ш., Хаттон Л. Гендер и военная реформа: Справочное пособие «Гендер и РСБ», Часть 3. – Женева: ДКВС, БДИПЧ ОБСЕ, МУНИУЖ ООН, 2008. – 25 с.
159. Challenges of Urban Cities in 2035 – NATO Needs to Act Today to Prepare the Alliance for the Future. URL: www.act.nato.int/challenges-of-urban-cities-in-2035-nato-needs-to-act-today-to-prepare-the-alliance-for-the-future/
160. The World's Cities in 2016 // Data Booklet (ST/ESA/SER.A/392). – NY: Department of Economic and Social Affairs, United Nations, 2016. URL: www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/urbanization/the_worlds_cities_in_2016_data_booklet.pdf
161. Union of Concerned Scientists Satellite Database. URL: <http://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.Vx61JGThAy4>
162. World Urbanization Prospects, The 2014 Revision, Highlights (ST/ESA/SER.A/352). – New York: UN Department of Economic and Social Affairs, 2014. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/publications/files/wup2014-highlights.pdf>
163. Patten, E. Women in the U.S. Military: Growing Share, Distinctive Profile / E. Patten // Pew Research Social and Demographic Trends. – 2011. – December 22. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2011/12/22/women-in-the-u-s-military-growing-share-distinctive-profile/>

Аналитические доклады Конгресса и НПО, материалы конференций

164. 2015 Index of U.S. Military Strength: Assessing America's Ability to Provide for the Common Defense / Ed. By D. Wood. – Washington, DC: The Heritage Foundation, 2015. URL: <http://index.heritage.org/military/2015/chapter/us-power/us-army/>

165. 2018 Index of U.S. Military Strength, Davis Institute for National Security and Foreign Policy. – Washington, DC: The Heritage Foundation, 2017. URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2017-10/2018_IndexOfUSMilitaryStrength-2.pdf
166. Future of War: Proceedings of the Second Annual Conference on the Future Warfare / Washington, DC: New America Foundation ; University of Arizona. – 2016. – March 10. URL: <http://futureofwar.newamerica.org/>
167. The Army's Future Combat Systems Program and Alternatives. – Washington, DC: Congressional Budget Office, 2006. – 112 p.
168. Transitioning Defense Organizational Initiatives: An Assessment of Key 2001-2008 Defense Reforms. – Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2008. – 84 p.
169. Burrelli, D. Women in Combat: Issues for Congress / D. Burrelli // Congressional Research Service Report R42075. – Washington, DC, 2013. – 14 p. URL: http://www.ncdsv.org/images/CongResearchService_WomenInCombatIssuesForCongress_5-9-2013.pdf
170. Cavallaro, G. The Way Forward: Bringing Change to the World's Most Powerful Land Force / G. Cavallaro // Army Green Book 2017-2018. – Association of the U.S. Army, 2017. URL: <https://www.ausa.org/articles/bringing-change-most-powerful-land-force>
171. Cerniello, C. Clinton Issues New Guidelines on U.S. Nuclear Weapons Doctrine / C. Cerniello // Arms Control Today. – November/December 1997. URL: http://www.armscontrol.org/act/1997_11-12/pdd
172. Dale, C. National Security Strategy: Legislative Mandates, Execution to Date, and Considerations for Congress / C. Dale // Congressional Research Service Report for Congress RL34505. – Washington, DC, 2008. – 30 p.
173. Dale, C. Organizing the U.S. Government for National Security: Overview of the Interagency Reform Debates / C. Dale, N. Serafino, P. Towell // Congressional Research Service Report for Congress RL34455. – Washington, DC, 2008. – 19 p.

174. Feickert, A. The Unified Command Plan and Combatant Commands: Background and Issues for Congress / A. Feickert // Congressional Research Service Report for Congress R42077. – Washington, DC, 2013. – 72 p.
175. Goure, D. Near-Term U.S. Army Modernization: Buying What is Available and Buying Time / D. Goure. – Arlington, VA: Lexington Institute, 2017. URL: <http://www.lexingtoninstitute.org/wp-content/uploads/2017/01/Army-Modernization.pdf>
176. Hicks, K. Invigorating Defense Governance: A Beyond Goldwater-Nichols Phase 4 Report / K. Hicks. – Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2008. – 88 p.
177. Kokulis, J. Preserving the military health care benefit: Needed steps for reform / J. Kokulis. – Washington, DC: American Enterprise Institute, 2013. – 21 p. URL: <https://www.aei.org/research-products/working-paper/preserving-the-military-health-care-benefit-needed-steps-for-reform/>
178. Leonard, R. The Arsenal Ship: Acquisition Process Experience / R. Leonard, J. Drezner, G. Somner. – Santa Monica, CA: RAND, 1999. – P. 97-105.
179. Troy, G. A Bill Clinton balance sheet: Peace, prosperity, pluralism, and progress / G. Troy. – Washington, DC: The Brookings Institution, 2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/2015/12/03/a-bill-clinton-balance-sheet-peace-prosperity-pluralism-and-progress>.
180. Spencer, J. What an Army megacities Unit Would Look Like / J. Spencer. – West Point, NY: Modern War Institute, U.S. Military Academy, 2017. URL: <https://mwi.usma.edu/army-megacities-unit-look-like/>

Диссертации

181. Подвиг П.Л. Противоракетная оборона как фактор стратегических взаимоотношений СССР/России и США в 1945-2003 гг.: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 - Политические науки (Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития) / Павел Леонардович Подвиг. – М., 2004. – 227 с.

Электронные ресурсы

182. Air Force Times. URL: <http://www.airforcetimes.com>
183. Army Times. URL: <http://www.armytimes.com>
184. BreakingDefense.com. URL: <http://www.breakingdefense.com>
185. C4ISRnet.com URL: <http://www.c4isrnet.com>
186. Defense Industry Daily. URL: <https://www.defenseindustrydaily.com>
187. Defense News. URL: <http://www.defensenews.com>
188. DefenseOne.com. URL: <http://www.defenseone.com>
189. Fednews.org. URL: <https://www.fednews.org>
190. Inside Defense URL: <https://www.insidedefense.com>
191. Military.com URL: <http://www.military.com>
192. Navy Times. URL: <http://www.navytimes.com>

*Публикации в периодических изданиях и электронных СМИ,
сообщения информационных агентств*

193. 'Don't Ask Don't Tell' ends in quiet, personal ways // The Washington Post. – 2011. – September 20.
194. Army preps for massive, Great Power land war // Scout Warrior. – 2016. – March 16. URL: <https://www.wearethemighty.com/articles/army-preps-for-massive-great-power-land-war>
195. Department of the Army announces upcoming deployment of the 1st Security Force Assistance Brigade // U.S. Army Public Affairs. – 2018. – January 11. URL: https://www.army.mil/article/198507/departments_of_the_army_announces_upcoming_deployment_of_the_1st_security_force_assistance_brigade
196. DoD to Set Up Joint Intelligence Operations Centers Worldwide // American Forces Press Service. – 2006. – April 12.
197. Inside the FBI's secret relationship with the military's special operations // The Washington Post. – 2014. – April 10.

198. Message to the Department of Defense from Secretary of Defense James Mattis, Release No: NR-020-17 // Department of Defense. - 2017. - January 20. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Releases/News-Release-View/Article/1055906/message-to-the-department-of-defense-from-secretary-of-defense-james-mattis/>
199. Military Pension Reform 2.0 // Wall Street Journal. – 2014. – March 23.
200. New Defense Health Agency Exceeds Goals, Officials Say // American Forces Press Service. – 2014. – February 28. URL: <https://archive.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=121750>
201. The Future of AirSea Battle // USNI News. – 2013. – October 30. URL: <https://news.usni.org/2013/10/30/future-air-sea-battle>
202. Women deserve a fighting chance // The Washington Post. – 2014. – April 4.
203. Barno, D. Six Ways to Fix the Army's Culture / D. Barno, N. Bensahel // War on the Rocks. – 2016. – September 6. URL: <https://warontherocks.com/2016/09/six-ways-to-fix-the-armys-culture/>
204. Bruner, B. Aerospace Combat Command instead of Space Corps? / B. Bruner // Breaking Defense. – 2017. – August 10. URL: <https://breakingdefense.com/2017/08/aerospace-combat-command-instead-of-space-force/>
205. Clark, C. Hyten Outlines STRATCOM Overhaul; Nukes Sooner For F-35? / C. Clark // Breaking Defense. – 2017. – July 26. URL: <https://breakingdefense.com/2017/07/hyten-outlines-stratcom-overhaul-nukes-sooner-for-f-35/>
206. Crane, C. The Future Soldier: Alone in a Crowd / C. Crane // War on the Rocks. – 2017. – January 19. URL: <https://warontherocks.com/2017/01/the-future-soldier-alone-in-a-crowd/>
207. Dearen, W. B. US Army Needs More Troops to Confront Global Threats / W. Dearen, B. Slattery // The Daily Signal. – 2017. – May 11. URL: <http://dailysignal.com/2017/05/11/us-army-needs-troops-confront-global-threats/>

208. Dozier, K. Agency Transformed, NSA Chief Rogers Set for Departure / K. Dozier, L. Maxey // The Cipher Brief Analysis. – 2018. – January 5. URL: <https://www.thecipherbrief.com/article/international/agency-transformed-nsa-chief-rogers-set-spring-departure>
209. Freedberg, Jr. S. 2018 Forecast: Can The Army Reinvent Itself? / S. Freedberg, Jr. // Breaking Defense. – 2018. – January 3. URL: <https://breakingdefense.com/2018/01/2017-forecast-can-the-army-reinvent-itself/>
210. Hunter, A. Modernization: Army Leadership Must Seize Initiative / A. Hunter, R. McCormick // Breaking Defense. – 2016. – August 2. URL: <https://breakingdefense.com/2016/08/modernization-army-leadership-must-seize-initiative/>
211. Johnson, D. An Army Trying to Shake Itself from Intellectual Slumber, Part I: Learning from the 1970s / D. Johnson // War on the Rocks. – 2018. – February 2. URL: <https://warontherocks.com/2018/02/army-trying-shake-intellectual-slumber-part-learning-1970s/>
212. Johnson, D. An Army Trying to Shake Itself from Intellectual Slumber, Part II: From 9/11 to Great Power Competition / D. Johnson // War on the Rocks. – 2018. – February 6. URL: <https://warontherocks.com/2018/02/army-trying-shake-intellectual-slumber-part-ii-great-power-competition/>
213. Judson, J. Army Chief Taking Hard Look At Building Advise-And-Assist Brigades / J. Judson // Defense News. – 2016. – January 21. URL: <https://www.defensenews.com/land/2016/01/21/army-chief-taking-hard-look-at-building-advise-and-assist-brigades/>
214. Judson, J. Army Futures Command might be in a city / J. Judson // Defense News. – 2018. – February 8. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/02/08/army-futures-command-might-be-in-a-city/>
215. Judson, J. Army Launches Rapid Capabilities Office / J. Judson // Defense News. – 2016. – August 31. URL: <https://www.defensenews.com/land/2016/08/31/army-launches-rapid-capabilities-office/>

216. Judson, J. Army's modernization command taking shape under freshly picked leaders / J. Judson // Defense News. – 2017. – November 6. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/11/06/armys-modernization-command-taking-shape-under-freshly-picked-leaders/>
217. Judson, J. Fundamental changes afoot at major commands as US Army sets up modernization outfit / J. Judson // Defense News. – 2017. – November 8. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/11/08/fundamental-changes-afoot-at-major-commands-as-army-sets-up-new-modernization-outfit/>
218. Judson, J. Milley: Additional Troops Would Join Undermanned Tactical Units / J. Judson // Defense News. – 2017. – January 12. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/01/12/milley-additional-troops-would-join-undermanned-tactical-units/>
219. Judson, J. New Army secretary committed to designing fresh future readiness blueprint / J. Judson // Defense News. – 2018. – January 5. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/01/05/new-army-secretary-committed-to-designing-fresh-future-readiness-blueprint/>
220. Judson, J. The Army is creating a modernization command to keep projects on track / J. Judson // Defense News. – 2017. – October 9. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ausa/2017/10/09/the-army-is-creating-a-new-modernization-command-to-keep-projects-on-track/>
221. Judson, J. The new way to fight: US Army unveils Field Manual 3-0 / J. Judson, T. South // Defense News. – 2017. – October 10. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ausa/2017/10/10/the-new-way-to-fight-army-unveils-field-manual-3-0/>
222. Keller, J. The 1st SFAB's Afghan Deployment Is A Moment Of Truth For The Global War On Terror / J. Keller // Task&Purpose. – 2018. – January 22. URL: <https://taskandpurpose.com/sfab-train-advise-assist-afghanistan/>
223. Kheel, R. Why the military's Space Corps isn't dead yet / R. Kheel // The Hill. – 2017. – November 19. URL: <http://thehill.com/policy/defense/360958-why-the-militarys-space-corps-isnt-dead-yet>

224. Londoño, E. Pentagon removes ban on women in combat / E. Londoño // The Washington Post. – 2013. – January 23.
225. Maze, R. Radical Change Is Coming: Gen. Mark A. Milley Not Talking About Just Tinkering Around the Edges / R. Maze // ARMY Magazine. – 2017. – Vol. 67, No. 1. URL: <https://www.ansa.org/articles/radical-change-coming-gen-mark-milley>
226. McCoy, K. The world the combatant command was designed for is gone / K. McCoy // War on the Rocks. – 2016. – October 7. URL: <https://warontherocks.com/2016/10/the-world-the-combatant-command-was-designed-for-is-gone/>
227. McNamara, A. Trump's Transgender Military Ban Takes Effect Today / A. McNamara // The Daily Beast. – 2019. – April 12. URL: <https://www.thedailybeast.com/trumps-transgender-military-ban-takes-effect-today>
228. Mehta, A. Bob Work: Army Challenges Reminiscent of 1970s / A. Mehta // Defense News. – 2016. – October 4. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ansa/2016/10/04/bob-work-army-challenges-reminiscent-of-1970s/>
229. Mehta, A. The Pentagon's acquisition office is gone. Here's what the next 120 days bring / A. Mehta // Defense News. – 2018. – February 1. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2018/02/01/the-pentagons-acquisition-office-is-gone-heres-what-the-next-120-days-bring/>
230. Miller, G. Pentagon establishes Defense Clandestine Service, new espionage unit / G. Miller // The Washington Post. – 2012. – April 23.
231. Miller, G. Senate moves to block Pentagon plans to increase number of spies overseas / G. Miller // The Washington Post. – 2012. – December 10.
232. Myers, M. Acting SECARMY: The Army's new modernization command can learn from rapid special ops acquisitions / M. Myers // Army Times. – 2017. – October 12. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/10/12/acting-secarmy-the-armys-new-modernization-command-can-learn-from-rapid-special-ops-acquisitions/>
233. Myers, M. Army chief: SFABs will do a completely different job than Special Forces / M. Myers // Army Times. – 2017. – October 31. URL:

- <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/10/31/army-chief-sfabs-will-do-a-completely-different-job-than-special-forces/>
234. Myers, M. Army moves to beef up armored force / M. Myers // Army Times. – 2016. – December 8. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2016/12/08/army-moves-to-beef-up-armored-force/>
 235. Myers, M. Milley: A bigger Army will mean more soldiers to support training missions around the world / M. Myers // Defense News. – 2017. – October 9. URL: <https://www.defensenews.com/news/your-army/2017/10/09/milley-a-bigger-army-will-mean-more-soldiers-to-support-training-missions-around-the-world/>
 236. Myers, M. Milley: Future conflicts will require smaller Army units, more mature soldiers / M. Myers // Army Times. – 2017. – March 21. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/03/21/milley-future-conflicts-will-require-smaller-army-units-more-mature-soldiers/>
 237. Myers, M. Milley: Future wars will be long, they'll be fought on the ground, and spec ops won't save us / M. Myers // Army Times. – 2017. – July 27. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/07/27/milley-future-wars-will-be-long-theyll-be-fought-on-the-ground-and-spec-ops-wont-save-us/>
 238. Myers, M. Milley: In future wars, creature comforts are out and disobeying orders is in / M. Myers // Army Times. – 2017. – May 4. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/05/04/milley-in-future-wars-creature-comforts-are-out-and-disobeying-orders-is-in/>
 239. Myers, M. These new Guard and Reserve units will deploy with active Army divisions and corps / M. Myers // Army Times. – 2017. – January 29. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/01/29/these-new-guard-and-reserve-units-will-deploy-with-active-army-divisions-and-corps/>
 240. Pomerleau, M. A special Afghan unit could be the Army's test case for its future network / M. Pomerleau // C4ISRnet. – 2018. – February 2. URL: <https://www.c4isrnet.com/special-reports/special-reports/network-proficiency/2018/02/02/a-special-afghan-unit-could-be-the-armys-test-case-for-its-future-network/>

241. Pomerleau, M. The operating environment of the future / M. Pomerleau // C4ISRnet. – 2017. – March 15. URL: <https://www.c4isrnet.com/show-reporter/global-force-symposium/2017/03/15/the-operating-environment-of-the-future/>
242. Sanger, D. Trump National Security Strategy Sees U.S. Confronting China and Russia / D. Sanger, M. Lander // The New York Times. – 2017. – December 18.
243. Schadlow, N. For the U.S. Army, It's Not About the Story / N. Schadlow // War on the Rocks. – 2016. – July 12. URL: <https://warontherocks.com/2016/07/for-the-u-s-army-its-not-about-the-story/>
244. South, T. 2-star: Modernization starts with how the Army trains its leaders for war / T. South // Defense News. – 2017. – October 8. URL: <https://www.defensenews.comnews/your-army/2017/10/08/2-star-modernization-starts-with-how-the-army-trains-its-leaders-for-war/>
245. Tan, M. Army Leaders: Service Must Look to the Future While Training for Today / M. Tan // Defense News. – 2016. – October 3. URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/ausa/2016/10/03/army-leaders-service-must-look-to-the-future-while-training-for-today/>
246. Tucker, P. 'Underground' May Be the U.S. Military Next Warfighting Domain / P. Tucker // DefenseOne. – 2018. – June 26. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2018/06/underground-may-be-us-military-next-warfighting-domain/149296>
247. Vergun, D. Milley dispels 4 seductive myths of warfare / D. Vergun // U.S. Department of Army Public Affairs. – 2015. – October 13. URL: https://www.army.mil/article/157020/milley_dispels_4_seductive_myths_of_warfare
248. Whitlock, C. Pentagon to ease restrictions on women in some combat positions / C. Whitlock // The Washington Post. – 2012. – February 9.

Литература

Научная литература на русском языке

249. XXI век: информационно-технологические и космические факторы международной безопасности. Научный доклад. – М.: ИСКРАН, 2012. – 299 с.
250. Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. акад. РАН А.А. Кокошина. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 480 с.
251. Аничкина, Т.Б. АФРИКОМ – новое региональное командование / Т.Б. Аничкина // Россия и Америка в XXI веке: электронный журнал. – 2008. – №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=85>
252. Аничкина, Т.Б. Реконфигурация группировок вооруженных сил США: достаточно ли сил для глобального охвата? / Т.Б. Аничкина // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2009. – №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=146>
253. Аничкина, Т.Б. Роль и место региональных командований США в стратегии глобального доминирования / Т.Б. Аничкина // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2009. – №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=166>
254. Аничкина, Т.Б. Участие США в вооруженных конфликтах в Ираке и Афганистане в 2008 г. / Т.Б. Аничкина // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2009. – №1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=130>
255. Баталов, Э.Я. Человек, мир, политика / Э.Я. Баталов. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. – 330 с.
256. Батюк, В.И. Американская военная политика к XXI веку: региональные аспекты. Научный доклад / В.И. Батюк, Д.А. Володин, Н.А. Дьякова. – М.: ИСКРАН, 2012. – 148 с.

257. Батюк, В.И. Американская военная стратегия на Большом Ближнем Востоке / В.И. Батюк // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2011. №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=260>
258. Батюк, В.И. Американские силы спецназначения / В.И. Батюк // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2015. – №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=440>
259. Батюк, В.И. Африка в американской стратегии локальной войны / В.И. Батюк // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №12. – С. 71-80.
260. Батюк, В.И. Военная политика США в Евразии: российский ответ. Научный доклад / В.И. Батюк, Н.А. Дьякова. – М.: ИСКРАН, 2010. – 162 с.
261. Батюк, В.И. Военная политика США: региональные аспекты / В.И. Батюк // Россия и Америка в XXI веке: электронный журнал. – 2007. – №3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=56>
262. Батюк, В.И. Война с негосударственными противниками в американской военной стратегии / В.И. Батюк // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2014. – №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=407>
263. Батюк, В.И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции / В.И. Батюк // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – №7. – С. 21-38.
264. Батюк, В.И. Региональные военные командования США: научный доклад. / В.И. Батюк. – М.: ИСКРАН, 2010. – 79 с.
265. Батюк, В.И. Сухопутные войска США сегодня и завтра / В.И. Батюк // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №5. – С. 105-117.
266. Батюк, В.И. Трансформация вооруженных сил НАТО и Россия: вызовы и перспективы / В.И. Батюк // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – №5. – С. 51-68.
267. Бочаров, И.Ф. Возрастание ведущей стратегической роли американских ВМС / И.Ф. Бочаров // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №9. – С. 37-50.

268. Бочаров, И.Ф. Роль морских сил в осуществлении геополитики США / И.Ф. Бочаров // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №5. – С. 31-47.
269. Васильев, В.С. Военный фактор в борьбе с экономическими кризисами / В.С. Васильев // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №3. – С. 3-20.
270. Володин, Д.А. Перестройка американского военного присутствия за рубежом / Д.А. Володин // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – №10. – С. 55-72.
271. Жинкина, И.Ю. Понятие «война» в американской стратегии национальной безопасности: научный доклад / И.Ю. Жинкина. – М.: ИСКРАН, 2001. – 75 с.
272. Зименков, Р.И. Проблемы и перспективы США в мировой торговле оружием / Р.И. Зименков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №6. – С. 37-56.
273. Зименков, Р.И. США на мировом рынке вооружений / Р.И. Зименков, Е.А. Соколова // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – №6. – С. 37-52.
274. Зименков, Р.И. США на мировом рынке вооружений в начале XXI века / Р.И. Зименков, Е.Н. Соколова. – М.: Научная книга, 2011. – 240 с.
275. Конышев, В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны / В.Н. Конышев. – СПб.: Наука, 2009. – 178 с.
276. Конышев, В.Н. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? / В.Н. Конышев, А.А. Сергунин // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №1. – С. 23-36.
277. Корсаков, Г.Б. Направления модернизации вооруженных сил США / Г.Б. Корсаков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2008. – №1. – С. 34-52.
278. Корсаков, Г.Б. Новая революция в военном деле и реформирование вооруженных сил США / Г.Б. Корсаков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – №10. – С. 16-38.

279. Корсаков, Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях США / Г.Б. Корсаков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №1. – С. 71-88.
280. Корсаков, Г.Б. Первостепенная проблема международной безопасности / Г.Б. Корсаков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – №2. – С. 63-79.
281. Корсаков, Г.Б. Политика США в области неядерных высокотехнологичных вооружений / Г.Б. Корсаков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – №5. – С. 25-47.
282. Корсаков, Г.Б. Реформирование вооруженных сил США / Г.Б. Корсаков. – М.: ИМЭМО, 2006. – 139 с.
283. Корсаков, Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона / Г.Б. Корсаков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №2. – С. 22-40.
284. Корсаков, Г.Б. Эволюция ядерной политики США (2001-2006 гг.) / Г.Б. Корсаков // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – №6. – С. 13-36.
285. Кременюк, В.А. Уроки холодной войны / В.А. Кременюк. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 319 с.
286. Морозов, Ю.В. Американская стратегия в Афганистане после 2014 г.: стабильность или новый виток напряженности в регионе? / Ю.В. Морозов // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №7. – С. 33-53.
287. Паршин, С.А. Современные тенденции в теории и практике совершенствования оперативного управления вооруженными силами США / С.А. Паршин. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 80 с.
288. Паршин, С.А. Современные тенденции развития теории и практики управления в вооруженных силах США / С.А. Паршин, Ю.Е. Горбачев, Ю.А. Кожанов. – М.: УРСС, 2009. – 272 с.

289. Печуров, С.Л. Военные профессионалы в англо-саксонской модели управления вооруженными силами: История и современность / С.Л. Печуров. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 176 с.
290. Печуров, С.Л. Реформирование вооруженных сил США после «холодной войны» / С.Л. Печуров // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №6. – С. 19-30.
291. Рогов, С.М. Пределы американского глобального регулирования / Новый этап развития международных отношений, Часть I: коллективная монография / С.М. Рогов, В.А. Кременюк, В.Б. Супян, В.Н. Гарубузов. – М.: ИСКРАН, 2008. – С. 5-30.
292. Рогов, С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. – М.: Международные отношения, 1989. – 343 с.
293. Роговский, Е.А. «Государево око»: аудит Пентагона / Е.А. Роговский, В.А. Федорович // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №12. – С. 53-70.
294. Роговский, Е.А. Министерство обороны США и международная стандартизация / Е.А. Роговский // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – №3. С. 55-64.
295. Самуйлов, С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование. – М.: ИСКРАН, 2013. – 315 с.
296. Семейко, Л.С. Трансформация военно-политического курса США (новые глобальные аспекты). – М.: ИСКРАН, 2005. – 118 с.
297. Сидорин, А.Н. Вооруженные силы США в XXI веке: Военно-теоретический труд / А.Н. Сидорин, В.М. Прищепов, В.П. Акуленко. – М.: Кучково поле; Военная книга, 2013. – 800 с.
298. Суркова, И.Ю. Стратегия интеграции женщин в вооруженные силы: гендерное табу против военной тактики / И.Ю. Суркова // Женщина в российском обществе. – 2012. – №4. – С.3-14.

299. Суховой, Д.А. Концепция использования военной силы в американских политических исследованиях / Д.А. Суховой // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 107-116.
300. Сушенцов, А.А. Малые войны США. Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000-2010-х годах / А.А. Сушенцов. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 272 с.
301. Терехов, В.Ф. Реструктуризация военно-промышленных комплексов США и Западной Европы / В.Ф. Терехов // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – №6. С. 32-44.
302. Тищенко, Г.Г. Новые подходы США к повышению экономической эффективности военного строительства / Г.Г. Тищенко // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – №2 (7). С.87-102.
303. Тищенко, Г.Г. Повышение экономической эффективности военного строительства в США / Г.Г. Тищенко. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2004. – 397 с.
304. Толкачев, С.А. Реструктуризация и консолидация оборонной промышленности США / С.А. Толкачев // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – №1. – С. 89-105.
305. Уткин, А.И. Американская стратегия для XXI века / А.И. Уткин // США-Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – №7. – С. 17-28.
306. Уткин, А.И. США в мире после сентября 2001 года / А.И. Уткин. – М.: ИСКРАН, 2002. – 67 с.
307. Федорович, В.А. США: военная экономика (организация и управление) / В.А. Федорович, В.Б. Муравник, О.И. Бочкарев. – М.: Международные отношения, 2013. – 616 с.
308. Филимонов, О.В. Управление социальной сферой в вооруженных силах: опыт США / О.В. Филимонов // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №6. – С. 35-47.

309. Хоменко, Н.А. Военно-техническое сотрудничество России с зарубежными странами и политика США в области поставок вооружений: сравнительный анализ. Научный доклад / Н.А. Хоменко. – М.: ИСКРАН, 2003. – 29 с.
310. Шаклеина, Т.А. Современные американские концепции мирового лидерства / Т.А. Шаклеина. – М.: ИСКРАН, 1999. – 54 с.
311. Ярынич, В.Е. Бюджет Пентагона и «миссия» Америки / В.Е. Ярынич // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2010. – №1. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=190>
312. Ярынич, В.Е. Бюджет Пентагона: вчера, сегодня, завтра / В.Е. Ярынич // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2009. – №2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=141>

Научная литература на иностранных языках

313. America's Defense Meltdown: Pentagon Reform for President Obama and the New Congress / Ed. by Winslow T. Wheeler. - Stanford, California: Stanford Security Studies, 2009. – 244 p.
314. Defense Acquisitions and Efforts at Reform / Ed. by Donald G. Humphrey. - Nova Science Publishers, Inc., 2011. – 251 p.
315. History of the «National Security Strategy of the United States» // The National Strategy Forum Review. - 2009. - Vol. 19, Issue 1. URL: <http://nationalstrategy.com/NSFReview/Winter2009Vol19No1USNSS2010.aspx>
316. Military Reform: A Reference Handbook / Ed. by Winslow T. Wheeler and Lawrence J. Korb. - Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2007. – 240 p.
317. Post-Cold War Defense Reform: Lessons Learned in Europe and the United States / Ed. by István Gyarmati and Theodor Winkler. - Washington, DC: Brassey's, Inc., 2002. – 434 p.
318. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance / Ullman H., Wade, J., Edney, L.A. and others. - Washinton, DC: The National Defense University, 1996. – 199 p.

319. Transforming Defense / C. Lamb and others. - Washington, DC: National Defense University, 2005. – P. 13.
320. US Defense Politics: the Origins of Security Policy (Second Edition) / Ed. by H. Sapolsky, E. Gholz and C. Talmadge. - Agawam, Massachusetts: Routledge, 2014. - 256 p.
321. US Military Innovation since the Cold War: Creation Without Destruction / Ed. by H. Sapolsky, B. Friedman and B. Rittenhouse Green. - London; New York: Routledge, 2012. – 202 p.
322. Arquilla, J. Worst Enemy: The Reluctant Transformation of the American Military / J. Arquilla. - Chicago, Illinois: Ivan R. Dee, 2008. – 265 p.
323. Barnett, R. Asymmetrical Warfare: Today's Challenge to U.S. Military Power / R. Barnett. - Washington, DC: Potomac Books, Inc., 2008. - 182 p.
324. Bearden, M. Afghanistan, Graveyard of Empires / M. Bearden // Foreign Affairs. - 2001. - Vol. 80, No. 6. - P. 17-30.
325. Boyd, J. Destruction and Creation / J. Boyd. - US Army Command and General Staff College, 1976. - P. 1-8.
326. Burk, J. The Institutional Presidency: Organizing and Managing the White House from FDR to Clinton / J. Burk. - Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2000. - 296 p.
327. Cebrowski, A. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future / A. Cebrowski, J. Garstka // US Naval Institute Proceedings. - 1998. - Vol. 124, No. 1. – P. 28-35.
328. Collins, J. Military Strategy: Principles, Practices, and Historical Perspectives / J. Collins. - Dulles, VA: Potomac Books, Inc, 2001. – 350 p.
329. Fountain, A. Transforming Defense Basic Research Strategy / A. Fountain // Parameters, U.S. Army War College. - Winter 2004-2005. - P. 40-41.
330. Fox, J.R. Defense Acquisition Reform, 1960 to 2009: An Elusive Goal / J.R. Fox. - Center of Military History, United States Army, 2011. – 268 p.
331. Freedman, L. The Evolution of Nuclear Strategy, Third Edition / L. Freedman. London: Palgrave Macmillan, 2003. – 588 p.

332. Freedman, L. *The Transformation of Strategic Affairs* / L. Freedman. – London: Routledge, 2006. – 104 p.
333. Galula, D. *Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice* / D. Galula. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2006. - 116 p.
334. Hallion, R. *Storm Over Iraq: Air Power and the Gulf War* / R. Hallion. Washington, DC: Smithsonian Institution, 1997. – 386 p.
335. Herspring, D. *Rumsfeld's Wars: The Arrogance of Power* / D. Herspring. - KS: University Press of Kansas, 2008. – 272 p.
336. Herspring, D. *The Pentagon and the Presidency: Civil-Military Relations from FDR to George W. Bush* / D. Herspring. - KS: University Press of Kansas, 2005. – 490 p.
337. House, J. *Combined Arms Warfare in the Twentieth Century* / J. House. - Lawrence, KS: University of Kansas Press, 2001. – 372 p.
338. Howard, M. *Military Science in an Age of Peace* / M. Howard // *Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies*. - 1974. - No. 119. - P. 3-9.
339. Jervis, R. *Mission Impossible: Creating a Grand Strategy* / R. Jervis // *The New American Interventionism* / Ed.by D.J. Caraley. - New York: Columbia Press, 1999. P. 205-218.
340. Jones, L. *Budgeting, Financial Management, and Acquisition Reform in the U.S. Department of Defense* / L. Jones, J. McCaffery. - Information Age Publishing, Inc., 2008. – 717 p.
341. Kagan, F. *Finding the Target: The Transformation of American Military Policy* / F. Kagan. - New York: Encounter Books, 2007. – 432 p.
342. Krulak, C. *Operational Maneuver from the Sea* / C. Krulak // *Joint Forces Quarterly*. - 1999. - Vol. 80, No. 6. - P. 78-86.
343. Kugler, R. *New Directions in U.S. National Security Strategy: Defense Plans, and Diplomacy* / R. Kugler. - Washington, DC: National Defense University Press, 2011. – 173 p.
344. Lambeth, B. *The Transformation of American Air Power* / B. Lambeth. - Ithaca: Cornell University Press, 2000. – 368 p.

345. Locher, J. Has It Worked? The Goldwater Nichols Reorganization Act / J. Locher // Naval War College Review. - 2001. - Vol. LIV, No. 4. - P. 95-115.
346. Locher, J. Victory on the Potomac: The Goldwater-Nichols Act Unifies the Pentagon. Revised edition / J. Locher. – TX: Texas A&M University Press, 2004. – 544 p.
347. Lundy, M. The Return of U.S. Army Field Manual 3-0 Operations / M. Lundy, R. Creed // Military Review. - November-December 2017. - P. 14-21.
348. Meernik, J. The Political Use of Military Force in US Foreign Policy / J. Meernik. - Ashgate Publishing Ltd., 2004. – 269 p.
349. O’Hanlon, M. Healing the Wounded Giant: Maintaining Military Preeminence While Cutting the Defense Budget / M. O’Hanlon. - Washington, DC: Brookings Institution Press, 2013. – 100 p.
350. O’Hanlon, M. Technological Change and the Future of Warfare/ M. O’Hanlon. - Washington, DC: Brookings Institution Press, 2000. – 224 p.
351. O’Hanlon, M. The Future of Land Warfare / M. O’Hanlon. - Washington, DC: Brookings Institution Press, 2015. – 220 p.
352. O’Hanlon, M. The Science of War: Defense Budgeting, Military Technology, Logistics, and Combat Outcomes. / M. O’Hanlon. - Princeton University Press, 2009. – 280 p.
353. Osinga, F. Science, Strategy and War: The Strategic Theory of John Boyd / F. Osinga. – Routledge, 2006. – 336 p.
354. Ricks, T. Fiasco: The American Military Adventure in Iraq / T. Ricks. - New York: Penguin, 2006. – 496 p.
355. Sapolsky, H. The Defense Monopoly / H. Sapolsky, E. Gholz // Regulation. - 1999. - Volume 22, No.3. - P. 39-43. URL: <http://object.cato.org/sites/cato.org/files/serials/files/regulation/1999/10/defensemonopoly.pdf>
356. Scales, R. Future Wars Anthology / R. Scales. - Carlisle, PA: US Army War College, 1999. – 306 p.

357. Shimko, K. The Iraq Wars and America's Military Revolution / K. Shimko. – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2010. – 249 p.
358. Sloan, E. Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook / E. Sloan. - Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2008. – 183 p.
359. Snider, D. National Security Strategy: Documenting Strategic Vision / D. Snider, J. Nagl // U.S. Army War College Guide to Strategy / Ed. by J. Cerami and J. Holcomb, Jr. - U.S. Army War College, 2001. URL: <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/army-usawc/strategy/index.htm>
360. Toffler, A. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century / A. Toffler, H. Toffler - New York: Little, Brown and Co., 1993. – 370 p.
361. Warden, J. The Air Campaign: Planning for Combat / J. Warden. - Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, Inc., 1989. – 160 p.
362. Warren, A. Prevention, Pre-emption and the Nuclear Option / A. Warren. – NY: Routledge, 2012. - 264 p.
363. Weigley, R. The American Way of War: A History of United States Military Strategy and Policy / R. Weigley. – Indiana University Press, 1977. - 584 pp.

Приложение

Русско-английский глоссарий по тематике военного реформирования в США

«адхократия», или действия по обстоятельствам	—	<i>adhocracy in action</i>
«будущие силы»	—	<i>future force</i>
«всеобщие силы»	—	<i>total force</i>
«демократический мир	—	<i>democratic peace</i>
«дуга нестабильности»	—	<i>arc of instability</i>
«комплексная» эпоха, предполагающая сочетание, или синтез возможностей человека, робототехники и искусственного интеллекта	—	<i>synthetic age</i>
«междоменная синергия», взаимодополняющие действия различных сил и средств в нескольких оперативных пространствах	—	<i>cross-domain synergy</i>
«минимальные силы», достаточные для решения необходимых/базовых задач	—	<i>base force</i>
«новые силы для нового столетия»	—	<i>Force XXI</i>
«новый мировой порядок»	—	<i>new world order</i>
«Опора 21» – инициатива «портфельного» управления оборонными проектами, направленная на повышение эффективности процесса планирования и принятия решений в научно-технической сфере	—	<i>Reliance 21</i>
«Опора» – интегрированная схема планирования, согласования и оценки усилий, проводимых разнообразными	—	<i>Reliance</i>

исследовательскими
подразделениями МО и ВС США

«плавающий арсенал»	—	<i>arsenal ship</i>
«равнодействующие силы»	—	<i>total force</i>
«разведка-наблюдение- рекогносцировка»	—	<i>intelligence, surveillance, reconnaissance – ISR</i>
«сохранить мир посредством силы», за счет демонстрации потенциала	—	<i>preserve peace through strength</i>
«стратегия уравнивания», или компенсации количественных преимуществ противника за счет качественного улучшения собственных возможностей	—	<i>offset strategy</i>
Управление здравоохранения МО США	—	<i>Defense Health Agency</i>
Агентство МО США по уменьшению угрозы	—	<i>Defense Threat Reduction Agency – DTRA</i>
Агентство по охране сотрудников Пентагона	—	<i>Pentagon Force Protection Agency</i>
Агентство противоракетной обороны МО США	—	<i>Missile Defense Agency – MDA</i>
активная эшелонированная оборона	—	<i>active layered defense</i>
архитектура командования, управления, связи, автоматизации, разведки, наблюдения и рекогносцировки	—	<i>Command, control, communications, computers, intelligence, surveillance, reconnaissance – C4ISR</i>
Африканское командование	—	<i>AFRICOM</i>
баланс сил	—	<i>balance of powers</i>
блокирование, или отказ в доступе	—	<i>access denial</i>
боевая группа надводных кораблей	—	<i>surface action group</i>
Боевое авиакосмическое командование	—	<i>Aerospace Combat Command</i>
боевой цикл от обнаружения целей до их уничтожения	—	<i>kill chain</i>

боевые действия в городских условиях	—	<i>urban warfare</i>
боевые операции	—	<i>combat operations</i>
боевое отделение советников	—	<i>Combat Advisory Team – CAT</i>
Большой Ближний Восток	—	<i>Broader/Greater Middle East</i>
бригада для ведения боев в городских условиях	—	<i>Urban Brigade Combat Team</i>
бригада содействия силам безопасности – БССБ	—	<i>Security Force Assistance Brigade – SFAB</i>
бригадная тактическая группа	—	<i>Brigade Combat Team – BCT</i>
быстрое маневрирование на поле боя/ТВД	—	<i>high battlefield/theater mobility</i>
быстрое развертывание крупных наземных контингентов с одного ТВД на другой	—	<i>rapid deployment</i>
Бюро развивающихся технологий	—	<i>Emerging Technologies Office</i>
ведение боевых действий с опорой на массовое применение отдельных средств, или платформ	—	<i>platform-centric warfare</i>
виртуальное моделирование оперативной обстановки	—	<i>Virtual Battlefield Modeling</i>
вмешательство/интервенция	—	<i>intervention</i>
военно-информационная революция	—	<i>military informational revolution</i>
военно-техническая революция	—	<i>military-technological revolution</i>
возвратный потенциал для быстрого восстановления боеспособности	—	<i>reconstitution/hedge</i>
восстановить равновесие	—	<i>rebalance</i>
выборочное решение боевых задач	—	<i>addressing selectively</i>
выполнение задач в различных оперативных средах	—	<i>multi-domain approach</i>
высокотехнологичный конфликт	—	<i>high-end conflict</i>
высокоточные ударные средства большой дальности	—	<i>long-range precision strike capabilities</i>

Высшая руководящая наблюдательная группа	–	<i>Senior Leader Review Group</i>
Высший исполнительный совет МО США	–	<i>Senior Executive Council</i>
гибкость	–	<i>flexibility/agility</i>
гибридные боевые действия	–	<i>hybrid warfare</i>
гибридный конфликт	–	<i>hybrid conflict</i>
главная оперативная база	–	<i>main operating base</i>
глобальная война с террором	–	<i>global war on terror – GWOT</i>
глобальное поле боя	–	<i>global battlespace</i>
глобальный молниеносный удар, молниеносный удар по целям во всем мире	–	<i>prompt global strike</i>
глубокий «оперативный маневр с моря» против ключевых объектов противника на суше	–	<i>Operational Maneuver from the Sea – OMFTS and Ship-to-Objective Maneuver – STOM</i>
головная закупочная программа	–	<i>major acquisition program</i>
государство-изгой	–	<i>rogue state</i>
группа военной подготовки	–	<i>Military Training Team – MTT</i>
группа по восстановлению провинций	–	<i>Provincial Reconstruction Team – PRT</i>
гуманитарное содействие	–	<i>humanitarian assistance</i>
дежурная группа десантно-высадочных средств	–	<i>amphibious ready group</i>
денежное поощрение военным в размере нескольких месячных окладов по достижении 12 лет на службе в качестве стимула продолжить службу в войсках	–	<i>continuation payment</i>
денежное поощрение военным в размере одного или нескольких годовых окладов по достижении 20 лет на службе в качестве стимула продолжить службу в войсках – т.н. переходная выплата	–	<i>transition payment</i>
десантно-вертолетный корабль-док	–	<i>amphibious transport dock</i>

десантный вертолетоносец	–	<i>amphibious assault ship</i>
десантный транспорт-док	–	<i>dock landing ship</i>
директор МО США по управлению	–	<i>Chief Management Officer, CMO</i>
длительная война	–	<i>long war</i>
доктрина «коллективного взаимодействия»	–	<i>collective engagement</i>
доминирование во всех оперативных пространствах	–	<i>full spectrum dominance</i>
дополнительная программная заявка	–	<i>Sponsor Program Proposal – SPP</i>
доступ и маневрирование объединенных сил в сферах всеобщего достояния	–	<i>Joint Concept for Access and Maneuver in the Global Commons – JAM-GC</i>
единое информационное пространство	–	<i>Joint Information Environment – JIE</i>
единство/объединенность	–	<i>jointness</i>
единый головной поставщик/группа поставщиков, или системный интегратор	–	<i>Lead Systems Integrator</i>
Единый интегрированный план применения ЯО	–	<i>Single Integrated Operational Plan – SIOP</i>
Единый список приоритетов	–	<i>Integrated Priority List – IPL</i>
Закон об эффективности и результатах деятельности правительства 1993 года	–	<i>Government Performance and Results Act 1993</i>
зам.зам.министра обороны	–	<i>Principal Deputy Under Secretary/Deputy Assistant Secretary of Defense</i>
заместитель министра обороны	–	<i>Assistant Secretary of Defense</i>
защита внутренней территории США, территориальная оборона	–	<i>homeland defense</i>
защита территории США от внешних угроз, предотвращение конфликтов и скрытных нападений и превосходство над любым противником	–	<i>protect, prevent and prevail</i>

защищать и расширять «демократический мир»	—	<i>defend and extend/expand peace</i>
зона дальнего огневого поражения	—	<i>deep fires area</i>
зона наступательного маневра	—	<i>deep maneuver area</i>
идея «регионального приспособления»	—	<i>regional alignment</i>
инструментарий сдерживания	—	<i>deterrence</i>
Исполнительный совет по военным НИОКР	—	<i>Science and Engineering Executive Committee</i>
Исполнительный совет по вопросам науки, технологий, инженерного дела и математики	—	<i>Science Technology Engineering Mathematics/STEM Executive Board</i>
кибербезопасность	—	<i>cybersecurity</i>
Киберкомандование	—	<i>CYBERCOM</i>
киберпространство	—	<i>cyberspace</i>
киберугрозы	—	<i>cyber-threats</i>
коллективные/многосторонние действия в мировых делах, мультилатерализм	—	<i>multilateralism</i>
Командование боевой подготовки и разработки доктрины	—	<i>Training and Doctrine Command</i>
Командование материально- технического обеспечения СВ США	—	<i>Army Materiel Command</i>
Командование объединенных сил	—	<i>JFCOM</i>
Командование по вопросам модернизации ВВТ	—	<i>Futures Command</i>
Командование сил континентальной части США	—	<i>Forces Command</i>
Командование специальных операций	—	<i>SOCOM</i>
комплексная мощь всего государства	—	<i>whole-of-nation approach</i>
комплексные операции в глобальном масштабе	—	<i>globally integrated operations</i>
Консультативная группа по	—	<i>Defense Basic Research Advisory</i>

вопросам фундаментальных исследований		<i>Group, DBRAG</i>
контрповстанческие боевые действия	—	<i>counter-insurgency warfare</i>
контрповстанческие операции	—	<i>counterinsurgency operations</i>
контрраспространение ОМУ	—	<i>WMD counterproliferation</i>
Конференция высшего оборонного руководства	—	<i>Defense Senior Leaders' Conference</i>
конфликт малой/низкой интенсивности	—	<i>low-intensity conflict</i>
концепции «быстрого ответа»	—	<i>rapid response</i>
концепция «быстрого достижения превосходства» более известная как «шок и трепет»	—	<i>rapid dominance / shock and awe</i>
концепция «всеобъемлющего участия»	—	<i>comprehensive engagement</i>
концепция «морская база», воплощенная в виде экспедиционных ударных сил, состоящих из одной ЭУГ, одной АУГ и кораблей десантно-высадочных сил передового развертывания	—	<i>Sea Base</i>
концепция «параллельных боевых действий»	—	<i>parallel warfare</i>
концепция «планирования и проведения операций с нацеливанием на конкретный результат», или концепция «операций на основе эффектов»	—	<i>effects-based operations</i>
Концепция «совместных наземно-воздушных операций»	—	<i>AirLand Battle</i>
концепция космического «разукрупнения», которая предполагает рассредоточение задач, функций и оборудования между множеством систем, находящихся на нескольких орбитах, аппаратах и даже в различных оперативных	—	<i>disaggregation</i>

пространствах

концепция обеспечения доступа
объединенных сил к местам
проведения операций — *Joint Operational Access Concept*

концепция обратимости ресурсов — *reversibility*

корабли десантно-высадочных
сил передового развертывания — *Marine Prepositioning Force*

Космические силы — *Space Force*

кризисное реагирование,
реагирование на угрозы на раннем
этапе их возникновения — *crisis response*

критерий доступности продукции,
повышение производительности с
помощью политики контроля
роста цен (итоговая цена не
должна сильно расходиться с
изначальной оценкой) — *Will Cost/Should Cost Management*

крупномасштабная
стратегическая информационная
атака — *full-scale strategic information attack*

крупные боевые операции — *major combat operations*

крупные региональные войны,
войны ТВД — *major theater wars*

международно-правовая
концепция упреждения — *preemption*

Меморандум программных
решений — *Program Decision Memorandum – PDM*

Меморандум программных целей — *Program Objectives Memorandum – POM*

мировое господство — *global dominance*

многоуровневая оборона — *full-dimensional protection*

мышление о концентрации сил с
опорой на крупные формирования
тяжелой техники — *mass forces*

намеренное занижение стоимости
ВВТ со стороны производителей
для обеспечения победы в
тендерах — *low-ball gaming strategy*

нанесение ядерного удара первым	—	<i>first strike</i>
направленное материально-техническое обеспечение	—	<i>focused logistics</i>
Научно-техническая стратегия МО США	—	<i>Defense Science and Technology Strategy</i>
национальная военная стратегия	—	<i>National Military Strategy</i>
Национальное управление по разведке земной поверхности	—	<i>National Geospatial-Intelligence Agency</i>
небоевые операции	—	<i>military operations other than war</i>
недееспособные, распадающиеся государства	—	<i>failing states</i>
необходимый инструмент	—	<i>necessary device</i>
непредсказуемый фактор	—	<i>‘wild card’</i>
непрерывные возможности по разведке ТВД	—	<i>persistent theater surveillance capabilities</i>
нетрадиционных боевые действия с нерегулярными формированиями противника	—	<i>irregular warfare</i>
обеспечение безопасности в мирное время	—	<i>peacetime engagement</i>
обеспечение безопасности территории США, обеспечение внутренней безопасности	—	<i>homeland security</i>
обеспечить стабилизацию/поддержание стабильности	—	<i>provide for stability</i>
Оборонный план на будущие годы	—	<i>Future Years Defense Plan – FYDP</i>
Объединенная система интеграции и разработки боевых возможностей	—	<i>Joint Capabilities Integration and Development System – JCIDS</i>
объединенное боевое командование	—	<i>Unified Combatant Command – UCC</i>
объединенные коалиционные и межвидовые операции	—	<i>joint operations</i>
Объединенные межведомственные	—	<i>Joint Interagency Coordination Groups – JIACG</i>

координационные группы	
Объединенные межведомственные рабочие группы для решения специализированных задач	– <i>Joint Interagency Task Forces – JIATF</i>
объединенные оперативные концепции	– <i>joint operating concepts, joint integrating concepts, capstone concepts for joint operations</i>
Объединенные центры разведывательных операций	– <i>Joint Intelligence Operations Centers – JIOC</i>
Объединенный научно-технический план ВС	– <i>Joint Warfighting S&T Plan</i>
односторонние действия в мировых делах	– <i>unilateralism</i>
оперативная концепция совместного применения ВВС и ВМС, концепция проведения «совместных воздушно-морских операций»	– <i>Air-Sea Battle</i>
оперативное межвидовое взаимодействие	– <i>interoperability</i>
оперативные концепции применения объединенной межвидовой группировки войск (сил)	– <i>joint operating concept</i>
оперативные концепции проведения нетрадиционных контрповстанческих операций и боевых действий в городских условиях	– <i>irregular warfare, counterinsurgency operations, urban operations</i>
оперативный план применения ядерного оружия	– <i>OPLAN</i>
операции в прибрежных районах	– <i>littoral warfare</i>
операции меньших размеров	– <i>smaller-scale contingencies</i>
операции по обеспечению безопасности, стабилизации, передаче управления и выстраиванию партнерских связей	– <i>security, stability, transition and partnership operations</i>

Органы управления и исполнения научных исследований и конструкторских работ	—	<i>Defense Research and Engineering Enterprise</i>
оружие исключительной меры	—	<i>weapon of last resort</i>
ответно-встречный удар	—	<i>launch on warning</i>
ответный ядерный удар	—	<i>second-strike capability</i>
Отдел быстрого комплектования	—	<i>Rapid Equipping Force</i>
оценка и разработка технических и финансовых критериев, которым должны отвечать приобретаемые системы вооружения, на основании анализа угроз безопасности	—	<i>threat-based approach</i>
Оценка программы председателем	—	<i>Chairman's Program Assessment – CPA</i>
передовая боевая позиция	—	<i>forward operating site</i>
передовые объекты складского хранения	—	<i>prepositioned stocks</i>
пересмотр состава и структуры ВС в сторону их сокращения, снижение численности войск, военных расходов, избыточной объектовой инфраструктуры	—	<i>downsizing/rightsizing</i>
перехват на море	—	<i>marine interdiction</i>
переходный период	—	<i>transition</i>
перманентная/непрерывная трансформация	—	<i>continuous transformation</i>
План развития технологических областей	—	<i>Defense Technology Area Plan</i>
План фундаментальных исследований	—	<i>Basic Research Plan</i>
планирование на основе оценки технических возможностей противников	—	<i>capabilities-based approach</i>
повстанческое движение, партизанская война	—	<i>insurgency</i>
подорвать способность к борьбе и уничтожить	—	<i>disrupt and destroy</i>

подразделение информационной поддержки	—	<i>Military Information Support Operations unit</i>
подразделения разведывательной поддержки ротного уровня	—	<i>Company Intelligence Support Teams – COIST</i>
подход к планированию и реализации стратегии с привлечением широкого круга государственных ведомств	—	<i>whole-of-a-government approach</i>
политика «не спрашивай-не рассказывай»	—	<i>Don't Ask/Don't Tell</i>
политика сдерживания	—	<i>containment</i>
Постоянный штаб объединенных сил	—	<i>Standing Joint Force Headquarters</i>
превентивные действия для предотвращения ущерба	—	<i>preventive actions</i>
превосходящие силы	—	<i>overwhelming force</i>
предложение о программных и бюджетных изменениях	—	<i>Program/Budget Change Proposal – PCP/BCP</i>
прибрежный боевой корабль	—	<i>Littoral Combat Ship – LCS</i>
применение высокоточных вооружений	—	<i>precision engagement</i>
применение против врага наиболее сильного воздействия, или эффекта	—	<i>mass effects</i>
программа обмена военно-политическими советниками	—	<i>POLAD/MILAD</i>
программа обмена военных и дипломатических кадров	—	<i>State-Defense Exchange</i>
программа улучшения покупательной способности закупок ВВТ и услуг	—	<i>Better Buying Power</i>
проект «боевых систем будущего»	—	<i>Future Combat Systems</i>
проникающие средства и заградительные вооружения	—	<i>penetrating platforms and stand-off weapons</i>
процесс оборонных закупок/заказов	—	<i>Defense Acquisition Process</i>

процесс формирования сил СВ США на основании БТГ	—	<i>Army Force Generation – ARFORGEN</i>
пункт совместной безопасности	—	<i>cooperative security location</i>
Рабочая группа по оборонной реформе	—	<i>Defense Reform Task Force</i>
Рабочая консультационная группа под руководством первого заместителя главы Пентагона	—	<i>Deputy Advisory Working Group</i>
разведение группы космических аппаратов по разным орбитам	—	<i>multi-orbit</i>
Разведывательное управление минобороны – РУМО	—	<i>Defense Intelligence Agency – DIA</i>
развитие сетевой, межвидовой структуры ВС для глубокого наступления с целью дезорганизации, уничтожения и разгрома противника	—	<i>networked, integrated attack-in-depth to disrupt, destroy and defeat – NIA/D3</i>
размещение военной аппаратуры на коммерческих спутниках и космических аппаратах союзников	—	<i>hosted payloads</i>
район концентрации сил	—	<i>consolidation area</i>
район нанесения удара	—	<i>deep area</i>
рассредоточенная по полю боя объединенная межвидовая группировка войск (сил)	—	<i>distributed joint forces</i>
расширенное сдерживание, предполагающие обязательства по ядерному прикрытию союзников	—	<i>extended deterrence</i>
реагирование на угрозы пост-фактум	—	<i>reactive posture</i>
реальные затраты	—	<i>outlays</i>
революция в военном деле	—	<i>revolution in military affairs</i>
Региональная оборонная стратегия	—	<i>regional defense strategy</i>
регионально ориентированные силы	—	<i>regionally tailored forces</i>
Решение по программному	—	<i>Program Budget Decision – PBD</i>

расходуванию		
рубеж безопасного удаления	—	<i>fire support coordination line</i>
Руководство по оборонному планированию	—	<i>Defense Planning Guidance, DPG</i>
свобода действий	—	<i>freedom of action</i>
сводная концепция объединенных операций «Объединенные силы 2020»	—	<i>Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020</i>
сдерживать и побеждать/разгромить	—	<i>deter and defeat</i>
сдерживать и предотвращать угрозы	—	<i>deter and prevent</i>
Северное командование	—	<i>NORTHCOM</i>
Североамериканское командование воздушно-космической обороны	—	<i>NORAD</i>
сетевизация	—	<i>networking</i>
сетцентричная война	—	<i>network-centric warfare</i>
сетцентричные операции	—	<i>network-centric operations</i>
силовой вакуум	—	<i>power vacuum</i>
сильные и универсальные в применении ВС	—	<i>strong and versatile forces</i>
система «планирования-программирования-бюджетирования-исполнения»	—	<i>Planning, Programming, Budgeting, Execution System – PPBES</i>
система принятия решений, в которой последнее слово за отдельными видами ВС	—	<i>service-dominated system</i>
складирование ядерных боезарядов, или сохранение т.н. возвратного потенциала	—	<i>reconstitution</i>
Служба тайных операций РУМО	—	<i>Defense Clandestine Service</i>
снижение численности группировки войск (сил) в зоне боевых действий	—	<i>drawdown</i>
Совет по надзору за требованиями к системам ВВТ	—	<i>Joint Requirements Oversight Council – JROC</i>

Совет по совершенствованию военных лабораторий	—	<i>Laboratory Quality Enhancement Panel – LQEP</i>
Совет по стратегическому планированию	—	<i>Strategic Planning Council</i>
совместно контролируемая демилитаризованная зона – район защиты межвидовых баз и линий коммуникации, обеспечивающих проведение операций	—	<i>joint security area</i>
сокращение ВС	—	<i>trimming / scaling back</i>
сокращение состава и структуры ВС и переопределение их задач	—	<i>downsizing and restructuring</i>
состояние «вечной войны», или «непрерывного конфликта»	—	<i>perpetual war, persistent conflict</i>
сотрудничество в сфере безопасности	—	<i>security cooperation</i>
сохранение глобального лидерства путем формирования международной среды	—	<i>shaping international environment</i>
сохранить военное превосходство	—	<i>prevail</i>
справедливый мир	—	<i>just peace</i>
средства информационной борьбы	—	<i>information warfare</i>
средства удаленного обнаружения	—	<i>remote sensing</i>
ст.зам.министра обороны по делам личного состава и боевой готовности	—	<i>USD for Personnel and Readiness</i>
ст.зам.министра обороны по исследованиям и инженерным делам	—	<i>USD for Research and Engineering</i>
ст.зам.министра обороны по исследованиям и инженерным делам	—	<i>USD for Research and Engineering</i>
ст.зам.министра обороны по политическим вопросам	—	<i>USD for Policy</i>
ст.зам.министра обороны по приобретению ВВТ	—	<i>USD for Acquisition</i>
ст.зам.министра обороны по	—	<i>USD for Acquisition and Sustainment</i>

приобретению ВВТ и тыловому обеспечению

ст.зам.министра обороны по приобретению ВВТ, технологиям и материально-техническому обеспечению

— *USD for Acquisition, Technology and Logistics*

ст.зам.министра обороны по разведывательной деятельности

— *USD for Intelligence*

ст.зам.министра обороны по разведывательной деятельности

— *USD for Intelligence*

ст.зам.министра обороны-контролер

— *USD/Comptroller*

стабилизационные операции, операции по поддержанию стабильности

— *stability operations*

старший заместитель министра обороны

— *Under Secretary of Defense, USD*

стратегическая гибкость

— *strategic agility*

стратегическая мобильность для переброски крупного контингента

— *strategic mobility for overwhelming combat power*

стратегическая наземная группировка

— *strategic landpower*

стратегическая неопределенность

— *strategic uncertainty*

Стратегические оборонные директивы

— *Defense Strategic Guidance*

стратегические переброски

— *strategic lift*

стратегический доступ

— *strategic access*

стратегический курс

— *grand strategy*

стратегический разворот в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона

— *strategic pivot to Asia Pacific*

стратегический тыл, включающий пространство от континентальной части США до ТВД, в т.ч. порты и аэродромы, линии коммуникации, по которым осуществляется снабжение

— *strategic support area*

Стратегическое командование

— *STRATCOM*

стратегическое перепутье	—	<i>strategic crossroads</i>
стратегическое сдерживание	—	<i>strategic deterrence</i>
стратегическую мобильность	—	<i>strategic mobility</i>
стратегия «избирательного участия» и «расширения»	—	<i>strategy of selective engagement and enlargement</i>
стратегия гибкого и селективного/избирательного участия	—	<i>flexible and selective engagement</i>
стратегия национального обновления и глобального лидерства	—	<i>strategy of national renewal and global leadership</i>
стратегия национальной безопасности	—	<i>National Security Strategy</i>
стратегия национальной обороны	—	<i>National Defense Strategy</i>
субкомандования объединенных сил	—	<i>Joint Force Component Commands</i>
суперсеть	—	<i>network of networks</i>
тактика «решительных действий»	—	<i>Decisive Action</i>
теория «системы систем»	—	<i>system of systems</i>
традиционные, нетрадиционные, катастрофические, и дестабилизирующие вызовы	—	<i>traditional, irregular, catastrophic, disruptive challenges</i>
трансформация ВС	—	<i>transformation</i>
труднодоступная среда	—	<i>non-permissive environment</i>
труднодоступные районы	—	<i>contested zones</i>
тыл	—	<i>support area</i>
Управление информационных систем МО США	—	<i>Defense Information Systems Agency – DISA</i>
Управление космического развития МО США	—	<i>Space Development Agency</i>
Управление материально-технического обеспечения МО США	—	<i>Defense Logistics Agency</i>
Управление перспективных оборонных исследований/проектов МО США	—	<i>Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA</i>

Управление по борьбе с самодельными взрывными устройствами МО США	—	<i>Joint Improvised Explosive Devices Defeat Organization, JIEDDO</i>
Управление по вопросам трансформации ВС	—	<i>Office of Force Transformation</i>
Управление по оценке программ и их эффективности	—	<i>Cost Assessment and Program Evaluation, CAPE</i>
Управление по ускоренному созданию боевых возможностей	—	<i>Rapid Capabilities Office</i>
Управление стратегических возможностей	—	<i>Strategic Capabilities Office</i>
управляемый хаос	—	<i>controlled chaos</i>
условия блокирования/отказа в доступе на поле боя	—	<i>anti-access/area denial – A2/AD</i>
усовершенствование человеческого тела	—	<i>human enhancement</i>
устойчивость	—	<i>resiliency</i>
утверждение Исполнительным управлением Президента и Минфином США сметы расходов по оборонным программам на основе поквартального и помесечного графиков освоения средств	—	<i>allotment approval</i>
физическое разделение различных элементов одной космической системы между группой спутников	—	<i>fractionation</i>
Финансово-расчетная служба МО США	—	<i>Defense Finance and Accounting Service – DFAS</i>
финансовый директор МО США	—	<i>Chief Financial Officer, CFO</i>
формирование будущих условий безопасности	—	<i>shaping future security environment</i>
формирование международного порядка	—	<i>shaping international order</i>
фронтальная полоса	—	<i>close area</i>
функциональное распределение одной задачи между группой КА	—	<i>functional disaggregation</i>

целевая объединенная группа сил	–	<i>Joint Task Force</i>
целевой меморандум стоимостных оценок отдельных программ	–	<i>Budget Estimate Submission – BES</i>
целенаправленное, или точечное сдерживание	–	<i>tailored deterrence</i>
цикл принятия решений, состоящий из четырех этапов на основании оценки поведенческой реакции на внешние события и явления – «наблюдение, ориентирование, непосредственно решение и последующее действие»	–	<i>observation, orientation, decision, action – OODA loop</i>
Четырехлетний обзор в области оборонной политики	–	<i>Quadrennial Defense Review Report</i>
экспедиционная ударная группа, ЭУГ	–	<i>Expeditionary Strike Group – ESG</i>
экспедиционное боевое командование ВМС США	–	<i>Navy Expeditionary Combat Command</i>
экспедиционный батальон морской пехоты	–	<i>marine expeditionary unit</i>
Экспедиционный отряд Морской пехоты	–	<i>marine expeditionary unit – MEU</i>
экспертные советы по вопросам научно-технической политики МО США	–	<i>Communities of Interest</i>